

КАК
НАПИСАТЬ
ДИПЛОМНУЮ
РАБОТУ

УМБЕРТО
ЭКО

В моей книге нет ни советов, как заниматься наукой, ни стремления убедить кого-то в ценности этого дела. Здесь просто прочерчивается путь, по которому следует идти, чтобы в определенный день и час перед определенной комиссией вы могли положить пачку листов в переплете, соответствующую нормативам, состоящую из нужного числа отпечатанных страниц, чтобы этот диплом предположительно кто-то соотносился с вашей специальностью, чтобы он не поверг оппонентов в состояние грустной задумчивости.

У. Эко

ISBN 5-8013-0166-6

9 785801 301662

УМБЕРТО ЭКО

КАК НАПИСАТЬ ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Перевод с итальянского Елены Костюкович

УНИВЕРСИТЕТ
КНИЖНЫЙ ДОМ

МОСКВА
2003

УДК 009(075)
ББК 74.200а7
Э 40

Umberto Eco
Come si fa una tesi di laurea
Le materie umanistiche

Эко Умберто

Э 40 Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие / Пер. с ит. Е. Костюкович. — М.: Книжный дом «Университет», 2003. — 2 изд. — 240 с.

ISBN 5-8013-0166-6

Писатель с мировой славой, профессор нескольких университетов Умберто ЭКО в этой книге обращается к своей излюбленной публике — к преподавателям и студентам. **Все**, что требуется знать научному работнику, особенно когда он берется за диплом, диссертацию или одну из первых научных статей, изложено в этой книге с умом и тактом, с чисто художественной выразительностью и с великолепной техничностью. **Любой** научный руководитель, дав эту книгу дипломнику или аспиранту, избавится от хлопот. **Любой** молодой ученый, проработав эту книгу, избавится от сомнений. Любой культурный человек, прочитав эту книгу, получит интеллектуальную радость.

УДК 009(075)
ББК 74.200а7

ISBN 5-8013-0166-6

© R.C.S. Libri S.p.A. - Milan Bompiani, 1977
© Книжный дом «Университет», 2003
© Е. Костюкович, перевод, 2003
© М. Орлова-Петрушина, обложка, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
I. ЧТО ЕСТЬ ДИПЛОМНАЯ РАБОТА И ЗАЧЕМ ОНА.....	10
I.1. Зачем пишут диплом и что он такое.....	10
I.2. Кому адресована эта книга.....	13
I.3. Чем дипломная работа может пригодиться после университета.....	15
I.4. Четыре простейших правила.....	16
II. ВЫБОР ТЕМЫ ДИПЛОМА.....	18
II.1. Монографическая или обзорная?.....	18
II.2. Историческая или теоретическая?.....	23
II.3. На классическом материале или на современном?.....	26
II.4. Сколько времени отвести на диплом?.....	28
II.5. Надо ли знать иностранные языки?.....	33
II.6. Научная или политическая тема?.....	38
II.6.1. Что значит «научная»?.....	38
II.6.2. Историко-теоретические темы или злоба дня?.....	44
II.6.3. Как превратить журналистскую тему в научную?.....	48
II.7. Как не дать научному руководителю сесть вам на шею?.....	56
III. СБОР МАТЕРИАЛА.....	59
III.1. Доступность источников.....	59
III.1.1. Что является источником для научной работы?.....	59
III.1.2. Первоисточники и вторичные источники.....	64
III.2. Составление библиографии.....	69
III.2.1. Как работать в библиотеке.....	69
III.2.2. Предварительная библиография. Карточки.....	74
III.2.3. Библиографическая запись.....	78
Таблица № 1 — Библиографическая ссылка.....	96
Таблица № 2 — Библиографическая карточка.....	97
III.2.4. Опыт поиска в городской библиотеке.....	98
Таблица № 3 — Общие труды по итальянскому барокко, подобранные на основании трех статей из энциклопедий и справочников.....	108
Таблица № 4 — Труды по итальянским литературным трактатам семнадцатого века, подобранные на основании трех статей из энциклопедий и справочников.....	110
III.2.5. А книги-то все-таки надо читать? И в каком порядке?.....	122

IV. ПЛАН РАБОТЫ, РАЗМЕТКА И КОНСПЕКТИРОВАНИЕ	125
IV. 1. Содержание, оно же рабочая гипотеза	125
IV.2. Карточки и конспекты.....	134
IV.2.1. Разные виды карточек: для чего они применяются ...	134
Таблица № 5 — Карточки на цитаты.....	140
Таблица № 6 — Карточка на отсылку.....	143
IV.2.2. Разметка первостепенных источников.....	144
IV.2.3. Конспектирование второстепенных источников	147
Таблица № 7-14 — Карточки-конспекты.....	150
IV.2.4. О научном смирении.....	163
V. КАК НАПИСАТЬ ТЕКСТ.....	166
V.1. К кому вы обращаетесь.....	166
V.2. Интонация.....	168
V.3. Цитирование.....	177
V.3.1. Когда и как цитируют: десять правил.....	177
Таблица № 15 — Пример продолжающегося цитирования в тексте.....	187
V.3.2. Цитата-парафраз-плагиат.....	188
V.4. Подстрочные примечания.....	191
V.4.1. Зачем нужны примечания.....	191
V.4.2. Принцип цитата-примечание.....	193
Таблица № 16 — Применение принципа цитата- примечание.....	196
Таблица № 17 — Пример соответствующей затекстовой библиографии.....	197
V.4.3. Принцип автор-дата.....	198
Таблица № 18 — Та же страница, что в таблице № 16, переделанная по принципу автор-дата.....	201
Таблица № 19 — Пример соответствующей затекстовой библиографии.....	202
V.5. Предосторожности, ловушки, обычаи.....	204
V.6. О научном достоинстве.....	208
VI. ОФОРМЛЕНИЕ ДИПЛОМА.....	211
VI. 1. Выбор принципа.....	211
VI.1.1. Поля и интервалы.....	211
VI. 1.2. Подчеркивания и прописные буквы.....	212
VI.1.3. Графическое оформление подраздела.....	215
VI. 1.4. Кавычки и иные знаки.....	216
VI.1.5. Диакритические знаки и транслитерация.....	219

Таблица № 20 — Транслитерация кириллических букв латинскими.....	220
Таблица № 21 — Транслитерация древнегреческих букв латинскими.....	221
VI. 1.6. Пунктуация, ударения, аббревиатуры.....	222
Таблица № 22 — Список сокращений, обычно применяемых в тексте, примечаниях, библиографии на любых языках.....	222
VI. 1.7. Беспорядочные советы.....	223
VI.2. Затекустовая библиография.....	226
VI.3. Приложения.....	230
VI.4. Оглавление.....	232
Таблица № 22 — Примеры оглавления.....	234
VII. ВЫВОДЫ.....	237

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. В былое время университеты были элитарными. Туда поступали дети тех, кто сам кончал университет. За редкими исключениями, студенты, кроме учебы, ничего не делали. Учеба шла неторопливо, порция науки — и добрая порция студенческих так называемых голиардических развлечений вперемежку с членством во всяких клубах.

Каждая лекция была событием. После лекций активные студенты подходили к профессору, после занятий заходили на кафедру, в семинарах у аспирантов бывало по десять — пятнадцать человек, не более.

Сегодня во многих университетах Америки группы также не превышают десяти, максимум двадцати студентов: те заплатили за курс столько денег, что вправе «использовать» преподавателя на всю катушку. В колледжах типа Оксфорда у каждой группы студентов имеется профессор (тьютор), который руководит их научной работой, и у него может быть только один или два подопечных за весь академический год. Тьютор ежедневно проверяет, как идет у них работа.

Если бы у нас дело обстояло так же, незачем было бы публиковать эту книгу... хотя, наверно, какие-то советы могли бы пригодиться и вышеописанному учащемуся-счастливцу. Но у нас высшее образование носит массовый характер. В университеты идет молодежь любых социальных слоев, после каких угодно школ, так что на факультете философии или на отделении классической филологии оказываются люди, не учившие в школе/лицее ни греческого, ни даже, бывает, латыни. Есть мнение, что без латыни можно обойтись в жизни — это само по себе спорно, но бесспорно, что философам и литературоведам она все-таки необходима.

Есть факультеты, где студентов на курсе по несколько тысяч. Профессор узнает в лицо тридцать из них, самых активных. При

помощи аспирантов, младших преподавателей и стажеров ему удается кое-как обучать в общем и целом сотню. В этой сотне большинство — обеспеченные дети, выросшие в культурной среде, они ходят на выставки, фестивали, путешествуют за границу.

А за пределами сотни — *остальные*. Те, кто учится и работает и, возможно, с утра до вечера пишет бумажки в домоуправлении в таком дремучем городишке, где на десять тысяч жителей нет даже книжного ларька. Те, кто в науке разочаровались и стали политическими активистами, но и они для высшего образования должны как-то написать диплом. Те, у кого так мало денег, что покупка учебников к экзамену — проблема, те, кто прикидывает, сколько надо заплатить за книги к каждому семинару, и выбирает тот курс, который дешевле.

Студенты приходят на лекцию, э. в аудитории сесть негде. Они хотят поговорить с профессором, но к нему очередь двадцать человек, а им надо не опоздать на последнюю электричку, потому что о ночи в гостинице нет и речи. Им никогда никто не объяснял, как искать в библиотеке книгу и в какую идти библиотеку. Часто они не знают, что книги можно выписать по межбиблиотечному обмену или что существует выдача книг на дом.

Мои советы предназначены в основном им. Или выпускникам школ и лицеев, готовящимся к университету и желающим хоть как-то уразуметь, что кроется под загадочным словом «защита».

Всем этим читателям сообщу по крайней мере две вещи:

- можно сделать *достойную* работу, даже стартовав со слабых позиций;
- можно воспользоваться этим случаем (даже если все годы учебы вы испытывали лишь тоску и раздражение) и получить удовольствие от научной работы, не хватаясь за всякое знание без разбору, а приобретая опыт критического подхода, и выработать способность (которая пригодится вам в будущем) точно определять проблемы, методично их решать и грамотно излагать свои выводы.

2. При этом хочу подчеркнуть, что в моей книге нет ни советов, как заниматься наукой, ни стремления убедить кого-то в

ценности этого дела. Здесь просто прочерчивается путь, по которому следует идти, чтобы в определенный день и час перед определенной комиссией вы могли положить пачку листов в переплете, соответствующую нормативам, состоящую из нужного числа отпечатанных страниц, и чтоб этот диплом предположительно как-то соотносился с вашей специальностью, и чтобы он не поверг оппонентов в состояние грустной задумчивости.

Подчеркиваю снова: никто не может сказать вам, что именно писать в дипломе. Это остается вашей личной проблемой. Я могу вам сказать: 1) что называется дипломной работой; 2) как выбрать тему и рассчитать сроки по этапам; 3) как организовать литературу; 4) как организовать собранный материал; 5) как закрепить на бумаге результат. Имейте в виду, что самая трудная часть — последняя. Та, что кажется самой неважной. Между тем она единственная, где следует соблюсти довольно жесткие нормы.

3. Диплом, описываемый в этой книге, — работа для гуманитарного факультета. Поскольку мой собственный опыт ограничивается факультетами философии и филологии, естественно, большинство примеров взято из этих наук. Но в указанных выше рамках предлагаемые мною критерии подходят и для стандартного диплома по политологии, педагогике, юриспруденции. Если проблемы ставятся в историческом или общетеоретическом плане (но не в экспериментальном и не в прикладном), моя модель скорее всего сможет работать и в случае таких факультетов, как архитектурные, экономические, коммерческие и некоторые технические (зависит от темы). Но все-таки необходима осторожность.

4. Идут разговоры о реформе университетской системы. Похоже, скоро будет два или даже три уровня высшего образования.

Встает вопрос, не утратят ли смысла мои советы.

Я думаю, что если будет несколько уровней защит, по типу, существующему во многих зарубежных странах, создастся ситуация наподобие той, которую я описываю в разделе I.1. Будут защищаться сперва, на первом уровне, дипломные работы на аттестат о высшем образовании (собственно дипломы), а потом, на втором уровне, работы на докторскую степень (диссертации).

Некоторые технические советы, которые даны в этой книге, могут пригодиться также для оформления кандидатской диссертации.

5. Мой коллега Чезаре Сегре прочел эту книгу и сделал ряд ценных поправок. Поскольку многими из них я с наслаждением воспользовался, а многие другие в своем упрямстве отверг, он не в ответе за конечный продукт. Разумеется, я всей душой ему благодарен.

6. Последняя оговорка: обращаясь к читателям, я, конечно, имел в виду как студентов, так и студенток, как профессоров, так и профессорш. Поскольку в нашем языке не принято выражаться двусмысленно в духе английского «person», я не стал писать «учащаяся особа» или «дипломосочиняющее лицо».

I. ЧТО ЕСТЬ ДИПЛОМНАЯ РАБОТА И ЗАЧЕМ ОНА

I.1. Зачем пишут диплом и что он такое

Дипломная работа представляет собой от ста до четырехсот страниц, на которых студент исследует проблему по своей специальности. Дипломная работа, по закону, необходима для получения свидетельства о высшем образовании. Сдав все положенные экзамены, студент создает дипломную работу и представляет ее на рассмотрение дипломной комиссии. Комиссия заслушивает характеристику руководителя (который курировал дипломника) и отзыв оппонента или оппонентов. Оппоненты, в частности, задают дипломнику вопросы. В ходе обсуждения (защиты) что-то говорят и члены комиссии. В выступлениях руководителя и оппонента подчеркиваются плюсы (и минусы) представленной работы, а от того, как дипломник сумеет защищать свой собственный текст, зависят суждение комиссии и выносимая оценка. Приняв во внимание экзаменационные оценки за все годы, комиссия ставит окончательную отметку, а также решает, присвоить ли диплому «отличие» и дать ли рекомендацию «в печать». По крайней мере, приблизительно такова система в большинстве гуманитарных вузов.

Все сказанное дает представление о формальных требованиях к диплому и о ритуале защиты, но мало что объясняет по сути этого самого диплома. Прежде всего, почему, чтоб окончить вуз, надо писать диплом?

Кстати, совсем не во всех зарубежных университетах требуют этого. Есть страны, где окончить курс на нескольких различных уровнях можно и без написания дипломной работы. В других странах есть первая ступень вузовского обучения, соотносимая в общем и целом с нашим дипломом, но она не называется полным

высшим образованием и для нее просто надо сдать определенный набор экзаменов или, по желанию, представить работу более скромного масштаба, типа курсовой.

В других странах есть несколько ступеней высшего образования и «стажировок», каждая ступень завершается выпускным сочинением. Самое капитальное из этих сочинений там именуется «диссертацией», пишется эта диссертация в аспирантуре, а в аспирантуру идут лишь те, кто намерен остаться в науке. В разных странах эта ступень обозначается разными словами, я называю ее на английский манер, что принято теперь уже повсеместно, PhD (Philosophy Doctor, доктор философии). Так титулуются все кандидаты и доктора гуманитарного профиля, от социологов до преподавателей греческого языка. Для других областей применяются другие сокращения, например MD — Medicine Doctor.

Как известно, для получения кандидатской степени (PhD) надо написать диссертацию, в то время как для аттестата о высшем образовании надо написать дипломную работу.

Дипломная работа — профессиональная проверка, это не диссертация, которая — проверка академическая. Диссертация должна быть оригинальна; в диссертации кандидат доказывает, что как ученый он может поспособствовать развитию науки, которой намерен заниматься. Диссертацию защищают не в двадцать два года, как диплом, а в более зрелом возрасте, порой даже в сорок или в пятьдесят лет, хотя, конечно, бывают и очень молодые диссертанты. Почему требуется так много времени на раскочку? Именно потому, что речь идет об *оригинальной* работе, для которой следует, естественно, быть знакомым с тем, что сказали на эту тему другие ученые, но и вдобавок следует «открыть» что-то свое, чего другие ученые не говорили. (Когда говорится об «открытиях» в гуманитарной области, это не что-то эпохальное вроде деления атомного ядра, теории относительности или лечения рака. «Открытия» могут быть довольно скромными, в частности, «научным» результатом считается и новое прочтение и истолкование классического текста, и находка рукописи, проливающей дополнительный свет на биографию писателя, и систематизация

I. ЧТО ЕСТЬ ДИПЛОМНАЯ РАБОТА И ЗАЧЕМ ОНА

I.1. Зачем пишут диплом и что он такое

Дипломная работа представляет собой от ста до четырехсот страниц, на которых студент исследует проблему по своей специальности. Дипломная работа, по закону, необходима для получения свидетельства о высшем образовании. Сдав все положенные экзамены, студент создает дипломную работу и представляет ее на рассмотрение дипломной комиссии. Комиссия выслушивает характеристику руководителя (который курировал дипломника) и отзыв оппонента или оппонентов. Оппоненты, в частности, задают дипломнику вопросы. В ходе обсуждения (защиты) что-то говорят и члены комиссии. В выступлениях руководителя и оппонента подчеркиваются плюсы (и минусы) представленной работы, а от того, как дипломник сумеет защищать свой собственный текст, зависят суждение комиссии и выносимая оценка. Приняв во внимание экзаменационные оценки за все годы, комиссия ставит окончательную отметку, а также решает, присвоить ли диплому «отличие» и дать ли рекомендацию «в печать». По крайней мере, приблизительно такова система в большинстве гуманитарных вузов.

Все сказанное дает представление о формальных требованиях к диплому и о ритуале защиты, но мало что объясняет по сути этого самого диплома. Прежде всего, почему, чтоб окончить вуз, надо писать диплом?

Кстати, совсем не во всех зарубежных университетах требуют этого. Есть страны, где окончить курс на нескольких различных уровнях можно и без написания дипломной работы. В других странах есть первая ступень вузовского обучения, соотносимая в общем и целом с нашим дипломом, но она не называется полным

высшим образованием и для нее просто надо сдать определенный набор экзаменов или, по желанию, представить работу более скромного масштаба, типа курсовой.

В других странах есть несколько ступеней высшего образования и «стажировок», каждая ступень завершается выпускным сочинением. Самое капитальное из этих сочинений там именуется «диссертацией», пишется эта диссертация в аспирантуре, а в аспирантуру идут лишь те, кто намерен остаться в науке. В разных странах эта ступень обозначается разными словами, я называю ее на английский манер, что принято теперь уже повсеместно, PhD (Philosophy Doctor, доктор философии). Так титулуются все кандидаты и доктора гуманитарного профиля, от социологов до преподавателей греческого языка. Для других областей применяются другие сокращения, например MD — Medicine Doctor.

Как известно, для получения кандидатской степени (PhD) надо написать диссертацию, в то время как для аттестата о высшем образовании надо написать дипломную работу.

Дипломная работа — профессиональная проверка, это не диссертация, которая — проверка академическая. Диссертация должна быть оригинальна; в диссертации кандидат доказывает, что как ученый он может поспособствовать развитию науки, которой намерен заниматься. Диссертацию защищают не в двадцать два года, как диплом, а в более зрелом возрасте, порой даже в сорок или в пятьдесят лет, хотя, конечно, бывают и очень молодые диссертанты. Почему требуется так много времени на раскочку? Именно потому, что речь идет об *оригинальной* работе, для которой следует, естественно, быть знакомым с тем, что сказали на эту тему другие ученые, но и вдобавок следует «открыть» что-то свое, чего другие ученые не говорили. (Когда говорится об «открытиях» в гуманитарной области, это не что-то эпохальное вроде деления атомного ядра, теории относительности или лечения рака. «Открытия» могут быть довольно скромными, в частности, «научным» результатом считается и новое прочтение и истолкование классического текста, и находка рукописи, проливающей дополнительный свет на биографию писателя, и систематизация

I. Что есть дипломная работа и зачем она

материала по какому-либо вопросу, придающая единство набору идей, раскиданных всюду понемножку).

В любом случае, диссертант создает труд, с которым, хотя бы по идее, другим специалистам необходимо быть знакомыми, поскольку в нем содержится что-то новое (см. раздел II, 6, 1).

Похоже ли положение с дипломной работой? Не похоже. Диплом пишется в двадцать два года, когда человек сдает выпускные университетские экзамены, диплом не является завершением долгого продуманного труда, свидетельством окончательной зрелости. Дипломы лучших студентов, бывает, не уступают диссертациям, но вообще диплом — вещь более скромная. Университет не требует новаторства любой ценой. Правомерны и дипломы-компиляции.

В компилятивной дипломной работе студент просто демонстрирует, что сумел критически переработать большую часть существующей литературы (то есть книг и статей, посвященных теме диплома) и внятно изложить прочитанное, соотнося различные точки зрения, предлагая таким путем толковый обзор, не исключено, что полезный в качестве информации для серьезных специалистов, которые не занимались этим частным вопросом.

Из этого вытекает первый совет: понять, *какую работу вы намечаете, компилятивную или исследовательскую*. Исследовательская будет более долгой и трудоемкой. Компилятивная тоже может оказаться долгой и трудоемкой (существуют компиляции, на которые ушли годы) но, как правило, с компиляцией меньше хлопот и меньше риска.

Выбрать диплом-компиляцию не значит отрезать себе путь в науку. Компиляция вполне может быть проявлением особой серьезности молодого научного работника, который, прежде чем начать изобретать, изучает материал дотошно, досконально, по документам.

Противоположным типом являются дипломы с претензией на исследование, носящие, однако, следы поспешности, и это плохие дипломы, они раздражают читающего и никак не обогащают писавшего.

В общем, выбор между дипломом-компиляцией и дипломом-исследованием зависит от зрелости и работоспособности студента. Часто, увы, на этот выбор влияют и материальные причины. Несомненно, у студента-заочника или вечерника меньше времени, меньше сил и часто меньше средств, а следовательно, меньше возможностей для длительного научного разыскания (в частности, связанного и с покупкой дорогих редких книг, и с поездками в далекие архивы и библиотеки, на конференции и так далее).

Увы, я не могу посоветовать, как решить эту проблему. Во всем мире и во все времена наука была привилегией богатых. В наше время появились стипендии, гранты на поездки, обмен с иностранными вузами. Нельзя сказать, чтобы это решало все проблемы и для всех студентов. В идеале, конечно, хорошо бы государство оплачивало учебу, как работу, поддерживало талантливых ученых, и хорошо бы перестали требоваться «корочки» «для проформы» при поступлении на службу, продвижении по службе, прохождении по конкурсу.

Однако наши университеты отражают наше общественное устройство, и такова жизнь, и мы можем только мечтать, чтобы студенты любого происхождения имели равные перспективы. А пока я могу посоветовать, как успешнее решать проблему дипломной работы при том времени, каким вы располагаете, с теми средствами, которые имеются в наличии, и исходя из индивидуальных наклонностей каждого.

1.2. Кому адресована эта книга

При подобной системе, естественно, многие учащиеся пишут дипломную работу *из-под палки*, потому что иначе им не дадут диплом о высшем образовании, и они не получат тех привилегий, ради которых шли в университет. Это могут быть и студенты лет сорока. Если они думают найти у меня рекомендацию, как им справиться с дипломом за месяц, получить любую отметку и покончить с этим делом, ответ простой: *эту книгу им читать не надо*.

Они — жертвы дурацкой бюрократической машины, они вынуждены защищать диплом ради проформы, и для них я предлагаю два решения: (1) либо потратить определенную сумму и заказать текст умелому человеку, (2) либо взять чужой диплом, защищенный где-то далеко и давно. Лучше не списывать с опубликованных текстов, даже с иностранных, потому что мало-мальски сведущему преподавателю они, возможно, попадались. Но, в общем, не так уж невозможно защитить в Милане диплом, некогда прошедший комиссию в Катании; конечно, следует заранее навести справки о руководителе и оппоненте, не работали ли они прежде в Катанийском университете. Так что, как видим, и вариант с плагиатом содержит элемент исследовательской работы!

Понятно, что вышеприведенные советы *противозаконны*. Это все равно что наущать: «Если тебя привезли на "скорой помощи", а врач отказывается тебя осмотреть, души его за глотку». В обоих случаях речь идет о реакциях отчаяния. Я даю парадоксальные советы именно чтобы подчеркнуть, что в задачу автора не входит упорядочение социального устройства и существующего законодательства.

Вернемся к книге. Она адресована тем, кто, не будучи миллионером и не имея в распоряжении десяти лет для университетских штудий после кругосветного круиза, намерен посвящать диплому разумное время, несколько часов каждый день, и хочет написать такую работу, которая даст ему определенную интеллектуальную радость и будет в какой-то степени полезна даже после университета; тому, кто, определив сам для себя границы (пусть даже скромные) намеченной задачи, желал бы выполнить работу с серьезностью. Seriously можно подходить и к собиранию фантиков, были бы фантики рассортированы по темам, периодам, стилям. Если решили не заходить раньше 1990 года, прекрасно; лишь бы с 1990-го и дальше было собрано все, что возможно. Конечно, останется некоторая разница между вашей коллекцией и Лувром, но хорошая коллекция фантиков лучше, чем плохая картинная галерея. То же относится и к диплому.

1.3. Чем дипломная работа может пригодиться после университета

Есть два способа сделать так, чтоб диплом был полезен и после защиты. Во-первых, конечно, избрать такую тему, которая впоследствии перейдет в более обширное исследование, на много лет вперед, при наличии желания и способностей.

Но даже и не научному работнику, а, скажем, директору турагентства сгодится опыт работы над дипломом «От первого к окончательному варианту "Обрученных" Мандзони». Ведь для сочинения диплома ему придется: (1) четко сформулировать тему; (2) собрать материал по истории вопроса; (3) привести материал в систему; (4) осмыслить собранный материал; (5) придать материалу органичную форму; (6) позаботиться, чтоб читающий, во-первых, понимал, о чем речь, а во-вторых, мог самостоятельно обратиться к цитируемым документам и судить о них.

Это значит, что работа над дипломом учит рассудительности и систематичности. Приобретается метод. Человек учится создавать годный для употребления текст. Следовательно, *не так важна тема работы, как опыт ее создания*. Кто способен основательно подготовить сравнение двух редакций мандзониевского романа, сумеет и правильно организовать базу данных своего туристического агентства. Автор этого руководства опубликовал уже не один десяток книг, и все на разные темы, но именно опыт первой книги дал возможность появиться всем последующим, а первая, кстати, была развернутой публикацией диплома. Могу сказать, что и достоинства и недостатки моих последующих книг вытекают из того, как была написана та самая первая. С годами вырабатывается набор приемов, накапливаются знания, но подход к этим новым накопленным знаниям обычно определяется именно тем, каким путем человек в самом начале шел к знаниям, которых еще не имел.

Короче, написание диплома — как тренировка памяти. У кого на склоне лет хорошая память, те держали свою память в порядке с юности. И неважно, чем они ее подпитывали: перечислением первого-второго-запасного составов команд высшей и первой

I. Что есть дипломная работа и зачем она

лиги, или стихами Гомера, или династиями японских императоров. Ясно, что приятнее тренировать память на материале, который человеку или интересен, или полезен. Но и запоминание бесполезных вещей является замечательной гимнастикой. А следовательно: хотя и веселее писать диплом по привлекательной теме, все же тема менее существенна, нежели метод обработки и опыт отражения результатов.

В частности, если браться за дело с умом, ни одна тема не выглядит глупо. При правильном отношении можно выжать полезные выводы даже из чего-то предельно далекого или второстепенного. Маркс писал диплом не по политэкономии, а по двум греческим философам: Эпикуру и Демокриту. И это не случайный казус. Весьма вероятно, что Маркс поставил и решил проблемы истории и экономики с такой теоретической глубиной именно потому, что как следует освоился со своими философами. Насмотревшись на выпускников, которые сперва защищали дипломы по Марксу, а потом пошли работать в капиталистические концерны, трудно согласиться с расхожим мнением о том, что выбор темы так уж сильно определяет жизнь.

I.4. Четыре простейших правила

Довольно часто выбор темы навязывается студенту научным руководителем. Старайтесь отбиться.

Разумеется, не в том случае, если руководитель дает вам добрый и желанный совет! Неприемлемыми я считаю ситуации, описанные в параграфе II.7 («Как не дать научному руководителю сесть вам на шею») — это когда нехорош преподаватель; заранее исключим и другие случаи, когда нехорош сам студент, когда он ничем не интересуется и готов делать что угодно с любой темой, только бы сбросить с себя поскорее этот груз.

Мои герои — студент, имеющий интересы, и преподаватель, готовый эти интересы развивать.

В таком случае выбор темы должен отвечать четырем требованиям:

- 1) *Тема должна соответствовать склонностям конкретного студента* (то есть соответствовать темам экзаменов, прочитанным книгам, а также политической, идейной, духовной культуре выпускника).
- 2) *Основные тексты должны быть достижимы* (то есть физически доступны для конкретного студента).
- 3) *Основные тексты должны быть постижимы* (то есть интеллектуально посильны для конкретного студента).
- 4) *Избранная методология должна реально соответствовать возможностям конкретного студента.*

Записанные в столбик, эти четыре условия кажутся супер-явными и при обобщении выглядят примерно так: *«Кто берется за диплом, должен браться за такой диплом, за который ему пришлось браться»*. Что ж, прекрасно, пусть это жуткая банальность, но я видел, сколько дипломов потерпело фиаско из-за того, что с самого начала проблему не поставили именно так тривиально¹.

В следующих главах будет сказано, с чего студенту, наметившему работу, надлежит начать и чем кончить.

¹ Можно было бы добавить пятое правило: *студент должен правильно выбрать руководителя*. Бывает, что просят (по дружбе или по лени) преподавателя специальности А взять дипломника по специальности Б. Преподаватель соглашается (по дружбе, по тщеславию или по наплевательству), а потом не в состоянии руководить работой.

II. ВЫБОР ТЕМЫ ДИПЛОМА

III. Монографическая или обзорная?

Первый импульс у любого студента — написать такой диплом, где говорилось бы сразу о многом. Если студент интересуется литературой, первый импульс у него — написать диплом «Литература Нового времени». Если уж не сузить нельзя, так и быть, он согласен на «Литературу Италии послевоенного периода».

Такой подход губителен. Эти масштабы устрашают и матерых ученых. Для двадцатилетнего молодого человека подобный подвиг нереален. Молодой человек либо составит банальный список имен и прибавит подборку обиходных цитат, или выдаст нечто новаторское и будет заклеен за преступные пробелы.

Знаменитый литературовед Джанфранко Контини опубликовал в 1957 году том «Итальянская литература девятнадцатого и двадцатого веков» (издательство Sansoni Accademia); так вот, будь это дипломная работа, его бы прокатили, хотя в книге 472 печатных страницы. Его бы обвинили, что по незнанию или небрежению он не привел ряд имен, которые кому-то кажутся весьма значительными, в то же время посвятил полные главы «второстепенным» авторам, а некоторых «основополагающих» отправил в примечания под строку.

Понятно, это был знаменитый ученый, эрудированный историк, авторитетный критик, никто не сомневался, что и опущение имен, и изменение оценок суть части продуманной концепции; так что отсутствие разбора какого-то автора воспринималось сильнее, чем несколько страниц разноса. Но отколос бы такую штуку двадцатидвухлетний выпускник!

Кто будет искать за его молчанием — полемику? За пробелами — отсылки к сотням откликов и рецензий, опубликованных автором в печати, или ко множеству откликов, которые автор *мог бы* при желании опубликовать?

Дипломники глобального размаха всегда обижены на комиссию, которая ничего не поняла, но беда в том, что комиссия и не смогла бы ничего понять. Обзорный диплом — демонстрация заносчивости. Вообще-то интеллектуальная заносчивость, применительно к диплому, в принципе не возбраняется. Доказывайте, что Данте плохой поэт. Но доказывайте путем трехсотстраничного грамотного разбора дантовского текста. Беда, что такие разборы в обзорные дипломы не влезают. Вот почему крайне желательно, чтобы студенты вместо «Литературы Италии послевоенного периода» брались за нечто гораздо более узкое.

Могу сразу сказать, что, по-моему, является идеалом. Даже не «Рассказы Моравиа», а «Сравнение нескольких редакций "Римских рассказов"». Скучно? Поскучайте... Лично мне такая задача кажется поазартнее остальных.

К тому же если вникнуть, такой выбор — это довольно хитрый поступок. Делая обзор за сорок лет, студент подставляется для любых нападков. Как удержаться оппонентам или даже простым обыкновенным членам совета, как не показать, что они знают такие имена, которые студентом, к сожалению, упущены? Каждый из членов, полиставши в четырех местах, выловит три упущенные персоналии, и вот уже наш студент кругом раскритикован, как будто в его дипломе одни ошибки, ничего хорошего.

Если же дипломник, совсем наоборот, серьезно проработал узкую тему, он вынесет на комиссию материал, этой комиссии почти неизвестный. И учтите, что я не предлагаю вам дешевый трюк. Это трюк, но не дешевый, ради него стоит потрудиться. Да, защищающийся заранее ставит себя в выигрышное положение. Он заведомо будет знать вопрос глубже, чем его слушатели. Но так как для этого ему пришлось как следует попотеть — вполне законно, если он будет за свою работу вознагражден.

Между двумя крайностями: а) обзор всего на свете за сорок лет либо б) история ранних и поздних редакций одного короткого текста — имеется масса промежуточных степеней. Такими являются темы «Литературный авангард в Италии в первой половине шестидесятых годов», или «Образ Рима в "Римских рассказах"»

II. Выбор темы диплома

Моравия», или «Сходства и различия в фантастике Альберто Савинио, Дино Буццати, Томмазо Ландольфи».

Применительно к негуманитарным специальностям в одном руководстве содержится общий рецепт:

Тема «Геология», безусловно, абсолютно необозрима. «Вулканология», как раздел геологии, тоже слишком обширна. Тема «Вулканы Мексики» может быть развита в интересный, но поверхностный очерк. Сузив ее, приходим к достаточно перспективной теме «История Попокатепетля», с момента, когда состоялось, вероятно, первое восхождение одного из конквистадоров Кортеса (1519), и до первого мощного извержения (1702). Но самой компактной темой, охватывающей легко обозримый отрезок времени, представляется «Вспышка и кажущееся затухание вулкана Парикутин (20 февраля 1943 — 4 марта 1952)»¹.

Я бы, несомненно, рекомендовал последнюю из тем. С условием, чтоб об этом никому не нужном вулкане дипломник действительно мог рассказать все, что о нем известно и неизвестно.

Как-то, помню, явился к мне студент, и он желал выбрать тему «Символ в современном мышлении». Я не смог бы этим руководить. Прежде всего, я не знаю, что такое «символ». Термин «символ» меняет свое значение в зависимости от контекста. Бывает, что два разных автора обозначают этим словом два противоположных понятия. Задумайтесь только: в формальной логике и в математике «символами» именуется выражения, не имеющие значения, а имеющие определенное место и точную функцию в неких формализованных расчетах (как a и b или x и y в алгебраических формулах). Другие же ученые применяют термин «символ» к формам, содержащим двусмысленные значения, к примеру: деревья, повторяющиеся в снах, «символизируют» половой орган, желание вырасти и многие другие вещи.

Как же писать диплом с подобным названием! Проанализировать все известные представления о символе в современной культуре, соотнести все сходства и различия, понять, есть ли под все-

¹ Cooper, C.W. e Robins, E.J., *The Term Paper - A Manual and Model*, Stanford, Stanford University Press, 4th ed., 1967, p. 3.

ми различиями общая платформа, присущая любым авторам и любым теориям, и не возникает ли из-за этих различий полная несовместимость идей...

Подобный труд еще ни одному современному философу, лингвисту или психоаналитику не бывал по плечу. Как браться за него желторотому студенту, который, каким бы ни был развитым, все же имеет в своем активе не более шести-семи лет взрослых чтений? Конечно, он может спастись за счет вкусового подхода. Но получится типичная история литературы Контини. Студент может также предложить собственную новаторскую теорию символа, не заботясь, что говорили прочие теоретики. Но до чего неперспективен подобный вариант, будет показано в разделе II.2.

С тем студентом у меня вышел долгий разговор. Я предложил делать диплом о символе у Фрейда и Юнга, не беря, кроме них, никого, проводя сравнение только между этой парой. Но тут открылось, что студент не знает немецкого (отдельный разговор о владении языками первоисточников см. в разделе II, 5). Тогда было решено остановиться на теме «Концепция символа у Пирса, Фрая и Юнга». Целью работы ставилось сравнение значений термина у трех вышеприведенных авторов: философа, критика и психолога. Требовалось доказать, что сплошь и рядом, когда судят об одном из этих трех, возникает путаница, потому что каждому приписываются смыслы, которые свойственны вовсе не ему, а другому ученому. Затем в заключении, на правах гипотезы, студент получал возможность развить концепцию: в чем же перекликаются смыслы их омонимических терминов, — и тут-то находилось место разговору о прочих авторах, которые дипломнику известны, но на которых, в силу ограниченной области исследования, он не мог и не хотел останавливаться специально.

При такой постановке темы не может возникать упреков, что не принят во внимание мыслитель К: сказано же, что диплом посвящается X, Y и Z. Тексты автора J процитированы только по переводам? Ну и что, этот J в любом случае второстепенен, он приводится только в качестве фона для общих выводов, а подробно

II. Выбор темы диплома

и в оригинале рассматриваются именно те три автора, которые значатся в заглавии.

Вот каким путем обзорная тема, не съезживаясь до монографической, может быть ограничена и приобрести нормальный, вполне приемлемый объем.

Надо подчеркнуть, что «монографичность» может истолковываться и шире, нежели тут у нас с вами до сих пор. Монография значит разбор одного конкретного вопроса. В этом смысле монография противопоставляется «историям» предмета, а также учебникам и энциклопедиям.

При таком понимании монографична даже тема «Мир навыворот в средневековой литературе». Она охватывает множество персоналий, но только в одном разрезе. Нас интересует у этих авторов лишь одна идея, разрабатываемая ими на материале «примеров», парадоксов или басен: идея, что рыбы летают по небу, птицы плавают под водой, и так далее.

Из этого может получиться хорошая монография. Но чтоб она получилась хорошей, должны быть рассмотрены все авторы, у которых встречаются эти мотивы, в особенности авторы второстепенные, никому не известные; а при такой разработке тема разовьется из просто монографической в обзорно-монографическую, труднейшую, требующую огромной начитанности.

Берясь за нечто подобное, лучше будет обуздать спектр, ну к примеру, до пределов «Мир навыворот у каролингских поэтов». Теперь тема ограничена, и понятно, без чего не обойтись, а чем можно пренебречь.

Конечно, обзорные темы всегда кажутся аппетитнее, и в частности ужасно уныло выглядит перспектива долбить год, два или три один и тот же источник. Но имейте в виду, что чисто монографическая тема отнюдь не исключает обзорного ракурса. Написать монографический диплом об Итало Кальвино можно лишь на фоне литературы его периода. Тут никуда не деться от других писателей Италии, а также от французов, которых Кальвино знал и переводил.

Только на обширном фоне можно понять поэтику автора и исследовать ее. Но одно дело — учитывать панораму как фон и совсем другое — выписывать панораму со всеми подробностями. Одно дело портрет лорда на фоне ландшафта и ручья, другое дело ландшафт без лорда, где только ручей, долина и гора. Пейзаж требует иной техники, другого фокуса. А простой ландшафтный фон портрета может быть и не вполне сфокусирован, и не совсем полон, и даже перерисован с какой-то другой картины.

Итак, запомним основное правило: *чем конкретнее тема, тем лучше работает и тем достижимей успех*. Монографические темы предпочтительнее обзорных. Диплому лучше походить на статью, чем на учебник или словарь.

II.2. Историческая или теоретическая?

Этот выбор не для всякой дисциплины актуален. Например, диплом по истории математики, по истории романских языков или по истории немецкой литературы может быть только историческим. А по таким специальностям, как композиция в архитектуре, физика ядерных реакторов или сравнительная анатомия, обычно защищаются теоретические или экспериментальные работы. Но существуют специальности, — скажем, теоретическая философия, социология, культурная антропология, эстетика, философия права, педагогика и международное право, — где возможны работы и теоретического и исторического содержания.

Теоретический диплом — это сочинение, где предлагается рассмотреть отвлеченную проблему, уже когда-то выступавшую или еще никогда не выступавшую предметом обсуждения: природа человеческой воли, понятие свободы, понятие социальной роли, существование Бога, генетический код. Подобный список не может не вызвать смех; такой подход Грамши называл «коротенько о Вселенной». И все же знаменитые мыслители до сих пор предаются подобным умствованиям. Правда, за редкими исключениями, они им предаются в финале двадцати-тридцатилетних исследований.

II. Выбор темы диплома

У выпускника, чья научная биография только началась, подобный замысел может реализоваться в двух планах. Первый вариант (опасный, но не настолько, насколько второй) — написать работу, которую мы назвали в предыдущем разделе «панорамным обзором». Допустим, «Представление о социальной роли у таких-то авторов». Применительно к сему, см. соображения выше.

Возможен, кроме того, и еще более чреватый неприятностями подход, когда кандидат считает, что сумеет решить на нескольких страницах проблему Бога или определения свободы. Мой опыт подсказывает, что дипломники, выбирающие подобные темы, обычно создают нечто короткое, бессистемное и приближенное скорее к стихам, нежели к науке.

Обычно когда такому дипломнику замечают, что его работа чересчур субъективна, расплывчата, нестрога, лишена историографической основы и бедна цитатами, он отвечает, что его не поняли, что его работа гораздо умнее, куда глубже обыкновенных банальных компиляций. Это может быть чистойшей правдой, но опять-таки опыт показывает, что обычно подобная отповедь звучит из уст людей с туманными идеями, лишенных научного смирения и коммуникативного дара. Что понимается под научным смирением (которое не свойство слабых, а совсем наоборот: свойство гордых) будет объяснено в разделе IV.2.4.

Разумеется, не исключено, что сочинитель диплома — гений, в какие-то двадцать два года сумевший понять все и даже больше, и я пишу это без тени сарказма. Но история доказывает, что когда на лице земли оказывается гений подобного масштаба, человечеству требуется очень большой срок, чтобы об этом догадаться, и на переваривание его творений уходит немало лет, прежде чем о его величии узнают. Возможно ли надеяться, что комиссия, рассматривающая не этот один, а целую кучу дипломов, по первому крику оценит гениальность этой белой вороны?

Но допустим даже, что студенту удалось решить сложнейшую проблему. Поскольку ничто не родится из ничего, он, наверное, вырабатывал свои взгляды под влиянием какого-то мыслителя. Пускай же он оформит свою теоретическую работу как истори-

ческую, то есть отправляется не от проблемы бытия, понятия свободы или концепции социального действия, а от «Проблемы бытия у раннего Хайдеггера», «Понятия свободы у Канта» и «Концепции социального действия у Парсонса». Если у студента есть оригинальные мысли, они себя покажут и на фоне сравнения с исследуемым автором; много нового можно сказать о свободе, анализируя сказанное о свободе кем-то когда-то до нас.

Если уж очень надо, несостоявшийся теоретический диплом можно вставить в качестве последней главы в диплом исторический. В результате всем будет понятно, о чем же толкует писавший, потому что на фоне взглядов предшественника новаторские идеи выглядят отчетливее и стройнее. Трудно двигаться в пустоте, трудно начинать *ab initio*. Всем нужны точки опоры, в особенности для столь зыбкой материи, как понятие бытия или воли. Даже гении (и они-то в особенности!), вовсе не роняют себя, если от кого-то отталкиваются. Отправляться от чьих-то идей не значит идеализировать предшественника, обожествовать, клясться его именем. Можно, напротив, отмежевываться от предшественника, подчеркивая его ошибки и ограниченность. Но это создаст опорную точку. Говорили же люди средневековья, чтившие классиков (даже чересчур самозабвенно), что современные им мыслители, будучи вроде бы «карликами», опираясь на древних, превращаются в «карликов, стоящих на плечах великана» и видят дальше своих предтеч.

Все эти соображения не относятся к прикладным и экспериментальным дисциплинам. Если диплом пишется по психологии, выбор стоит не между «Проблемой перцепции у Пиаже» и «Проблемой перцепции» (хотя, положим, кого-то безрассудного и может потянуть на вторую, необъятную тему). Альтернативой историческому диплому у психологов выступают дипломы на основании экспериментов, например «Перцепция цвета в группе умственно недоразвитых детей».

Это уже будет иной разговор. Можно подумать, что эта работа начинается с проведения опытов и что главное — знать методику

II. Выбор темы диплома

их проведения и располагать возможностью лабораторной работы при квалифицированном руководстве. Но порядочный ученый-экспериментатор не станет исследовать реакции подопытных, не проведя предварительной обзорной работы (анализ аналогичных уже осуществленных экспериментов). Иначе он рискует открыть Америку, доказывая то, что давно доказано, или применяя методику, известную как провальная... хотя, впрочем, достойной темой диплома может быть усовершенствование существующей методики, дотоле не дававшей удачных результатов.

Выходит, диплом, основанный на опытах, не создается в домашних условиях, и методика не изобретается «от фонаря». Здесь также надо исходить из принципа, что если вы карлик, но сообразительный, влезайте на плечо к великану, даже не очень высокому, или в крайнем случае к другому карлику. Успеете еще походить на своих ногах.

II.3. На классическом материале или на современном?

Этот вопрос напоминает старинный «спор о старых и новых»... Для многих дисциплин такой вопрос вообще не возникает. Хотя даже при специализации «история латинской литературы» бывают и темы по Горацию, и темы по горациеведению в Европе и Америке за последние двадцать лет. Но, конечно, для диплома по современной родной словесности «классических» альтернатив не существует.

Как бы то ни было, студенты нередко, услышав от профессора темы вроде «петраркист шестнадцатого века» или «литератор-классицист», просят себе лучше Гарсиа Маркеса или Грэма Грина. Бывает, что их выбор диктуется нежной любовью. Против любви не пойдешь. Но часто в истоке тяги к современности лежит иллюзия, будто современный автор легче и занимательнее классика.

Запомните, *что современный предмет всегда труднее классического*. Конечно, список литературы по нему, как правило, короче; большинство текстов под рукой; и первый этап изучения может проходить не в тиши библиотек, а на пляже в обнимку с

романом. Но вот диплом-то... либо вы собираетесь предаться болтологии, повторяя то, что сказано газетными критиками, и тогда наш разговор окончен (имейте, впрочем, в виду, что и по петраркистам можно предаваться болтологии) либо вам желательно сказать новое слово, и тут оказывается, что для старых авторов выработались устойчивые интерпретационные схемы, от которых вы можете отталкиваться, а вот о современных авторах суждения критиков пока еще смутны, они не устоялись, ваш собственный критический взгляд размыт ввиду отсутствия перспективы, и делать выводы — мучительнейшее дело.

Безусловно, старинный автор читается помедленнее. Библиография по нему будет подлиннее. Но зато она уже кем-то подобрана, можно воспользоваться готовыми списками работ.

Вдобавок, если подходить к диплому как к возможности натренироваться писать научный текст, старый материал предлагает больше упражнений. Если дипломник намерен стать критиком современной литературы, диплом, может статься, — последняя его возможность соприкоснуться с литературой прошлого, выработать вкус и интерпретирующий подход. Глупо не ухватиться за такую возможность. Многие из крупных современных писателей, самых авангардных, защищали дипломы не по Джойсу или Паунду, а по Данте и Шекспиру.

Разумеется, нельзя слишком уж обобщать, и не исключено, что талантливый начинающий ученый сможет провести исторический или стилистический анализ современной литературы с такой же глубиной и филологической точностью, как если бы он работал над классикой.

Кроме того, многое зависит от специфики дисциплины. В философии, скажем, «читабельность» и «легкость» не всегда присущи современности: Гуссерлем труднее заниматься, чем Декартом, и Паскаль читается запоем, а Карнап — наоборот.

Поэтому окончательный совет, который на самом деле можно дать, таков: *подходите к современному автору, как если бы он был древним, а к древнему — как если бы он был современным.* Это и вам интереснее, и для работы нужнее.

II.4. Сколько времени отвести на диплом?

Скажу сразу: *не больше трех лет, не меньше шести месяцев.*

Не больше трех лет — потому что если за это время вы не осилили тему и не собрали материал, значит, одно из трех:

- 1) взята тема не по силам;
- 2) вас обуревают тяга к совершенству, и вы будете трудиться над дипломом двадцать лет, желая вместить в него все. Но умелый ученый должен намечать себе рамки, пусть даже скромные, и выстраивать нечто завершенное внутри них;
- 3) у вас дипломный невроз. Вы то беретесь, то оставляете, страдаете от чувства неудачи, разбрасываетесь, загораживаетесь дипломом от всех на свете проблем. Так вы не защититесь никогда.

Не менее шести месяцев — потому что даже чтоб породить подобие грамотной журнальной статьи, страниц на шестьдесят, пока вы изучите материал, составите приличную библиографию, кончите делать конспекты и напишете текст, шесть месяцев пронесутся — не заметите. Разумеется, более опытному ученому на такую статью столько времени не надо; но у него за плечами десятилетия чтений, у него накоплены выписки, конспекты, карточки, а дипломник начинает почти с нуля.

Говоря «три года» или «шесть месяцев», я не имею, разумеется, в виду время самого писания, написать можно и за месяц и за пару недель, в зависимости от метода, который употреблялся при подготовке. Я имею в виду весь период от первой наметки идеи диплома до депонирования переплетенного текста в деканат. Соответственно выпускник может работать над текстом, скажем, год, но использовать при этом те чтения и те идеи, которые, не зная еще точно для какой цели, он копил два предшествовавших курса.

Идеальный же, по моим понятиям, вариант — это придумать себе тему диплома (и найти научного руководителя) *примерно к концу второго курса*. На этом этапе вы уже освоились с большинством предметов и представляете себе темы, сложности и положение даже в тех дисциплинах, по которым экзамены еще не сдавали.

Такой ранний выбор темы вас нисколько не свяжет. Весь третий курс вы будете проверять, не обманулись ли вы, не надо ли вам поменять тему, руководителя или даже дисциплину. Будьте уверены, что потратить год на приготовления, скажем, к диплому по древнегреческой литературе, а защищаться в итоге по современной истории не значит впустую потерять год. Вы за этот год научились составлять предварительную библиографию, конспектировать, делать указатель. Вы помните, что сказано в разделе I.3? Диплом нужен в первую очередь, чтоб научиться приводить мысли в порядок, какой бы ни был избран конкретный материал.

При выборе предмета к концу второго курса у вас остается три лета на исследовательскую работу и, возможно, на сопряженные с ней разъезды; вы знаете, какие факультативы посещать. Вы согласовываете с руководителями темы курсовых, чтобы была польза для диплома. Вы можете даже попробовать уговорить преподавателя позволить вам готовиться к зачету/экзамену по персональному списку литературы. Если вы будете вести себя серьезно и добросовестно, без препирательств и мелких школьных хитростей, мне кажется, любой разумный преподаватель пойдет навстречу и охотней примет экзамен «сознательный», небезразличный для студента, чем экзамен случайный, вынужденный, подготовленный без усердия ради избавления от очередной мороки.

Выбрав тему после второго курса, студент работает по полной программе, имея два года на раскачку и год на сам текст.

Не противопоказано выбирать тему и раньше, не противопоказано выбирать ее и позднее; лучше все же выбрать ее не поздно, чтоб не затягивать учебу в университете на лишние годы. Но самое главное — не выбирать в последний момент.

Дело в том, что диплом лучше всего носить к руководителю кусками, если только это возможно. Не то чтобы мне хотелось преувеличить важность фигуры профессора. Но диплом, подобно любой книге, предполагает наличие адресата — читающей публики; преподаватель — единственный квалифицированный читатель, который у вас есть на протяжении всей работы над текстом

II. Выбор темы диплома

диплома. Если диплом пишется в последнюю минуту, руководителю вы несете целые главы или вообще законченный текст. Если руководитель получил текст прямо перед защитой, есть риск, что он останется недоволен и свое недовольство выскажет прямо на защите, что приведет к неприятным результатам. Неприятным и для него самого, поскольку руководитель не должен выносить на комиссию дипломы, которыми не удовлетворен; ведь это провал и для руководителя. Если уж ему кажется, что соискатель не справляется с темой, он обязан сказать ему об этом заранее, убедить, чтоб тот взял себе другой предмет или подождал, пока не созреет для первого. Если дипломник, выслушав это, все-таки будет упорствовать, считая, что руководитель ошибается или что ему ни в коем случае нельзя терять время, — ну что ж, тогда пусть готовится к кипучей дискуссии, по крайней мере он будет знать, что его ждет.

Из всего сказанного, кажется, ясно, что шестимесячный диплом, пусть и является наименьшим из зол, далек от оптимального варианта (за исключением редчайших случаев, когда утвержденная в последний момент тема позволяет продуктивно использовать наработанный за предыдущие годы материал).

Но все мы знаем, что бывают на свете такие обстоятельства, когда защититься за шесть месяцев просто необходимо. Значит, надо найти тему, которая может быть достойно и серьезно проработана за это время. (Как-то не хочется, чтобы мои рассуждения были восприняты чересчур примитивно, будто я здесь торгую «шестимесячными» или «шестилетними» дипломами на разный вкус и по разной цене...). Достойно и серьезно за шесть месяцев можно справиться при следующих условиях:

- 1) выбрав тему чрезвычайно узкую;
- 2) выбрав тему близкую к современности, чтобы не начитывать библиографию от Ноева потопы. Или же это должна быть настолько частная тема, что по ней не написано почти ничего;
- 3) убедившись, что материал по теме доступен в месте, где вы проживаете, и без особенных усилий.

Приведем несколько примеров.

Типичная тема для срочного диплома — «Церковь Санта Мария дель Каstellо в Алессандрии». Ясно, что тема рассчитана на торопящегося дипломника, живущего где-то около Алессандрии; если он живет на другом конце Италии, подобный выбор — ма-разм. В высшей степени вероятно, что все, что требуется для изучения истории строительства и перестроек этого памятника, лежит при самой церкви, в городской библиотеке Алессандрии и в краеведческом архиве. Я пишу «в высшей степени вероятно», потому что это гипотеза. Разумеется, прежде чем нажимать на «пуск», гипотезу надо проверить.

Есть и еще одно «но». Если источников сколько угодно, но большей частью они представляют собой неизданные рукописи, — с такой литературой невозможно совладать без палеографического образования, умения читать и расшифровывать почерк разных веков. То есть опять-таки тема, поначалу выглядевшая просто, может оказаться труднейшей.

Когда же я, торопящийся студент, убедился, что большинство источников доступно и они — печатные, можно спокойно стартовать.

Другой пример.

Рафаэле Ла Каприа — современный писатель, он опубликовал всего только три романа и книгу очерков. Все они на данный момент изданы в одном и том же издательстве, «Бомпиани». Посмотрим, что нам даст тема диплома «Творчество Ла Каприа в оценке современной итальянской критики».

Учитывая, что в издательствах обычно ведутся досье, подбираются вырезки из критических работ и рецензий об отдельных авторах, можно идти прямо в миланский офис «Бомпиани» и конспектировать там все, что надо. К тому же автор живой, а значит, можно с ним списаться, можно к нему напроситься, получить дополнительные библиографические подсказки и, почти гарантированно, — ксерокопии всего необходимого для работы.

Разумеется, подобный диплом по критике потребует от студента и просмотра книг авторов, которым критики уподобили или

противопоставили писателя Ла Каприа. Область работы расширится, но не очень много. Но мы исходим из того, что выбравший Ла Каприа, наверно, хоть отчасти интересуется современной итальянской литературой. Если он ею вовсе не интересуется, значит, решение относительно темы принималось им цинично и в то же время недальновидно.

Еще образчик шестимесячного диплома: «Интерпретация Второй мировой войны в учебниках истории для средних школ последних трех пятилетий». Может, и не так легко отловить все учебники, изданные за пятнадцать лет. И все же издательств, занимающихся учебной литературой, обозримое количество. Собрав (ксерокопировав) все учебники, успокоимся, потому что в каждом из них описанию Второй мировой войны посвящено всего несколько страниц, и все эти страницы могут быть разобраны и сопоставлены — достаточно квалифицированно — за краткие сроки.

Само собой, невозможно показать, как отражена в каждой рассматриваемой работе Вторая мировая война, если не сопоставить эту конкретную трактовку с общей картиной исторического процесса, которую предлагает данный учебник. А значит, разработка темы предполагает некоторое дополнительное углубление в материал. Нельзя написать такого рода диплом и без учета полдюжины наиболее авторитетных монографий о Второй мировой войне.

В то же время ясно, что если бы устранились еще и эти фильтры критической оценки, диплом можно было бы сотворить не то что за шесть месяцев, а за шесть дней. Тогда он должен был бы именоваться не университетским дипломом, а газетной заметкой, сколь угодно остроумной и блестящей, но не дающей возможности оценить исследовательские способности выпускника.

Хочу сразу заметить, если к разговору о шести месяцах подходит в смысле «шесть месяцев по одному часу в день», то разговор, по-моему, можно и не продолжать. См. советы в разделе I.2. Спишите или купите себе текст диплома, и с плеч долой.

II.5. Надо ли знать иностранные языки?

Этот раздел пишется не для тех, кто специализируется по иностранному языку или по иностранной словесности. Надо надеяться, что они владеют тем языком, по которому защищают диплом. Надо бы даже требовать, чтобы те, кто защищается по французскому языку, на нем же и писали дипломы. За границей во многих университетах так принято, и мне кажется, это справедливо.

Но сейчас наша речь идет о тех, чьи специальности — философия, социология, юриспруденция, политология, история или естественные науки. Всегда возникает необходимость обратиться к книге, написанной на чужом языке. Даже если работаешь над темой по собственной национальной истории: ведь знаменитые специалисты по этой же части попадают и среди немцев, и среди англичан.

Обычно при подобной ситуации человек пользуется случаем начать читать на языке, на котором раньше не читал. По знакомой теме, при некотором усердии, можно начать что-то понимать. Часто язык так и учат. Как правило, на нем потом не говорят, но разбирать разбирают, что гораздо лучше, нежели не разбирать ничего.

Если по вашей теме имеется *только одна* немецкая книга и немецкого вы не знаете, можно попросить знакомого прочитать вам вслух какие-то куски. Надеюсь, у вас хватит совести не слишком цитировать эту книгу, но вы с полным правом можете вставлять ее в библиографию, так как вы с нею и правда ознакомились.

Но все это мелочи. Главным же условием выбора темы должно быть: *не брать тему, требующую знания языка, вам неведомого и который вы не имеете намерения учить*. Между тем иногда люди берут тему, не учитывая рисков, с нею сопряженных. Поэтому перечислю ряд неукоснительных законов:

1) *Нельзя писать диплом по иностранному автору, если вы не можете читать его в подлиннике*. Всем это очевидно, когда речь идет о поэтах, но почему-то существует мнение, что дипломная работа по Канту, Фрейдю или Адаму Смиту свободна от подобных ограничений. А она не свободна — по двум причинам, которые поясню.

Во-первых, нет уверенности, что на ваш язык переведены *все* произведения этого автора, а ведь незнание одной-единственной мелкой работы может спутать понятия о мировоззрении или пути развития исследуемого ученого. Во-вторых, о каждом деятеле культуры и науки и большинство работ, как естественно предположить, написано на его родном языке, и даже если сам автор переведен, не обязательно переведены его историки и интерпретаторы. Наконец, случаются такие переводы, в которых мысль автора передана не вполне точно, а исследователям-дипломникам как раз и пристало высвобождать истинные идеи автора из-под наслоений неудачного перевода и всяких популяризации. Писать диплом и означает преодолевать школьные формулы наподобие «Расин классик, а Шатобриан романтик» или «Платон идеалист, а Аристотель реалист» или «В Паскале на первом месте сердце, а в Декарте мозги».

2) *Нельзя брать тему, важнейшие работы по которой написаны на недоступном для вас языке.* Студент, великолепно знающий немецкий, но не знающий французского, не может в наши дни затевать диплом по Ницше, хотя тот писал именно по-немецки: ведь в последние десятилетия некоторые из самых интересных новых интерпретаций Ницше были опубликованы во Франции. То же самое и с Фрейдом: невозможно читать его сегодня в отрыве от знаменитых перечтений, предложенных ревизионистами-американцами и структуралистами-французами.

3) *Нельзя написать диплом ни по какому автору и ни по какой теме, учитывая только те работы, что написаны на известных вам языках.* Кто может гарантировать, что самая существенная работа не написана на том единственном языке, которого вы не знаете? Конечно, от таких мыслей недалеко и до невроза; но не будем впадать в панику. Существуют этикет и научная корректность. Допускается, если исследование, посвященное англоязычному писателю, вышло на японском языке, сделать сноску, что факт публикации вам известен, но читать вы ее не читали. Подобная «индальгенция» в западных университетах обычно распространяется на восточные и славянские языки, и потому существуют

весьма серьезные работы по Марксу, авторы которых заранее объявляют, что не читают по-русски. Однако в этих случаях серьезный исследователь всегда может узнать (и показать, что знает) общее содержание этих работ из доступных рецензий и аннотаций. В русских, болгарских, чешских, израильских сборниках научных работ обычно помещаются несколько страниц с английским или французским резюме. Таким образом, делая диплом по французскому писателю, вы можете не знать словацкого языка и выкрутиться из сложного положения за счет резюме на английском — но уж английский вам знать необходимо.

Итак, совет: прежде чем утверждать тему, необходимо продумать первоначальную библиографию, чтобы убедиться в отсутствии непреодолимых лингвистических препон.

Некоторые правила давно всем известны. Не затевайте исследований по греческой философии, если не знаете немецкого языка, потому что немцы распахивали это поле несколько столетий.

В любом случае диплом полезен для того, чтоб приобрести общую терминологическую культуру на материале главных европейских языков. Пусть и не зная русского, можно научиться разбирать кириллицу; надо пытаться понять, чему посвящена публикация — науке или искусству; выучить русские буквы дело двух часов, а запомнив, что означают слова *наука* и *iskusstvo*, почувствуешь себя увереннее, встречая русские цитаты. Главное — не пугаться. Надо воспринимать диплом как уникальную возможность научиться массе мелочей, которые вам всегда пригодятся.

Конечно же, если вам предстоит осваивать иностранную библиографию, наилучший вариант — это съездить в страну изучаемого языка и там на месте во всем разобраться. Но наши советы адресованы нормальным, не самым богатым студентам, так что будем реалистичны.

Теперь последнее предположение, самое компромиссное. Предположим, защищается диплом по визуальной перцепции применительно к изобразительному искусству. Автор диплома не знает

иностранных языков и не имеет времени учить их (или же не имеет способностей; кому-то шведский дается за неделю, а кто-то и через десять лет не может прилично говорить по-французски).

К тому же некая практическая причина понуждает этого дипломника развязаться с университетом за шесть месяцев. Однако он искренне заинтересован темой и профессией, он собирается после университета работать по специальности и при возможности возвратиться к начатому исследованию, углубить и расширить его. Такому выпускнику мы посоветуем следующее.

Остановиться на теме типа «Проблемы визуальной перцепции применительно к изобразительным искусствам у некоторых современных теоретиков». Прежде всего прояснить для себя взгляд современной психологии на данную проблематику: для того прибегнуть к ряду основных (переведенных на все языки) работ, как, скажем, «Глаз и мозг» Грегори и основные тексты психологии форм и психологии трансакций.

Потом сфокусироваться на троих мыслителях, к примеру, Арнхейм как представитель гештальт-психологического подхода, Гомбрих как представитель семиотико-информационного подхода, Панофский как исследователь перспективы с точки зрения иконологии. Этими тремя учеными выражены три разные позиции по вопросу о роли «природного» и «культурного» при восприятии образов. Чтобы понять место каждого из трех теоретиков на общем фоне, прибегнем к сравнительным исследованиям, например к трудам Джилло Дорфлеса. Проанализировав взгляды каждого из трех, дипломник приложит полученный теоретический заряд к анализу конкретного произведения искусства. Для этого он оттолкнется от интерпретации, принадлежащей известному предшественнику (скажем, возьмет за основу анализ творчества Пьеро делла Франческа, предложенный Лонги), и дополнит его более «актуальными» соображениями, родившимися при изучении новых методик.

Конечный продукт никого не поразит оригинальностью, это будет честный компромисс между обзорной и монографической

тематикой, но эта работа вполне осуществима без чтения на иностранных языках. Студента нельзя будет упрекнуть, что он не изучил всего Панофского, в том числе работы, не переведенные с английского или с немецкого, потому что студент делал свой диплом не по Панофскому, а по одной проблеме, с которой работы Панофского соприкасаются только определенным боком и по определенным частным поводам.

Как уже прежде говорилось в разделе II. 1, диплом подобного характера не является оптимальным, поскольку есть риск неполноты и поверхностности. Подчеркнем еще раз, что это образец шестимесячного творения выпускника, срочно упорядочивающего материал по теме, которая в принципе соответствует его интересам. Это не более чем выход из положения, но все-таки выход вполне и вполне пристойный.

В любом случае: если языков вы не знаете и не можете воспользоваться драгоценным предложением, дипломом, для того чтобы их со вкусом поучить, самое разумное решение — выбирайте темы специфически отечественного покроя, так чтобы с отсылками к иноязычным текстам можно было управляться посредством чтения переводов или вообще без этих отсылок обходиться. Например, итальянец, выбирающий для себя темой диплома «Модели исторического романа в прозе Гарибальди», должен, конечно, иметь некоторое понятие о принципах художественной исторической прозы и, скажем, о Вальтере Сютте (а также, естественно, о полемике по данному вопросу, имевшей место в Италии в девятнадцатом веке), но работы теоретического плана есть и на нашем языке, так же как исторические романы Скотта, причем имеется возможность пойти в библиотеку и посмотреть даже старые переводы.

Еще меньше сложностей в этом смысле представляют собой темы типа «Влияние некоего исторического романиста на политические концепции в нашей стране в прошлом веке». Хотя, конечно, никогда не знаешь заранее. Первым делом удостоверьтесь, что в библиографии нет краеугольных иностранных работ — а потом уже радуйтесь.

II.6. Научная или политическая тема?

В итоге общей политизации общества многие студенты отвергают для себя «книжную», «сухую» науку и стремятся к заостренности на политике и социальных делах. Если ставить вопрос, как я нарочно поставил в заголовке этой части, возникает ошибочное ощущение, будто «идейное» исследование не «научно». А так как в университетах все время твердят о науке, о научности, научной работе и научной ценности работ, тут могут возникать и искренние заблуждения, и сознательные подтасовки, и беспочвенная подозрительность: не собираются ли погрести студентов в сухой и пыльной «книжной культуре»?

II.6.1. Что значит «научная»?

Многие считают «научными» только естественные дисциплины или количественные исследования: работа-де не «научна», если в ней нет формул и диаграмм. При подобной логике «не научна» работа по морали у Аристотеля, но в той же степени «не научна» и работа по классовой борьбе и крестьянским восстаниям в Европе в эпоху Реформации.

Разумеется, вовсе не так воспринимают «научность» в университетах. «Научная» модель в принципе была задана естественными дисциплинами еще в семнадцатом веке и с тех пор предполагает соблюдение следующих норм:

1) *Предмет исследования должен обладать узнаваемостью и поддаваться описанию.*

«Предмет» не обязательно существует в жизни, «предметом» может выступать квадратный корень, хотя никто этого корня не видел. Социальные классы — законный предмет науки. Если кто возразит, что при бесспорном существовании отдельных личностей и бесспорном существовании статистических масс классы как таковые существованием не обладают, на это имеется ответ, что не существует и класс простых чисел, больших 3725, а математики этим классом занимаются.

Определить предмет значит определить условия, при которых можно о предмете говорить на основании правил, которые мы

сами себе установили или которые другими установлены до нас. Когда мы устанавливаем правило, на основании которого простое число, большее 3725, поддается узнаванию при встрече с ним, значит, мы установили правило узнавания предмета работы.

Разумеется, возникают аналогии: может ли, в частности, выступать предметом науки *вымышленная* реальность, которой, по общему представлению, существование не присуще, например, кентавры?

Рассмотрим три возможных пути определения кентавров как предмета.

Прежде всего, взять кентавров как элемент греческой мифологии: предмет делается общеузнаваемым и определяемым, поскольку будут анализироваться тексты (вербальные или визуальные), содержащие кентавров. Задачей будет показать, какими свойствами должна характеризоваться данность, содержащаяся в греческой мифологии, дабы быть опознанной как кентавр.

Во-вторых, попытаться определить свойства, которыми должна характеризоваться данность вероятного мира (отличного от мира реального), дабы быть названной кентавром. При этом задача — обозначить условия этого вероятного мира, предудедев, что все рассуждение развернется в сфере этой гипотезы. Сохраняя верность первоначальной постановке вопроса, прийти к выводу, что предмет исследования в вероятном мире имеет вероятную возможность быть предметом научного рассмотрения.

В-третьих, мы можем заявить, будто обладаем доказательствами, что кентавры действительно существуют. Чтоб определить предмет исследования, мы обязаны предъявить эти доказательства (скелеты, костные останки, отпечатки в вулканической лаве, фотографии в инфракрасных лучах, сделанные ночью в лесах Пелопоннеса, или что еще мы там раздобудем). Истинна наша гипотеза или ложна, но что-то, подлежащее обсуждению, в данном случае существует.

Разумеется, пример парадоксален, вряд ли кого привлекает диплом по кентаврам, в особенности в третьем рассматриваемом варианте. Я просто хочу убедить, что предмет исследования всегда определим и он будет всегда узнаваем, лишь бы

соблюдались первоначальные условия. Что применимо к кентаврам, явно приложимо и к моральной линии поведения, к желаниям, к ценностям или к идее исторического прогресса.

2) В исследовании *должно быть сказано о предмете нечто, чего еще не говорилось*, или должны быть как-то переосмыслены идеи, уже кем-либо высказанные. Математически точная работа, доказывающая традиционным способом теорему Пифагора, научной не является, поскольку нового не открывает. Самое большее она может претендовать на титул научно-популярной, равно как и руководство по строительству собачьей будки с употреблением фанеры, досок, пилы и молотка с гвоздями. Как уже говорилось в разделе I.1, даже компилятивный диплом может оказаться научно полезным, если компилятор распределил системно и по порядку суждения, высказывавшиеся разными учеными по одному и тому же вопросу. Поэтому руководство, как построить собачью будку, не является научной работой; а, напротив, сравнительно-сопоставительное исследование многообразных известных на свете методологий строительства песчых будок вполне может претендовать на научную ценность.

Нужно только учитывать вот что. Компилятивное исследование имеет хоть какой-то научный смысл лишь при условии, что ничего подобного на эту тему до тех пор не создавалось. Если собачьи конуры уже выступали предметом сравнительно-сопоставительного компендиума, делать сызнова то же самое есть непростительная растрата времени (или грабеж интеллектуальной собственности).

3) *Исследование должно быть полезно для других*. Полезная статья, описывающая новое открытие о поведении элементарных частиц. Полезная и заметка, описывающая, каким образом был отыскан неизвестный черновик Леопарди, и содержащая полную публикацию текста. Работа научна, если (при учете требований норм 1 и 2, см. выше) добавляет хоть что-либо к тому, что человечеству было ведомо прежде, и если все будущие работы по предмету должны будут, хотя бы по теории, учитывать этот вклад. Разумеется, степень научной ценности вклада пропорциональна

степени необходимости его для окружающих. Существуют сообщения, после появления которых ученые, если не учтут их, не сделают ничего путного. А другие сообщения хотя в общем для ученых и бесполезны, но не учитывая их, никто не умрет.

Недавно вышла публикация писем, которые Джеймс Джойс писал жене на жгучие сексуальные темы. Бесспорно, для того, кто завтра будет заниматься героиней «Улисса» Джойса, Молли Блум, полезно знать, что в личной жизни писатель наделял свою жену живой и развитой сексуальностью, подобной сексуальности Молли; значит, это существенное научное сообщение. С другой стороны, существуют замечательные интерпретации «Улисса», в которых героиня Молли глубоко проанализирована в полном отрыве от этой биографической подоплеки. Значит, сообщение ценно, но не необходимо.

А вот когда был опубликован «Стивен Герой», первый вариант джойсовского произведения «Портрет художника в юности», все сошлись, что его нельзя не учитывать для исследования творческого развития ирландского романиста. Значит, публикация была неоспоримым научным вкладом.

Кое-кто, подобно буквоедам-немцам, любимым героям филологических анекдотов, потрясает абсолютно ненужными «архивными находками» типа прачечных квитанций: записями нулевой информативности, в которых изучаемый писатель, допустим, перечислял свои траты за определенную неделю. В редких случаях и от таких документов бывает прок, они проливают лучи света на образ, предположим, отшельника, которого считали непрактичным, или свидетельствуют, что в определенный период писатель жил стесненно. Порою же они ничего не добавляют к тому, что и без них известно, эти мелкие курьезы биографий, и не обладают никакой научной значимостью, хотя и существуют ученые, заработавшие реноме неутомимых трудяг на публикациях подобной бесполовщины. Я не намерен расхолаживать тех, кто существует за счет этой мелочевки. Но пусть не претендуют на лавры «двигателей прогресса». Гораздо полезнее для прогресса, не научного, так хотя бы дидактического, интересная популярная книга, где описана жизнь и хорошо пересказаны произведения автора.

II. Выбор темы диплома

4) Исследование *обязано намечать пути проверки и опровержения предлагаемой идеи*, то есть содержать наметки для продолжения работы другими исследователями. Это требование принципиальное. Я свободен доказывать, будто существуют кентавры на Пелопоннесе, но я обязан соблюсти четыре обязательных условия: а) пусть будут представлены доказательства существования там кентавров (как уже говорилось: хоть одна прихвостная кость); б) пусть будет рассказано, как и где удалось найти это прихвостье; в) пусть будет намечен путь, которым следует идти, чтоб отыскать остальные реликты; г) вдобавок должно быть указано, кость какого фасона, будучи найдена, разнесет в мелкую пыль всю мою великолепную гипотезу.

Итак, вы не только приведете доказательства своей идеи, но и сделаете все возможное, чтоб другие могли пойти вслед за вами, дабы подтвердить вашу идею — или опровергнуть ее.

Все это применимо к любому материалу. Предположим, цель исследования — доказать, что в одном революционном движении в 1969 году сосуществовали два русла, ленинистское и троцкистское, вопреки тому, что принято за догму, то есть будто это движение было монолитно. Приведем ряд документов (листовки, протоколы сходов, статьи и т.д.) в доказательство нашей идеи; поясним, где был найден материал и как мы его искали, с тем чтобы дать возможность и другим последовать нашему примеру; а также поясним, на основании каких доказательств приписывается авторство того либо иного документа представителям именно этой группы.

В частности, зная, что группа самораспустилась в 1970 году, автор обязан уточнить, расценивает ли как манифесты идеологической позиции группы исключительно документы, созданные ее членами до 1970 года (не преминув также оговорить, на основании каких доказательств считает кого-либо членом группы: по партбилету? по наличию его имени в перечне присутствовавших на сходке? по карточке в полицейском досье?), или же, напротив, он (автор диплома) учитывает также и печатные высказывания

бывших членов этой группы после ее самороспуска, то есть исходит из предположения, что если они высказывали некие идеи по окончании деятельности группы, они вынашивали эти идеи (возможно, в предварительной форме) еще до 1970 года.

Только при этих условиях кто-то, кроме автора, сможет продолжить это расследование: в частности, скажем, покажет, что выводы автора являются ошибочными, так как неправомерно заносить в ряды членов группы одного субъекта, которого причисляла к группе только полиция, но никак не признавали ее члены, во всяком случае если судить по документам, имеющимся в нашем распоряжении... Вот, перед нами и научная гипотеза, и ее доказательства, и возможности ее проверки и опровержения.

Я специально выбрал столь далекие материи, чтобы показать, что критерии научности могут быть применены к любому предмету.

Учтя все сказанное, отрешимся от натянутого противопоставления «научности» и «политической актуальности». Вполне выполнимо политически актуальное исследование *с соблюдением всех критериев научности*. Может быть научным даже диплом, посвященный опыту политической агитации с применением наглядных пособий в рабочем коллективе: этот текст научен в той мере, в какой он включает в себя гласный и проверяемый отчет о проделанной работе, с тем чтобы опыт мог быть воспроизведен другими, которые либо получают те же самые результаты, либо придут к заключению, что ваши результаты произвольны и получены не благодаря вашим научным достоинствам, а под влиянием инородных факторов, вами в дипломе не учтенных.

Польза научного продукта в том, что экономится чужое время. Разрабатывая чью-то гипотезу, пусть и приходя к ее опровержению, ученые добывают значимые результаты на энергии импульса, полученного от кого-то. Если описанная выше работа подвигнет кого-то на новую агитацию в рабочем коллективе (пусть даже в пику вашим будто бы несостоятельным попыткам), что-то полезное, сделаем вывод, вышло.

Все это доказывает, что нет конфликта между научностью и политической актуальностью. С одной стороны, можно сказать, что любой диплом, по своему достоинству научный, повышая уровень знания у других, играет положительную политическую роль; отрицательную же политическую роль играет любое действие, тормозящее процесс познания. С другой стороны, можно ответственно утверждать, что любое политическое начинание с претензиями на успех должно стоять на серьезном научном фундаменте.

И, как вы видели, «научности» можно добиться без логарифмов и пробирок.

II.6.2. Историко-теоретические темы или злоба дня?

Коли так, приводившийся выше вопрос мы переформулируем: *что полезней — работа, основанная на эрудиции, или же связанная с практическим опытом, с прямой социальной ответственностью!* Иными словами, что полезнее — писать диплом о знаменитых людях и об их классических произведениях, или писать диплом, предлагающий активные выходы на современную жизнь? (Скажем, в теоретическом разрезе: понятие эксплуатации в неоконсервативной идеологии. Или в практическом плане: условия жизни барачников на периферии Рима).

Вопрос, конечно, нелепый. Каждый выберет что ему созвучно, и если студент произучал четыре года романскую морфологию, с чего бы ему писать диплом по барачникам? Так же абсурдно требовать высшего «научного смирения» от того, кто все университетские годы занимался Пазолини, и заставлять его защищаться по рыцарским легендам.

Но вообразим себе студента, переживающего момент растерянности, задающего себе вопрос, зачем вообще нужна учеба в университете и, особенно, дипломная работа. Допустим, у этого студента ярко выражены политические и социальные интересы, и он боится изменить призванию, поддавшись «академичности» и «книжности».

Если он уже имеет опыт политического и социального дела, дающий материал для обобщений и для выводов, пускай он задумается: как научно переработать этот запас.

Но если этот опыт пока не накоплен, рискну заметить, что вопрос мне представляется только проявлением хоть и благородных, но наивных чувств. Мы уже видели, что привычка к исследованию, прививаемая дипломом, крайне полезна для нашей будущей жизни (профессиональной, политической, какой хотите) и не столько в отношении темы, которая будет изучена, сколько в качестве тренировки ума, приучения себя к строгости, приобретения привычки к труду.

Парадоксально, но из этого вытекает, что политически активный студент свободно может избирать своей темой, скажем, указательные местоимения в трактатах по ботанике восемнадцатого века. Или теорию импетуса в догалилеевском естествознании. Неэвклидову геометрию. Учреждения церковного права. Мистицизм исихастов. Средневековую арабскую медицину. Подпункт гражданского законодательства «О соблюдении общественного порядка при проведении публичных аукционов».

Можно гореть политическими интересами, например профсоюзными, и проявить их в исследовании истории рабочего движения в девятнадцатом веке. Чтоб уяснить специфику средств пропаганды в эксплуатируемых слоях общества, полезно исследовать стиль, распространение, композицию народных лубков в возрожденческую эпоху.

Скажу больше: студенту, который до сих пор был погружен исключительно в политическую и социальную борьбу, я посоветовал бы как раз работу такого рода, а не отчет о собственной практической деятельности; ибо ясно, что этот диплом — последняя для него возможность расширить исторический, теоретический, технический кругозор и обучиться составлять документированные досье. Не говоря уж о том, чтобы четче осмыслить теоретические и исторические основания собственной политической платформы.

Разумеется, это мое личное мнение. И в частности, именно для того, чтобы уважить противоположную точку зрения, теперь я залезу в шкуру того, кто, беззаветно преданный политике, желает приобщить дипломную работу к своему реальному делу, а свой практический опыт отобразить в дипломе.

Это вполне осуществимо, есть все предпосылки успеха. Только надо с предельной четкостью соблюдать правила — именно ради уважения к идее.

Не так уж редко дипломники приносят на защиту кипы листовок, отчеты о дискуссиях, сводки и справки, статистические таблицы, бывает, позаимствованные у какого-то предшественника, и все это именуют «идейно выдержанным дипломом». Комиссия перед лицом подобного, по неведению, лени или же опасаясь демагогии, сплеча одобряет и переходит к следующему дипломнику. По существу же имеет место издевательство, при этом даже не над научными, а над идейными ценностями.

Есть серьезная политика и политика безответственная. Политик, прогнозирующий развитие чего-либо без солидной информированности о положении в обществе — демагог, если не преступник. Стряпая идейный диплом без научных критериев, такие люди оказывают крайне дурную услугу собственному политическому лагерю.

Мы уже останавливались в разделе II.6.1 на понятии научности и ее необходимости для серьезного политизированного исследования. Однажды я видел студента, работавшего над темой «Массовые коммуникации» и убеждавшего комиссию, что он-де провел «опрос» по темам телевидения среди рабочих и служащих определенного региона. Как выяснилось, он записал на кассету беседу с десятком пассажиров электрички по дороге в университет и обратно. Разумеется, результат этих времяпрепровождений нельзя именовать опросом общественного мнения. И не только потому, что отсутствовали нормы подконтрольности, неотъемлемые от идеи опроса мнения, но и потому, что обретенные таким способом плоды оказались настолько тривиальными, что

не стоило трудиться опрашивать. Не покидая своей комнаты, можно было предугадать, что из десяти респондентов большинство поведает, что предпочитает футбол не в записи, а в прямом эфире. Псевдоопрос на тридцати страницах с подобным результатом — обыкновенное фиглярство. А для сочинителя еще и самообман, сочинитель пыжится, будто набрал «объективных» данных, а на самом деле он неопратно подкрепил априорные интуитивные догадки.

Риск создать поверхностную работу повышается именно в случае «политически заостренных» дипломов. Причин тому две: а) потому что в истории и в филологии бытуют традиционные методы работы, от которых не уйти — а работа с текущими социальными феноменами часто требует изобретения новых подходов, и поэтому хорошую работу на политически злободневном материале сделать труднее, чем в случае спокойного исследования истории; б) потому что «американизированные» методологии, заполонившие мир, вознесли на пьедестал статистически-квантитативные модели, порождая гигантские исследования, не имеющие отношения к реальной жизни, из-за чего политизированная молодежь шарается от этой социологии, которая не больше чем «социометрия», и, на их взгляд, — служанка верхушки общества и ее идеологическое прикрытие. Отвращение к таким методологиям склоняет студентов вообще ничего не исследовать, а складывать вместе в качестве дипломов вороха листовок, воззваний и голословных теоретических заявлений.

Как предотвратить этот риск? Разными способами. Читайте серьезные работы по аналогичным темам. Не бросайтесь проводить социологическую работу, если не были на стажировке в профессиональной опросной группе, не отработали методы сбора и анализа данных. Не надейтесь осуществить за какую-то неделю сбор материала, обычно это — затяжное дорогостоящее дело.

Но поскольку тип сложностей зависит от сферы и темы и от подготовки студента и здесь нельзя дать общих советов, я попросту приведу наглядный пример на самом жгучем современном материале, по которому, скорее всего, нет аналогичных исследований, на материале с яркой политической, идеологической и

практической окраской, который многими традиционными профессорами, наверное, был бы охарактеризован как «типично журналистский»: «Феномен независимых радиостанций».

II.6.3. Как превратить журналистскую тему в научную?

Известно, что с некоторых пор в крупных центрах появились десятки и десятки радиостанций, что есть по две, три или четыре станции на каждый населенный пункт в сотню тысяч жителей, и есть своя станция практически в каждом поселке. Это станции либо политические, либо коммерческие. Их законный статус не вполне определен, но так как закон, как водится, расплывчат и переменчив, то между тем как пишутся эти строки (или будет писаться ваш диплом) и до момента выхода книги (или защиты вашего диплома на комиссии) картина, безусловно, преобразится неоднократно.

Поэтому первым делом вам следует обозначить как можно более четко географические и временные границы вашего исследования. Они могут быть крайне узки («Независимое радиовещание, январь - декабрь ... года»), но охват должен быть всесторонним. Вы можете сосредоточиться только на миланских станциях. Но миланские станции вы обязаны прочесать *все*. В противном случае ваша работа будет неполной. Если упущена хоть одна станция, есть опасность, что упущена та, которая передавала самые важные программы, владела самой большой аудиторией, располагала самым культурно разнообразным набором ведущих и находилась в самом показательном районе (будь то центр, конкретный квартал или периферия).

Вы хотите обработать выборочный материал по тридцати станциям со всей Италии? Тогда необходимо строго формализовать отбор образцов. Если в масштабах Италии на каждые три политических передатчика приходится пять коммерческих (или на пять левых станций одна ультраправая), в вашей эталонной выборке не должно быть двадцать девять политических и вдобавок левых (или наоборот), потому что в этом случае даваемый вами отчет о феномене будет соответствовать состоянию ваших желаний или опасений, но никак не будет соответствовать реальности.

Вы решаете, скажем (предпосылка, подобная предположению о вероятном бытовании кентавров), что отказываетесь от рассмотрения радиоточек в том виде, каковы они в реальности, и вместо этого разрабатываете модель идеальной независимой станции. Но имейте в виду: проект, с одной стороны, должен быть органичен и реалистичен (вы не можете закладывать в проект употребление аппаратуры, которой не существует в мире или которая не по деньгам малому частному предприятию); с другой стороны, модель не может создаваться без учета реальных тенденций, а значит, даже при такой гипотезе необходимо провести предварительный анализ.

Начнем с того, что вы обязаны сформулировать критерии понятия «независимое радио», чтобы сделать предмет исследования узнаваемым.

Считаете ли вы «независимыми» только радиоканалы левой ориентации? Или только станции маленьких полуподпольных групп? Или «независимые» в вашем представлении — это станции, независимые от каналов-монополистов, в том числе сильные и разветвленные чисто коммерческие фирмы? Или основной для вас параметр — территориальный, и вы считаете по-настоящему независимыми от нашего государства только радиостанции карликовых стран — Сан-Марино или Монте-Карло? При любом варианте вы обязаны сформулировать критерии и объяснить, почему определенные феномены вы учитываете, а другие исключаете из поля обзора.

Конечно, критерии должны быть системны, а используемая вами терминология — однозначна. Оговорите сразу, что в вашем понимании «независимые станции» — только те, которые выражают крайне левое мировоззрение. Поскольку большинство людей причисляет к «независимым радиостанциям» и левых и не-левых, они могут ошибочно подумать, что вы либо имели в виду и левых и не-левых, либо полагали, будто не-левых не существует. Не дезориентируйте читателей, объясните им все и сразу.

Объясняя, вам придется провозгласить, что вы оспариваете определение «независимое радио» применительно к станциям,

которые не будете изучать (и пусть ваше заявление подкрепляется аргументами). Или попросту выберите для радиостанций, которыми займетесь, более конкретное имя.

После прелиминарии начинайте описывать структуру независимого вещания в организационном, экономическом и юридическом разрезе. Если на каких-то станциях есть штатные работники, а на других сменяют друг друга энтузиасты по вахтовому графику, отметьте это в таблице организационных типологий. Проверьте, обладают ли выделенные виды общими характеристиками, позволяющими выстроить абстрактную модель независимого канала, — или же термин «независимое радио» включает в себя пестрый набор разноплановых явлений? Такой подход имеет, в частности, и практический смысл, поскольку, пожелай вы учредить независимую радиостанцию, вам непременно понадобится знать, как строится оптимальная структура.

Чтобы выстроить порядочную типологию, следует, естественно, начать с таблицы и заложить в нее параметры сравнения разных станций. Столбцы отведутся радиостанциям, а графы — статистике определенных характеристик. Вот самая приблизительная таблица, урезанная до микроскопичности. Она содержит только четыре параметра: профессионализм ведущих; соотношение музыки и текстовых кусков; реклама; политическая ангажированность. Ниже я разбираю семь вымышленных радиоканалов.

	Радио Бета	Радио Гамма	Радио Дельта	Радио Аврора	Радио Центр	Радио Поп	Радио Канал 100
Ведущие-профессионалы	–	+	–	–	–	–	–
Преобладание музыки над словом	+	+	–	+	+	+	+
Присутствие рекламы	+	+	–	–	+	+	+
Выраженная политическая ориентация	+	–	+	+	–	+	–

Эта таблица показывает, скажем, что «Радио Поп» основана политически ангажированными непрофессионалами и что «Радио Поп» отводит больше времени музыке, нежели текстам, и дает рекламные объявления. В то же время из таблицы явствует, что ни реклама, ни преобладание музыки над текстами не противоречат политической ориентированности, как можно видеть на примере двух входящих в отобранную группу радиостанций, хотя имеется и такая станция, где идейность сочетается с преобладанием слова над музыкой. С другой стороны, нет ни одного неполитического канала, где бы отсутствовала реклама и текстов было бы больше, чем музыки.

Эта таблица абсолютно гипотетична, она охватывает крайне мало параметров и крайне мало радиостанций. Поэтому она не могла бы служить нормальной базой для достоверных аналитических выводов. Это только мини-образчик подхода.

Далее. Откуда брать эти данные?

Источников три: официальные документы, свидетельства участников и разбор радиовещания.

Официальные документы — обычно самый надежный источник, но о независимых станциях мало что можно найти... По закону, все радиостанции должны быть официально зарегистрированы в государственных органах. По тому же закону, должны оформляться и нотариальные записи: протоколы об учреждении компаний, акты заседаний. Но отнюдь не гарантировано, что вам позволят с ними ознакомиться. Может быть, в будущем законодательство изменится, и деловые бумаги предприятий станут более доступными, но пока что подобраться к документам трудновато. В этих официальных документах обязательно содержатся название станции, отведенный ей диапазон радиоволн, выделенное эфирное время. Диплом, в котором будут приведены хотя бы эти сведения, но обо всех станциях, уже только поэтому представляет собой определенную исследовательскую ценность.

Свидетельства участников. Берутся интервью у сотрудников радио. Сказанное ими составит объективный материал — только

должно быть четко указано: цитируется *именно то, что утверждают они*; критерии сбора интервью должны быть унифицированы. Надо создать анкету, и чтобы все отвечали на одни и те же вопросы, базовые для вашего исследования; и чтобы отказ дать ответ на какой-то вопрос тоже протоколировался. Не обязательно анкета должна быть сухой и конспективной, содержать одни «да» и «нет». Если все главные редакторы выступят с программными заявлениями, протокольный свод всех их заявлений может составить полезный документ.

Остановимся на понятии «объективный материал» в данном конкретном случае. Если главный редактор заявляет: «Мы не преследуем политических целей и не получаем финансирования», — это, возможно, не соответствует действительности, однако представляет собой объективный материал — сам тот факт, что радиостанция желает представать перед публикой в таком обличье. Самое большее, что вы можете себе позволить — полемизировать с этим заверением, выполнив критический разбор передач этой станции. См. об этом ниже, в разделе о третьем источнике информации.

Мониторинг вещания. Это тот аспект вашей деятельности, по которому сразу понятно, серьезный у вас подход или дилетантский. Исследовать программы независимого радио означает следить за ними полными сутками, скажем, неделю, час за часом, создавая что-то наподобие радио-протокола, куда будет записано, что они передавали и в какое время, какой продолжительности у них стандартная передача, какой процент музыки и какой — «говорильни», бывают ли дискуссии, и если да, на какие темы, кто в них участвует, и далее в этом духе. В диплом, конечно, нельзя вместить все то, что передается этими каналами за неделю, но можно выбрать самые показательные моменты (комментарии к музыкальным блокам, реплики в дискуссиях, приемы обработки новостей), из которых складывается художественное, лингвистическое и идейное лицо рассматриваемой станции.

Существуют образцы радио- и телевизионных протоколов, разработанные несколько лет назад болонским научно-исследо-

вательским институтом ARCI. Сотрудники института занимались хронометрированием новостей, изучали повторяемость словесных формул и иные своеобразные характеристики программ. Имея подобные протоколы вещания разных радиостанций, вы можете приступать к сравнениям: скажем, как преподносились одна и та же песня или одно и то же политическое событие на двух или нескольких передающих каналах.

Вы можете также сравнить независимые передачи с программами крупных монопольных каналов: соотношение музыки и текста, соотношение актуальности с занимательностью, соотношение общего времени с рекламным, классической музыки с эстрадной, отечественной с зарубежной, эстрады ностальгического типа с молодежной и в этом духе. Как видите, системное прослушивание, с магнитофоном и карандашом, может предоставить вам такие возможности, которые не вытекают из бесед с сотрудниками.

Иногда простое сопоставление объявлений разных рекламодателей (пропорциональная доля объявлений ресторанов, кинозалов, издательств и так далее) дает ценнейший материал для выводов о финансировании (в ряде случаев — замаскированном) некоего канала. Главное условие: не поддаваться впечатлениям и не кидаться яркими догадками типа «в полдень передают поп-музыку и рекламу «Панамерикан»! Это проамериканский канал». Сперва проследите, что они передают в час, в два, в три, в понедельник, во вторник, в среду.

Если радиостанций много, вам надо выбрать одно из двух: или прослушивать все одновременно, организовав регистрирующий пульт — по магнитофону на программу (и это предпочтительная методика, поскольку она позволяет составлять сравнительные протоколы на один и тот же временной отрезок), либо отвести на каждую станцию по неделе. Но во втором варианте вам придется работать очень плотно, не делать перерывов, дабы не попасть в противоположные периоды, разделенные полугодом или годом, поскольку в радиокультуре смена мод и манер происходит быстро и часто, и не имеет, думается, смысла соотносить январские программы «Радио Бета» с августовскими программами «Ра-

дио Аврора», поскольку за месяцы промежутка «Радио Бета» мало ли куда могло уйти.

Допустим, вам удалось выполнить всю эту работу. Чем же теперь заниматься? Великим множеством вещей. Перечисляем их лишь частично:

- Решите, что вам делать с рейтингом. Тут никаких официальных данных быть не может. Заверениям сотрудников радиоканалов верить нельзя. Единственная альтернатива — опрос широких групп населения методом выборочного обзвона: «Какой канал вы сейчас слушаете?» Этот метод на вооружении у государственного радиовещания. Он требует подготовленных структур и стоит денег. Лучше отказаться от показателей популярности, но только не надо писать: «Большинство населения слушает "Дельту" лишь на основании свидетельств пятерых ваших родственников. Проблема с выяснением рейтинга наглядно показывает, что даже в работе над современным материалом необходимо соблюдать научный подход — и что соблюдать его бывает достаточно трудно. Гораздо проще изучать древнеримские анналы.
- Проанализируйте отражение в печати и (при наличии) критические отзывы о выбранных вами каналах.
- Составьте выборку нормативов по данному вопросу, прокомментируйте ее, проследите, как на одних каналах обходят эти нормы, а на других соблюдают, и какие проблемы в связи с этим обнаруживаются.
- Расставьте акценты в отношении партийных симпатий.
- Попробуйте создать сравнительные таблицы рекламных расценок. Вполне может оказаться, что сотрудники радиоканалов не пожелают выдавать вам цифры или солгут; не огорчайтесь. Услышав на «Радио Дельта» рекламу ресторана «Пинии», пойдите в «Пинии» и спросите у директора. Не исключено, что он охотно вам скажет, во что обходится ресторану минута рекламы в радиосети.
- Возьмите какое-то политическое событие (скажем, выборы) и рассмотрите, как прореагировали на него ваши подопытные станции.

- Проанализируйте с лингвистической точки зрения их стиль вещания (воспроизводят ли они стиль государственного радио, подражают ли американским диск-жокеям, используют ли терминологию политиков, стараются ли употреблять диалектизмы, жаргон и проч.)
- Постарайтесь отметить влияние «независимых» каналов, если оно существует, на официальные (тематика, выбор программ, языковые заимствования).
- Проследите, высказывались ли о ваших независимых станциях видные политические деятели, официальные лица, культурные знаменитости. Три высказывания потянут только на журнальную заметочку, однако подборка из сотни мнений — это уже обзор.
- Подберите всю известную вам литературу, от зарубежных исследований на эту тему до статей в провинциальной прессе, чтобы создать как можно более полную библиографию по вопросу.

Ясно, что вы не обязаны делать *все*, что включено в этот список. *Что-то одно*, сделанное с умом и умением, составит исчерпывающую дипломную работу. И в то же время *не только* перечисленными вещами можно заниматься на вашем месте. Я просто набросал кое-какие примеры, чтобы показать, как даже на материале, столь далеком от «академизма», и при отсутствии критической литературы можно выполнить научную работу, полезную для людей, пригодную для включения в более обширный оперативный контекст, необходимую всем, кто пожелает разрабатывать тему вслед за вами, и очищенную от догадок, фантазий и легкомысленных обобщений.

Так все-таки, наконец: *научную или политически актуальную работу вам писать! Такого вопроса не существует.* Абсолютно научно и исследование по идеям Платона, и по идеям политической молодежной группировки, организованной в текущем году. Если вы человек серьезный, хорошенько поразмыслите, браться

ли вам за вторую из этих тем, ибо она гораздо труднее первой и требует гораздо большей научной зрелости. Прежде всего в ней плохо то, что для работы над этой темой нет подходящей библиотеки. Библиотеку, если уж на то пойдет, придется основывать вам.

Словом, возможен строго научный подход к «журналистской» теме. И может оказаться чисто журналистской работа с таким названием, которое побуждало ожидать научности.

II.7. Как не дать научному руководителю сесть вам на шею?

Будущий дипломник или выбирает себе тему сам, или идет за нею к профессору.

Профессор, предлагая студенту тему, руководствуется одним из двух критериев: либо он берет нечто из собственного репертуара, что ему хорошо известно и позволит руководить дипломом без усилий, либо выбирает нечто такое, что они оба знают недостаточно и что хотели бы изучить лучше.

Скажем сразу, что вопреки видимости именно второе предложение честнее и благороднее. Преподаватель намеревается по мере работы над дипломом расширять и собственный горизонт, дабы давать студенту добросовестные советы. Он поможет дипломнику в работе и обретет что-то новое для себя. Обычно руководитель выбирает тему второго типа, если действительно доверяет дипломнику. В этих случаях он уведомляет его с самого начала, что сюжет этот нов и для него и что он хочет углубить свои знания. Некоторые профессора отказываются руководить работами на слишком заезженные темы; хотя при нынешней массовости образования, строптивцы, как правило, укрощаются и идут навстречу унылой необходимости.

Бывают тем не менее случаи, когда руководитель замышляет масштабную работу, имеет нужду в сборе информации и хочет использовать дипломников как поисковую команду. Тогда он начинает заворачивать своих выпускников в эту узкую область науки. Если преподаватель — экономист, изучающий развитие про-

мышленности за определенный период, он станет раздавать проблемы по отраслям промышленности, осваивая по кускам широкую панораму. Что ж, подобный подход не только правомерен, но и полезен для науки. Пусть дипломные работы студентов вливаются в просторное русло коллективного проекта. К тому же подобный подход и полезен, и функционален: студент не только уверен, что его руководитель предельно информирован в отношении предмета, но и сможет сверяться, как с фоном для сравнений, с дипломами других студентов по сопредельным и пограничным темам. Если работа окажется удачной, у студента есть шанс опубликовать полученные результаты (или часть их) в отдельной или коллективной научной работе.

Дело, однако, может принять и неприятный оборот, если:

1. Преподаватель настолько заворочен собственной темой, что жмет на дипломника, который вообще-то не имел желания заниматься этим вопросом. Тем он превращает студента в вялого невольника, таскающего воду на чужую мельницу. Сочинение его выходит настолько блеклым, что профессор, оформляя свое исследование в книгу, берет натасканный студентом материал и даже не цитирует источник, поскольку в источнике не содержалось никаких выраженных мыслей.

2. Преподаватель человек непорядочный, заставляет работать на себя студентов, заставляет нарабатывать материал, который потом использует. Иногда, впрочем, трудно понять, где непорядочность, а где простая безалаберность. Допустим, руководитель помогал дипломнику с азартом, предлагал ему кучу идей, минуло время, и он уже не различает, какие идеи предложил он сам, какие выдумал студент. Так после бурного публичного обсуждения какого-то вопроса мы уже не в состоянии припомнить, в чем состояли исходные пункты, что привнесли мы сами и что — другие.

Как застраховаться от подобных опасностей? Ну, во-первых, студент за годы учебы, наверно, не раз говорил с друзьями о преподавателях, наверно, он знаком и с выпускниками университета и представляет себе личность того или иного сотрудника кафедры.

Студент читал его статьи и книги и обратил внимание на то, процитированы ли источники материалов и в каком виде они процитированы. Кроме этого, играют роль неуловимые факторы: доверие, приязнь.

Вдобавок боже упаси превратиться в жертву невроза, которая считает себя обокраденной, если хоть кто-то заикается хоть о чем-то напоминающем рассуждения его диплома. Если вы сочиняете текст, предположим, о связях дарвинизма с ламаркизмом, вы, должно быть, обратили внимание, читая критическую литературу, какая уйма предшественников уже высказалась по дорожному вам вопросу и сколько соображений повторилось от ученого к ученому. Следовательно, вы не станете в позу ограбленного гения, если через некоторое время преподаватель, или какой-то его ассистент, или кто-то из ваших знакомых займутся той же темой, над которой работали вы.

Плагиатом в научной среде считаются, кроме списывания, еще и использование экспериментальных данных конкретного опыта, заимствование текстологии рукописей, которые до того не расшифровывались, использование готовой статистики, и все это без отсылки к источнику (ибо депонируя ваш диплом в деканате и в библиотеке университета, вы тем самым публикуете его), а также кража чужого перевода иностранного текста, прежде не переводившегося или переводившегося другими словами.

В любом случае, без параноидальности, но все же постарайтесь понять, входит ли ваша тематика в чей-то коллективный замысел и если входит, то устраивает вас это или нет.

III. СБОР МАТЕРИАЛА

III.1. Доступность источников

III.1.1. Что является источником для научной работы?

В дипломной работе изучается *предмет* при помощи *орудий*. Во многих случаях предметом является книга, орудиями — другие книги. Таково положение, скажем, с темой «Экономические воззрения Адама Смита», предмет — книги Адама Смита, орудия — книги по Адаму Смиту. Следовательно, книги Адама Смита можно назвать *первичными источниками*, а книги об Адаме Смите *вторичными источниками* или *критической литературой*. Разумеется, будь предметом «Формирование экономических воззрений Адама Смита», первичным источником выступали бы сочинения, из которых Адам Смит почерпнул свою теорию. Конечно, предметом могут быть и исторические события (или дискуссии, вызванные событиями), но и они всегда представлены в виде источников — документов, описаний, то есть текстов.

Предметом исследования может быть явление жизни: миграция населения, поведение группы детей, общественное мнение о популярной телепередаче. Казалось бы, источник пока еще не обрел письменную форму. Но он приобретет ее, войдя в ваш диплом. Вы сами составите подборки статистических данных, запишете тексты опросов, подберете фотографии и даже аудиовизуальные экспонаты. Что до критической литературы, она существует, не может не существовать. Только вместо книг и статей из научной прессы критической литературой здесь станут статьи из популярных журналов и газет или документы различного свойства.

Никогда не забывайте различать источники и критическую литературу. Имейте в виду: в исследованиях сплошь и рядом приведены отрывки из источников, но для вас — как вы увидите по следующему разделу — это *уже вторичные источники*. В том-то

и опасность, что при спешном и беспорядочном подборе материала недалеко до перемешивания источников и критической литературы. Если тема работы «Экономические воззрения Адама Смита», а вы по мере написания диплома все больше чувствуете, что втягиваетесь в полемику с неким автором, писавшим о Смите, остановитесь! Либо возвращайтесь к источнику, либо переназовите тему в духе: «Переосмысление экономических воззрений Адама Смита в либеральной английской науке нашего времени».

Это не избавит вас от обязанности знать взгляды Смита, но, безусловно, позволит вплотную заняться не тем, что говорил Смит, а тем, что говорили о Смите люди, изучавшие его доктрину. В то же время, безусловно, дабы дискутировать по существу с этими изучавшими, вы обязаны сопоставлять их высказывания с *подлинником*, то есть со Смитом.

Представимы, однако, ситуации, когда подлинник не так уж важен. Одно дело диплом о мировоззрении дзен в Японии: для этого надо знать японский, не доверять скудным европейским публикациям. Другое дело тема: «Влияние моды дзен на литературный и артистический американский авангард пятидесятых». Ясно, что здесь не так уж важно знать теологические и филологические тонкости мировоззрения дзен, а следует разбираться в другом: как отголоски подлинного феномена трансформировались в элементы художественной культуры Запада. Название диплома будет сформулировано так: «Мотивы дзен в поэтике Сан-Францисского Возрождения (50-е гг.)». Источниками в данном случае станут произведения Керуака, Гинзберга, Ферлингетти; с ними и следует работать, а в отношении дзен за глаза достаточно хорошей монографии и нескольких текстов в переводах. Естественно, это в случае, если не ставится целью доказать, что калифорнийские люди искусства полностью извратили философию подлинного дзен. Для такой работы не обойтись без чтения текстов в оригинале. Но если исследуются влияния переведенных японских текстов, займемся именно тем, какой же смысл получили эти мотивы в Калифорнии, а вовсе не тем, что такое дзен в представлениях японцев.

Так мы убеждаемся, насколько существенно сразу выделить истинный предмет исследования, потому что только на этом основании делается вывод: доступны или недоступны вам первоисточники.

В разделе III.2.4 вы найдете пример того, как можно, начав практически с нуля, отыскать в очень убогой библиотеке первоисточники, необходимые для выполнения работы. Пример, однако же, атипичный. Лучше не, начав работу, лишь после этого искать источники, а наоборот: еще до выбора темы удостовериться, что источники 1) в принципе достижимы; 2) действительно достижимы; 3) постижимы при вашей рабочей компетенции.

Судите сами. Кто берется за рукописи Джойса, должен учитывать, что хранятся они в университете Буффало, и должен продумать, удастся ли ему до этого самого Буффало доехать. С энтузиазмом хватаясь за исследование на основе документов из некоего семейного архива, хранящегося в частном имении около вашего города, убедитесь, что семья, владеющая архивом, не обладает сволочным характером и не объявила, что к бумагам подпускает только мировых знаменитостей... Пусть в монастыре в двух шагах от вашего дома и лежит куча средневековых рукописей, но что толку, если вы не изучали палеографию? Как вы эти рукописи прочтете?

Да и без подобных сложностей, вот, скажем, беретесь вы за нормального автора, но, не имея его текстов на языке оригинала, не зная, где их достать, вы сможете только мотаться из библиотеки в библиотеку, из города в город. Может, вы собираетесь выписать микрофильмы всех сочинений вашего героя? Удостоверьтесь сначала, что имеете доступ к аппарату для чтения микрофильмов. И, кстати, если у вас неважное зрение или частые конъюнктивиты, сторонитесь этого нервного рода занятий.

Не стоит, даже будучи страстным кинолюбителем, браться за фильмы второстепенного режиссера немого кино, чтоб потом обнаружить, что его ленты лежат только в киноархиве Вашингтона, а дубликатов они делать не хотят.

Уяснив картину с источниками, определитесь также и в отношении критической литературы. Вы берете, скажем, тему по редкому автору восемнадцатого века, потому что в районной библиотеке напротив дома имеется, чистая случайность! первоиздание его книги. Но подумайте: что если выяснится, что критическая литература по этому произведению может быть только куплена, и за очень порядочную сумму денег?

Выходом из подобных затруднений не может быть решение прочитать только то, что есть. Прочитать вам придется *все, что существует* по данному предмету, то есть все существенное, что существует; а источники к тому же прочитать в оригинале (см. следующий раздел).

Вместо непростительно легкомысленных недоработок лучше сразу меняйте тему диплома (см. принципы выбора, описанные выше в главе II).

Для примера опишу несколько дипломов, которые были защищены в недавнее время и где предметы были обозначены с великолепной точностью, ограничены до пределов полной подконтрольности, несомненно соответствовали уровню пишущих и дали результаты в высшей степени положительные. Первый диплом был на тему «Умеренные клерикалы в городском управлении Модены (1889-1910)». Выпускник, или же его профессор, сузили до кристальной точности предмет дипломного исследования. Студент, живущий в центре этой самой Модены, работал, можно сказать, не выходя из дома. Библиографический список поделен на общую библиографию и библиографию по Модене. Полагаю, что всю вторую часть библиографии студент проштудировал в краеведческой библиотеке. Что до первой части, пришлось, наверное, кое-куда и съездить. Первоисточники сгруппированы по категориям «архивные» и «пресса». Дипломник обработал все существовавшие документы и прочесал все местные газеты и журналы за двадцать лет.

Второй диплом посвящен «Политике Итальянской компартии в отношении учебных заведений со времен левоцентристского пра-

вительства до периода молодежного протеста». Как видите, и здесь предмет очерчен невероятно четко и, я бы сказал, предусмотрительно: материал периода студенческих бунтов с трудом поддается упорядочиванию. Источниками послужили официальные документы компартии, протоколы парламентских дискуссий, партийные архивы, публикации в печати. Могу представить себе, что, насколько бы тщательно ни осуществлялось исследование, подбор публикаций в прессе не мог быть исчерпывающим. Но пресса в данном случае выступала *вторичным* источником, поставляла мнения и суждения, а не факты. По совести говоря, для определения образовательной политики КПИ могло бы хватить официальных заявлений партийных лидеров. Вот если бы речь велась об образовательной политике христианских демократов, то есть партии, которая в тот период управляла страной, это было бы дело гораздо более трудное. Там с одной стороны имели место официальные декларации, с другой же — реальные действия правительства, этим декларациям часто противоречившие. Такое исследование потребовало бы непомерного объема. А если бы период был продлен и на время после 68 года, пришлось бы рассматривать среди источников — неофициальных политических высказываний — все публикации внепарламентских групп, которые к тому времени размножились. Опять-таки подобная работа была бы неподъемна.

Выпускник, безусловно, писал диплом в Риме или получил из Рима ксерокопии всего, что было нужно, и в полном объеме.

Тема третьего диплома относится к средним векам, и, вероятно, непосвященным он показался бы самым трудным. Предметом было подсобное хозяйство веронского аббатства Святого Зенона в эпоху позднего средневековья. Основой исследования стала впервые осуществляемая публикация нескольких листов из имущественного реестра аббатства Святого Зенона (XIII век). Безусловно, от дипломника требовалось знакомство с начатками палеографии, то есть представление о том, как читать и переписывать Древние рукописи. Но по овладении этой техникой от него требовалось только аккуратное переписывание листов и составление

комментария к переписанному тексту. Тем не менее текст снабжен библиографией, около тридцати наименований — свидетельство, что конкретная проблема помещалась автором в исторический контекст. Студент-дипломник, судя по всему, веронец, и тема была выбрана так, чтобы не требовались разъезды.

Четвертая работа: «Драматические постановки в области Тренто». Кандидат, опять-таки тамошний житель, знал заранее, что этот вид искусства в области слабо развит, и пересмотрел всю прессу год за годом, залез в областные архивы, изучил туристские бюллетени. Сходна с этим и конфигурация пятой работы: «Некоторые аспекты культурной политики в Будрио (работа городской библиотеки)». Оба диплома, при весьма простых источниках, бесспорно, полезны, так как в них подобраны статистико-социологические данные, ценные для будущих историков.

Шестой диплом, наоборот, являет собой пример исследования, потребовавшего значительного расхода времени и средств и в то же время демонстрирующего, как можно развернуть на научном уровне тематику, казалось бы, «тянущую» разве что на компиляцию. Название этого диплома — «Проблемы театра в творчестве Адольфа Аппиа». Речь идет об очень известном драматурге, изученном-переизученном историками и театроведами, о котором, предположительно, ну ничегошеньки нового сказать нельзя. Однако дипломник прорыл до дна никому не известные швейцарские архивы, обшарил множество библиотек, изездил все места, где жил и работал Аппиа, и соорудил такую библиографию его произведений (включая мелкие статьи, никогда и никем до того не замечавшиеся), и такую библиографию по нему, что тема неожиданно обрисовалась в великолепной полноте и многогранности, в таком богатстве, что, по словам научного руководителя, перед нами было настоящее научное открытие. Работа значительно превзошла уровень компиляции и ввела в обиход источники, до толе неизвестные науке.

III.1.2. Первоисточники и вторичные источники

При работе с книгами первоисточником считается первоиздание или академическое издание текста.

Перевод источником не является. Это протез, как вставная челюсть или очки. Это способ кое-как достичь желаемой цели, если иначе ее достичь нельзя.

Антология — не источник. Это винегрет из источников, пригодный в качестве первого приближения. Однако писать дипломную работу о чем бы то ни было означает пытаться найти в этом чем-то нечто новое, чего другие не видали, а антология — это исключительно то, что увидели другие.

Пересказы, сделанные другими авторами, даже оснащенные длиннейшими цитатами, не являются источниками. В самом лучшем случае их можно использовать как вторичные источники.

Есть много видов вторичных источников. Для диплома, посвященного выступлениям в парламенте Пальмиро Тольятти, публикации его речей в газете «Унита» составляют вторичный источник. Ведь никто не гарантирует, что в редакции не вносили изменения в текст, не редактировали и не цензурировали его. Источник первичный — акты парламентских сессий. Если повезет отыскать текст выступления, отредактированный лично Тольятти, это уж будет самый первосортный, чистейший, незамутненный первоисточник.

Для диплома о Декларации независимости Соединенных Штатов единственный первоисточник — это подлинный документ или его фотография. Первоисточником можно считать также публикацию, апробированную безупречно серьезными историками («безупречно» в данном случае означает, что научная общественность ни разу не упрекнула их в несерьезности). Но и тут, внимание, концепция «первых» или «вторых» рук в основном зависит от поворота, придаваемого теме сочинения. Если предмет диплома — принципы подготовки академического издания Декларации, без обращения к подлиннику не обойтись. Если работа сосредоточена на политической трактовке Декларации независимости, академическое издание с лихвой все запросы удовлетворит.

В процессе сочинения диплома «Повествовательные структуры в "Обрученных"» совершенно все равно, с каким изданием работать. Если же касаться лингвистических вопросов (скажем,

«Язык Манцони: влияния диалектов Милана и Флоренции»), не обойтись без обращения к самым лучшим академическим и научным комментированным изданиям разных редакций романа.

Сделаем вывод, что *внутри границ, обусловленных предметом исследования*, источники должны быть *только первичными*. Что запрещается самым абсолютным образом — это цитировать основного автора по тексту, процитированному другими. Вообще-то в серьезной работе ничто не цитируется по цитатам. Однако на все есть свои градации (конечно же в пределах разумного), тем более что это только диплом.

Если название у вас «Проблема трансцендентности Прекрасного в "Сумме Богословия" Фомы Аквинского», первоисточником будет «Сумма» святого Фомы, и, попросту говоря, издание «Мариетти», которое продается повсюду, должно вас устроить, если только не возникнет в каком-то случае подозрение: а не переиначена ли мысль оригинала? Тогда следует начать проверять текст по другим изданиям (но диплом, имейте в виду, примет текстологическое направление вместо намеченного вами эстетико-философского).

Но вот вы замечаете, что проблема трансцендентности Прекрасного рассматривалась Фомой также в «Комментариях к трактату Псевдо-Дионисия "О божественных именах"». Невзирая на очерченные в названии рамки работы, вам придется напрямик обратиться и к этим «Комментариям». Наконец, вы поймете, что воззрения святого Фомы восходят ко всему предшествовавшему богословию, и что прочесть все это богословие в первоисточниках вы не успеете за целую жизнь. Но, обнаружите вы, есть человек, все это за вас прочитавший, и человек этот — святой отец Анри Пуйон, который собрал в толстенном компендиуме большие куски из всех авторов, комментировавших Псевдо-Дионисия. В труде Пуйона выявлены взаимосвязи, расхождения, противоречия. Нет сомнения, что для масштабов вашего диплома прекрасно хватит материала, подобранного Пуйоном, чтобы сопоставлять идеи с кем вам нужно: с Александром из Гэльса или с Хильдуином.

Если вдруг окажется, что текст Александра из Гэльса становится первостепенным для развития вашей мысли, тогда вам придется читать его по критическому изданию «Куаракки», но если речь идет лишь о какой-то вполне проходной цитате, не забывайте только указывать, что приводите ее по компендиуму Пуйона.

Никто не бросит в вас камень, потому что, во-первых, серьезность Пуйона всем известна, а во-вторых, черпаемые у него тексты не составляют непосредственный предмет вашего диплома.

Единственное, чего нельзя делать, это цитировать из вторых рук, притворяясь, будто вы исследовали оригинал. Научная совесть против этого бунтует. Да и помимо совести, подумайте, какой пассаж, если вас вдруг спросят, как это вам удалось прочесть такую-то рукопись, которая (что широко известно) сгорела в 1944 году!

Однако не поддавайтесь и «психозу первоисточников». Тот факт, что Наполеон скончался 5 мая 1821 года, всем известен, и, как правило, известен из вторичных источников (то есть книг по истории, написанных на материале предыдущих книг по истории). Если кто-то сомневается в дате смерти Наполеона, пусть он идет и проверяет положение по подлинным документам. Но вам-то, для рассуждения о влиянии его кончины на настроения молодых европейских либералов, почему бы не довериться первому попавшемуся учебнику истории, в котором указаны этот день и год?

При цитировании из вторых рук (честно заявленном) лучше всего проверить цитату еще и по другому источнику и посмотреть внимательно, совпадает ли цитата, или факт, или пересказ чьего-то суждения со вторым текстом, в котором это тоже цитируется. Если не совпадает, тогда вы должны засомневаться и решить для себя, вовсе ли следует избегать этого цитирования или же все-таки придется лезть непосредственно в оригинальный документ.

Например, в том же самом исследовании о святом Фоме, сообщу вам, есть любимая исследователями цитата «pulchrum est id quod visum placet»¹. Я писал диплом именно по этой теме, и пиша

¹ Красотой является то, что приятно своим видом (*лат.*).

диплом, обратился к оригиналу и увидел, что святой Фома ничего подобного не говорил. Он писал «pulchra dicuntur quae visa placent»¹. Думаю, что можно не объяснять, насколько меняется интерпретация при подобном изменении фразы.

Как могло это выйти? Очень просто. Первая формула была предложена много лет назад философом Маритеном, который чистосердечно ошибался, полагая, будто цитирует Фому. Другие пошли цитировать по Маритену. Никто не дал себе труда заглянуть в первоисточник.

Подобные казусы бывают и с библиографиями. Под конец диплома, в спешке, в список обычно засовывают книги, которые и в руках не держали; хуже того, их засовывают и в подстраничные сноски или, еще того ужаснее, в основной текст. Вот и может выйти конфуз, если в дипломе по барокко вы перескажете сначала статью Лучано Анчески «Бэкон между Возрождением и барокко» (сборник «От Бэкона до Канта», Болонья, Мулино, 1972), должным образом ее процитируете, а потом, вычитав где-то подходящую фразу, добавите с непринужденностью: «Другие остроумные и точные наблюдения над природой бэконовского гения содержатся в работе того же автора «Эстетика Бэкона» (сборник «Эстетика английского эмпиризма», Болонья, Альфа, 1959)». Ну и сядете в калошу, потому что вам обязательно скажут, что это та же статья, только в первый раз она была издана в малотиражном университетском сборнике, а потом, через тринадцать лет, перепечатана для широкой публики.

Все написанное выше насчет первичных и вторичных источников распространяется и на случаи, когда в фокусе диплома не собрание текстов, а какое-то явление или процесс. Если вы занимаетесь восприятием информационных программ ТВ в наше время среди негородского населения провинции Романья, первоисточником может служить только социологический опрос, проводившийся лично вами на основании правильной методики и в грамотно отобранной фокус-группе. Или в крайнем случае точно такой же опрос, выполненный надежными профессионала-

¹ Красивыми называют тех, кто приятен своим видом (*лат.*).

ми и в самое недавнее время. Если вы оттолкнетесь от статистики десятилетней давности, работа выйдет, всякому понятно, некорректной, как минимум потому, что за это время уже стали другими и крестьяне и телепередачи. В этом случае следует переименовать исследование: «Восприятие информационных программ в такие-то годы...».

III.2. Составление библиографии

III.2.1. Как работать в библиотеке

Как составляется ориентировочный библиографический список в библиотеке?

Если вы уже знаете, какие авторы вам нужны, то вам, естественно, прямая дорога к каталожным ящикам, и там вы увидите, какие книги этих авторов есть в хранилище. Потом вы пойдете в другую библиотеку, там тоже в каталог, и так, пока библиотеки не исчерпаются.

Но этот метод предполагает, что ориентировочная библиография у вас уже имеется (а также что вы записаны в некоторое количество библиотек, и даже, возможно, одна из них в Лондоне, а другая в Париже). Думаю, что ваш случай — это не тот случай. Да и у сформировавшихся ученых почти никогда так не бывает. Ученые, конечно, порой приходят в библиотеку, представляя себе, какая им нужна книга, однако сплошь и рядом и они приходят в каталожный зал не *с* библиографией, а *за* библиографией.

Идти за библиографией значит идти искать «то — не знаю что». Опытный научный работник войдет в каталожный зал, не имея ни малейшего представления о предмете, и выйдет, имея о нем довольно солидные познания.

Каталожный зал. Чтобы отыскивать «то — не знаю что», каталоги очень помогают. Прежде всего, разумеется, *систематические каталоги*. Алфавитный каталог нужен тому, кто знает, чего хочет. А вот систематический нужен в обратном случае. Именно он в приличной библиотеке указывает, на что вы можете

рассчитывать, предположим, желая приступить к работе о периоде распада Западной Римской империи.

В систематическом каталоге нужно уметь поворачиваться. Разумеется, в нем нет разделителя «Период распада Западной Римской империи» в ящике на букву П (если уж только вы не попали в библиотеку с какой-то совсем дурацкой системой каталогизации). Надо искать, понятное дело, на «Рим» и «Римская империя», а кроме того, на «История (Рим)». Если хоть какое-то предварительное понятие у вас имеется, хотя бы на уровне общеобразовательной школы, вы заглянете в разделы «Варвары», «Римско-варварские государства», а также в «Ромул Августул» и «Августул (Ромул)», «Орест», «Одоакр».

На этом, однако, возня не кончится. Часто в библиотеках имеется два алфавитных и два систематических каталога, а именно — старый, то есть доведенный до года технической реорганизации в библиотеке, и новый, постоянно дополняемый, в который в один прекрасный день вольют и старые карточки, только вот пока их еще не влили. И не надо думать, что весь распад Римской империи стоит в старом каталоге, потому что римляне были давно. Книги-то продолжают писаться, и вышедшая два года тому назад монография будет поставлена не в старый каталог, а в новенький, технически усовершенствованный.

Есть и библиотеки, в которых стоят отдельные ящики, соответствующие крупным фондам. А в других может случиться, что алфавитный и предметный каталоги образовали нечто слитное. Часто поставлены книжные карточки в одно место, а карточки по периодике в другое (и там и здесь предметы особо, алфавит особо). В общем, нужно постичь устройство каждой из библиотек и установить для себя, в какой из них вам приятнее работать.

Здесь играет роль интуиция. Если старый каталог уж очень старый, а вы ищете книги по «Юриспруденции», загляните в «Правоведение». Может, именно там прячутся все те единицы хранения, которых, как вы думали, в библиотеке вовсе нет.

Запомните хорошенько, что расстановка по авторам всегда значительно надежнее, нежели расстановка по темам, потому что

ее создание не требовало от библиотекарей интеллектуальных усилий. Действительно, если в хранение поступает том сочинения Джона Смита, нет такой силы на земле, которая воспрепятствует попаданию карточки «Смит, Джон» на законное место. Но если из-под пера Джона Смита выходит статья «Роль Одоакра в процессе распада Западной Римской империи и в формировании римско-варварских государств», библиотекарь волен засунуть карточку и в «Р» — «Рим (история)», и в «О» — «Одоакр», в то время как вы будете шарить на букву «З» (Западная) и «И» (Империя).

Каталоги отнюдь не сразу снабжают нас искомой информацией. Часто приходится начинать с более примитивных шагов. В каждой библиотеке есть отдел или зал, называемый «Справочным». Там стоят на полках энциклопедии, словари и библиографии. Желая найти работы о распаде Западной Империи, нужно заглянуть в энциклопедию, списать краткую библиографию в конце соответствующих статей, вернуться в каталожный отдел и просмотреть алфавитные карточки на этих авторов.

Библиографические указатели. Самая надежная опора для тех, кто в хороших отношениях со своей темой. По некоторым специальностям существуют базовые справочники, где содержится вся первостепенная литература. По другим областям знания выходят периодические библиографические бюллетени или даже научные журналы, содержащие список библиографии. Есть и информационные выпуски, снабженные библиографическим приложением (все новейшие публикации, сгруппированные по тематике). Обращение к библиографическим указателям, непременно в их последних дополненных изданиях, это необходимый этап составления списка литературы по теме диплома. Ведь библиотека может быть прекрасно укомплектована старыми книгами, но не иметь недавних поступлений. В учебниках и указателях может быть подобрана литература до определенного года, но как вам знать, что буквально позавчера появилось в печати важнейшее исследование и в библиотеке его внесли в такой раздел каталога, подумать

о котором вам вообще не пришло бы в голову? Свежий библиографический указатель поможет вам получить представление о каждом последнем слове науки по изучаемой тематике.

Самый короткий путь вам дойти до этих библиографических тонкостей — это спросить совета у того профессора, который вами руководит. Следующий, кого можно спросить, — библиотекарь (или сотрудник справочного отдела), который, вероятнее всего, проведет вас в тот зал или к тому стеллажу, где библиографические указатели стоят в свободном доступе. Других советов общего характера вы от меня не получите, потому что, как было уже сказано, специфика меняется от специальности к специальности.

Библиотекарь. Переборите стеснительность. Именно он способен дать вам нужный совет, и вы сэкономите уйму времени. Имейте в виду, что за исключением слишком замотанных или чересчур нервных, книгохранители, особенно те, кто заведует небольшими собраниями, бывают счастливы, получая возможность продемонстрировать две вещи: богатство своей памяти и богатство своего хранилища. Чем меньше и заброшенной городишко, в котором это хранилище обретается, чем меньше в библиотеке посетителей, тем сильнее терзается библиотекарь от незадействованности и невостребованности. Обращающийся за рекомендацией — вот что нужно от жизни такому библиотекарю.

Понятно, что, с одной стороны, вы можете положиться на библиотекаря, а с другой — не стоит слепо доверять ему. Выслушайте, что он скажет, но и сами постарайтесь разобраться. Библиотекарь не универсальный знаток, вдобавок он понятия не имеет, под каким углом вы собираетесь развернуть свое исследование. Может, ему представляется необыкновенно значительной книга, которая вам вообще не нужна, а про самую существенную для вас он забудет. Ведь нет на свете априорной иерархии нужных и полезных книг. Ваше разыскание, может, целиком вытечет из идеи, почти случайно брошенной где-то в сноске в книжонке, не имеющей ни малейшей ценности (по общему суждению), и

эту сноску вы должны раскопать сами, руководствуясь нюхом (и имея немножко везения), потому что никто не поднесет ее вам на серебряной тарелочке.

Сетевые консультации, компьютерные каталоги и межбиблиотечный обмен. Многие библиотеки публикуют списки новых поступлений. Это дает возможность в некоторых библиотеках и по некоторым дисциплинам пользоваться каталогами, указывающими, что имеется в других библиотеках, национальных и зарубежных. В этом отношении тоже надо бы обратиться за помощью к старшему библиографу. Некоторые специализированные библиотеки подсоединены через компьютерную сеть к центральной памяти и могут за считанные секунды сказать вам о любой книге, есть ли она в пределах достижимости и где именно. Вот, к примеру, при Венецианской биеннале существует архив по истории современного искусства, подключенный через электронную сеть к архиву «Библио» Государственной библиотеки в Риме. Оператор задает машине название той книги, которую ищет. Через несколько секунд на экране появляются ее данные. Поиск может осуществляться по авторам, названиям книг, темам, книжным сериям, издателям, по году публикации и так далее.

Вряд ли в каждой районной библиотеке вас ожидают подобные роскоши, но вы будьте бдительны, спрашивайте, узнавайте, никогда нельзя знать заранее.

Обнаружив вожделенную книгу в стране или же за ее пределами, имейте в виду, что многие библиотеки имеют право на обмен как внутри государства, так и с границей. На обмен требуется время, но если речь идет о книгах, которые действительно трудно отыскать, стоит запастись терпением и их дожидаться. Очень многое зависит от того, согласится ли библиотека-хозяйка выпустить эту свою единицу хранения из рук. Многие библиотеки дают на вывоз только дубликаты. Но и в этом случае многое зависит от конкретных обстоятельств. Попробуйте посоветоваться с руководителем. Помните, что сплошь и рядом по закону нам что-то при читается, а мы не получаем, потому что не попросили.

И еще помните, что библиотеки имеют списки новых поступлений, не влитых в каталоги. Также не забывайте, особенно делая серьезную работу, которой интересуется и ваш профессор, что можно подбить университетскую библиотеку купить некоторые издания, которые будут полезны и которые вы никаким другим способом заполучить не сумеете.

III.2.2. Предварительная библиография. Карточки

Понятно, что для составления библиографии надо пересмотреть кучу книг. В библиотеках же любят их давать по одной или по две за раз, ворчат, если вы тут же их возвращаете, а чтоб помянуть, заставляют терять массу времени.

Поэтому в первые дни не пытайтесь взять в руки все те книги, которые откопали, а займитесь предварительной библиографией. Да, понятно, что просмотр каталогов дал вам какие-то названия, список у вас есть. Но из этого списка неизвестно, с какой книги начинать читать. Поэтому просмотр каталогов должен разворачиваться параллельно с просмотрами пособий в справочном зале. Если отыщете статью по вашей теме, с большой хорошей библиографией, саму статью вы просмотрите по диагонали (еще успеете вернуться), а вот библиографию перепишите *всю*. Переписывая, вы уже в состоянии понять, и из диагонально прочитанной статьи, и из кратких комментариев, сопровождающих заглавия в списке, — какие из перечисленных томов автор статьи считает самыми главными. Заказ в читальном зале уместно начинать именно с них. Вдобавок, если вы просмотрели не одно, а два или три справочных издания, путем перекрестного сравнения библиографий вы сможете выделить названия, цитируемые всеми. Вот вам и первоначальная иерархия. Может стать, ваша будущая работа камня на камне от нее не оставит. Ну и пусть, а пока что вы нашли себе точку отсчета.

Сейчас вы возмутитесь и заявите, что из десяти энциклопедий всю библиографию не переписешь. Действительно, есть риск на основании всех этих справочников ввязаться в библиографию из сотен названий, даже после выброса повторов (кстати, переписав первую библиографию, не забудьте рассортировать ее по алфави-

и, тогда отсеивать двойники вы сможете прямо на ходу). Но в наш век в каждой библиотеке стоит ксерокс. Специальная библиография по конкретной теме, за исключением редких случаев, в каждой книге занимает не больше десятка страниц. Переснимите все библиографии. Дома вы спокойно приведете их в порядок. Только закончив составлять свои списки, идите обратно в библиотеку и проверьте, что из списка есть у них в хранении.

Когда вы сделаете карточки, сразу увидите, какая от них польза. На карточке, относящейся к каждой книге, помечайте библиотеку и библиотечный шифр (возможно, несколько библиотек и несколько шифров, или ни одной библиотеки и ни одного шифра: по пустому уголку карточки сразу будет видно, что у вас, то есть у вашего диплома, имеется серьезная проблема).

Встречая в книгах новые отсылки, первый соблазн — переписать их в рабочую тетрадку. Затем, оказавшись в алфавитном каталоге, найти шифр и прилепить его сбоку в той же тетрадке... Однако, когда названий станет много (а при начальном знакомстве с темой работ по ней без всякого труда может набраться более сотни; позднее выяснится, что большую часть читать не надо) случится, чего следовало ждать: вы перестанете ориентироваться в собственной тетради.

Поэтому самая правильная оснастка — персональный ящик с карточками. Постепенно, по мере появления названий, в него будут попадать все новые карточки. Постепенно на них появятся шифры. Купите такую коробочку или склейте ее себе сами. Сотня или две сотни карточек занимают совсем мало места. Вы должны носить их с собой каждый день в библиотеку. Это даст вам точное представление о том, что вы уже нашли и что вам еще предстоит искать. Вдобавок карточки будут в алфавитном порядке, а следовательно, легко обозримы.

Обычно шифры пишут в правом верхнем углу. В верхнем левом помещайте вашу помету: имеет ли этот труд общее значение, или примыкает к определенной главе, и в подобном духе.

Разумеется, если у человека нет терпения шуршать карточками, никто ему не запрещает ходить с тетрадкой. Но это неудобно!

Ну, пишет он на первой странице авторов на А, на второй на Б и так далее. Но когда первая страница целиком испещрена записями, впору хвататься за голову. Купите уж, коли так, телефонную книжку. «Аббаты» не займет свое аккуратное место перед «Аццимонти», но и тот и другой никуда не денутся с четырех листиков, отведенных под фамилии на «А».

По мне, система карточек до сих пор остается идеальной, карточки продолжают свой полезный век и в ходе будущей работы, по окончании диплома. Вы даже сможете подарить их кому-нибудь, кто начнет работать после вас над сходной или близкой темой.

В главе IV пойдет разговор и о других наборах карточек, например о *карточках-конспектах*, *картотеке идей*, *картотеке цитат* (и о том, в каких случаях имеет смысл плодить все эти картотеки). В данный же момент я хочу только подчеркнуть, что библиографические карточки — совсем из другой оперы, нежели карточки-конспекты.

Придется, забежав вперед, сказать несколько слов об этих последних. В *картотеку конспектов* вы будете собирать карточки, желательно крупноформатные, с выписками из книг и статей, которые прочитали. Выписки будут содержать резюме, цитаты, комментарии, словом, все то, что из этих книг будет использовано при написании вашего текста (может статься, самих книг в это время уже под рукой не будет), а также при приведении библиографии в окончательный порядок. Это не та картотека, которую вы всегда таскаете за собою, и поэтому можете делать ее хоть на больших тетрадных листах (хотя, с моей точки зрения, крупные карточки — самое удобное).

Библиографический же ящик — другое дело. Там надлежит держать информацию о книгах, которые вы ищете, а не только о тех, которые уже нашли и прочли. В библиографической коробочке может быть у вас хоть десять тысяч карточек, притом что в картотеке конспектов — только десять названий. Правда, подобная пропорция будет наводить на мысль, что сперва ваша работа продвигалась чересчур бурно, а под конец чересчур вяло.

Библиографический ящик каждый день ходит с вами в библиотеку. На картонках записываются только самые основные данные о интересующих вас книгах, шифры, указание библиотек, где книги есть или где их нет. Максимум, что позволено — приписать на эту же карточку короткую аннотацию типа «Особо рекомендуется в статье Икса», «Обязательно найти». «Игрек ругает» или даже «Придется покупать». Но только это. Никакой другой писанины. Карточек-конспектов одной книги может быть несколько, это зависит от типа конспекта. Но библиографическая карточка на книгу должна быть у вас одна и только одна.

Чем лучше организован библиографический ящик, тем полезнее он для вашей жизни. Его вполне будет можно одалживать, дарить и даже продавать, так что имеет смысл работать старательно и писать хорошим почерком. Не стоит царапать вкривь и вкось название с ошибками и стенографическими иероглифами. Эта *предварительная библиография*, пережив необходимые перевоплощения (то есть сделавшись перечнем книг, которые вы действительно нашли, прочли и законспектировали) *превратится в окончательную библиографию вашей выпускной работы*.

Поэтому я подробнее остановлюсь на том, как правильно записывать названия: вот вам правила библиографического описания. Эти правила должны быть соблюдены:

- 1) *в ваших библиографических карточках;*
- 2) *в ваших конспектах;*
- 3) *в подстрочных примечаниях к тексту диплома;*
- 4) *в окончательной библиографии диплома.*

Как видите, эти правила относятся ко всем разделам и подразделам, где описываются соответствующие этапы работы. *Сейчас я перечислю эти правила раз и навсегда*. Эти правила имеют огромное значение, постарайтесь как следует освоиться с ними. В частности, убедитесь, насколько они *функциональны*, как они помогают и вам, и читателю опознать книгу, о которой речь.

Вдобавок нормы библиографического описания составляют собой, так сказать, красу научного этикета. Их соблюдение

указывает на привычку к науке, а их нарушение выявляет выскочку и неуча и нередко бросает позорящую тень на работу, казалось бы, приличную на первый взгляд.

Ритуал. Можно сказать — церемония. Да! Но вовсе не бессмысленная, не пустое начетничество.

Так же устроен мир спорта, мир коллекционеров марок, преферансистов, политиков: кто путается в профессиональных жестах или терминах, вызывает настороженность. Он — «не свой», посторонний. Старайтесь соблюдать устав научного монастыря.

В частности, имейте в виду: обсуждать целесообразность каких-то правил и оспаривать их может только тот, кто *знает* эти правила и способен доказать, что они несостоятельны, что они сковывают. Чтобы протестовать против подчеркивания (или выделения курсивом) названий книг, надо как минимум знать, что названия *подчеркиваются (выделяются курсивом)*, а также *зачем* они подчеркиваются.

III.2.3. Библиографическая запись

Книги. Вот пример плохой библиографической записи:

Wilson, J. "Philosophy and religion", Oxford, 1961.

Плохо в этой записи следующее:

1) Имя автора сокращено. Между тем инициала недостаточно. Прежде всего потому, что о любом человеке желательно знать и фамилию и имя, а кроме того, потому, что часто существуют однофамильцы с общим инициалом имен. Видя: *Clavis universalis* П. Росси, как мне понять, философ ли он Паоло Росси из Флорентийского университета или философ Пьетро Росси из Туринского? И кто такой J.Cohen? Французский ли эстетолог Жан Коэн или английский философ Джонатан Коген?

2) Заглавие книги не надо брать в кавычки, потому что в научном обиходе в кавычки заключаются либо названия *периодических изданий*, либо названия *статей*, газетных и журнальных.

3) Кроме того, в процитированном заглавии следовало писать Religion с прописной буквы, потому что все слова в англоязычных заглавиях пишутся с прописной: и существительные, и прилагательные, и глаголы, и не распространяется эта традиция только на

артикли, частицы, предлоги и наречия (да и на них распространяется, если они — последнее слово в заглавии: *The Logical Use of If.*)

4) Безобразие, когда указывают, где книга опубликована, но не указывают кем. Допустим, книга вызвала у вас интерес, вы захотели ее выписать, но в выходных данных только «Милан, 1995». Хорошо, Милан, но какое издательство запрашивать? «Мондадори», «Риццоли», «Рускони», «Бомпиани», «Фельтринелли», «Валларди»? Куда отправлять заказ? Допустимо ограничиваться указанием города только в случае по-настоящему старинных книг («Амстердам, 1678»). Все равно их можно найти только в библиотеках или у очень немногих букинистов.

Да, нередко крупные ученые указывают только город, а издательство не указывают. Если их тексты — не статьи в энциклопедиях (где редактор сократил все возможное ради экономии пространства), знайте, что эти ученые — надутые снобы, не уважающие читателей.

5) Кроме этого, в вышеприведенном маленьком примере есть и ошибка по существу: книга *не вышла* в Оксфорде. Книга, судя по титульному листу, подготовлена издательством «Оксфорд Юниверсити Пресс», а издательство это работает не в городе Оксфорде, а в городе Лондоне (с филиалами в Нью-Йорке и в Торонто). Кстати, не надо обращать внимания на добавочную запись, что напечатана эта книга в Глазго. Помните, что для библиографии важно только *местоположение издательства*, а не место, где расположена типография (кроме старинных книг; там, как правило, оба места совпадают, поскольку издатели, типографы, книготорговцы были едины в трех лицах). Как-то у студента я обнаружил в библиографии «Бомпиани, Фарильяно»: дело в том, что тираж той книги печатали в какой-то типографии в городишке Фарильяно, о чем сообщалось в строчечке на последнем листе. Издательство же «Бомпиани», как известно всякому, находится в Милане.

Когда люди пишут подобную чушь, создается впечатление, будто они никогда в своей жизни не видели книгу. Знайте же, что библиографическая запись не составляется по титульному или по последнему листу. В любой книге следует смотреть только на контртитул, то есть туда, где проставлен © — значок охраны

авторского права (копирайт); там вы найдете официальные выходные сведения, включая место издания, год, номер государственного информбланка.

Списывая то, что стоит на титульном листе, можно вляпаться в смешнейшие положения. Скажем, для книг, выпущенных в «Йейль Университи Пресс», «Гарвард Университи Пресс» или «Корнель Университи Пресс», студенты местом издания объявляют Йейль, Гарвард и Корнель. Между тем это вовсе не места, а названия знаменитых университетов. Места же соответственно именуются Нью Хэйвен, Кембридж (Массачусетс) и Итака.

б) Что до года издания, он в нашем примере верен, но это случайность. Вообще же год, указанный на титуле, не всегда соответствует году библиографического цитирования. Из титула вы выясняете только год попавшегося вам издания. Глядите на копирайт: там проставлена дата первоиздания. В частности, может оказаться, что первоиздание выходило в другом издательстве. Разница немаловажная. Предположим, читаете вы такую сноску:

Searle, J. *Speech Acts*. Cambridge, 1974.

Не говоря о других погрешностях (нелепо указывать на книге «Кембридж». О каком Кембридже речь? О том, что в Англии, или о том, что в Америке?), из данных копирайта явствует, что книга впервые вышла в 1969 году. Если для вашего диплома имеет значение, занялся ли Серль речевыми актами до или после других ученых, писавших о том же, год первоиздания становится ключевым фактором. Прочитав предисловие, видим, что ядро работы — диссертация PhD, защищенная Серлем в Оксфорде в 1959 году (то есть еще десятью годами ранее), и что эта книга задолго до отдельного издания была опубликована кусками в специальной философской прессе.

Так не приходит же вам в голову цитировать:

Гольдони, К. Труффальдино из Бергамо. Бергамо, 1976.

только потому, что у вас стоит на полке дешевое издание Гольдони, выпущенное в Бергамо? Для исследовательской работы что Серль, что Гольдони, они равнозначны. Ни в коем случае нельзя создавать превратное впечатление об их работе. В наших приме-

рах, Гольдони ли вы изучали, Серля или же Вильсона, вы пользовались не первыми изданиями. Возможно, новые издания полнее, они прокомментированы, отредактированы. Но ваша обязанность — указать, когда выходили первые, а потом уже ссылаться на те последующие, к которым относятся постраничные номера в ваших выписках.

Теперь, когда мы видим, как *не должна выглядеть* библиографическая ссылка, продемонстрируем пять вариантов *правильного* ее оформления. Подчеркнем: единственного варианта нет. Сделайте только так, чтобы при вашей системе: а) разграничивались отдельные издания от статей или глав изданий; б) соблюдалась кристальная ясность по отношению к именам авторов и заглавиям книг; в) сообщалось место издания, издательство, порядковый номер издания; г) по возможности передавался объем текста. Этим требованиям соответствуют все пять нижепредлагаемых способов, хотя нам, по причинам, которые укажем, больше нравится первый:

1. Searle, John R., *Speech Acts — An Essay in the Philosophy of Language*, 1st ed., Cambridge, Cambridge University Press, 1969(5th ed., 1974), pp. VIII-204.
Wilson, John, *Philosophy and Religion — The Logic of Religious Belief*, London, Oxford University Press, 1961, pp. VIII-120.
2. Searle, John R., *Speech Acts* (Cambridge: Cambridge, 1969)
Wilson, John, *Philosophy and Religion* (London: Oxford, 1961)
3. Searle, John R., *Speech Acts*, Cambridge, Cambridge University Press, 1st ed., 1969 (5th ed., 1974), pp. VIII-204.
Wilson, John, *Philosophy and Religion*, London, Oxford University Press, 1961, pp. VIII-120.
4. Searle, John R., *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969
Wilson, John, *Philosophy and Religion*. London: Oxford University Press, 1961.
5. SEARLE, John R
1969 *Speech Acts — An Essay in the Philosophy of Language*, Cambridge, Cambridge University Press (5th ed., 1974), pp. VIII-204.
WILSON, John
1961 *Philosophy and Religion — The Logic of Religious Belief*, London, Oxford University Press, pp. VIII-120.

Разумеется, могут быть другие, смешанные решения. Например, и в первом примере, как в пятом, фамилии авторов могут быть набраны прописными буквами. В четвертый вариант могут быть введены подзаголовки, как в первый и в пятый. Бывают, как мы увидим позже, еще более сложные формулы описания, включающие, скажем, указание книжных серий.

В любом случае повторим: приемлемы все пять типов оформления. Оставим пока в покое последний. Это образец из специализированной библиографии (организованной по принципу «автор-год»). О нем мы будем беседовать позже: сначала в разделе, посвященном примечаниям, затем и в разделе, посвященном окончательной библиографии.

Второй способ оформления библиографических ссылок является типично американским, к тому же он используется чаще в подстрочных примечаниях, реже — в затекстовых библиографиях. Третий способ типично немецкий. В последнее время он редко применяется и на мой взгляд лишен каких бы то ни было прелестей. Четвертый способ тоже взят на вооружение в США, я нахожу его довольно отталкивающим, потому что не выделено заглавие работы.

Система оформления ссылок по типу 1 предоставляет нам все необходимые сведения и к тому же ясно дает понять, что дело идет о книге и какого объема эта книга.

Периодика. До чего удобна эта первая система, можно убедиться, попробовав процитировать тремя способами журнальную статью:

Анчески, Лучано, «Горизонты поэзии», *Иль Верри* 1 (НС), февраль 1962: 6-21.

Анчески, Лучано. «Горизонты поэзии», *Иль Верри* 1 (НС), С. 6-21.

Анчески, Лучано, *Горизонты поэзии*, в «Иль Верри», февр. 1962, С. 6-21.

Можно привести еще множество вариантов, но рассмотрим сразу же первый и третий. В первом случае заглавие статьи заключено в кавычки, название журнала дано курсивом. А в тре-

тъем — в курсиве заглавие статьи, а название журнала в кавычках. По какой причине лучше первый вариант? Потому что глазу сразу видно, что «Горизонты поэзии» — это не книга, а короткий текст.

При таком оформлении журнальные статьи попадают в одну компанию (как увидим) с главами книг и материалами конференций.

Второй пример — это вариация первого, в нем лишь устранено указание месяца и года публикации. Но так как месяц и год надо знать, первый вариант предпочтительнее. Лучше бы уж было: *Иль Верри* 1, 1962. Кстати, вы заметили, наверное, помету «НС» («Новая серия»). Это очень важно, потому что журнал выходил еще и со старой нумерацией, в которой первый номер приходился на 1956 год. Так вот, если надо цитировать какой-то номер до 1962 года, я, разумеется, не имея права вводить от себя определенное «старая серия», вместо этого поступаю так:

Горльер, Клаудио, «Апокалипсис Дилана Томаса», *Иль Верри* I, 1, осень 1956, С. 39–46.

Тут я ввел в описание не только номер, но и порядковый год существования журнала. По этой формуле, предыдущее библиографическое описание должно бы было принять такой вид:

Анчески, Лучано, «Горизонты поэзии», *Иль Верри* VII, 1, 1962, С. 6–21,

да вот загвоздка: в новой серии (при новой нумерации) на выпусках не проставлялись порядковые года издания.

Есть случаи, когда в журналах используется сквозная нумерация страниц выпусков на весь год (или по томам; в одном календарном году может выйти несколько томов). Скажут, что тогда нет необходимости указывать номер выпуска, достаточно указать год и страницу, например:

Гульельми, Гуидо, «Техника и литература», *Язык и стиль*, 1966, С. 323–340.

Что ж, проверим, как это выглядит на практике. Идем в библиотеку, выписываем кипу журналов за весь год, тащим к себе на стол, находим страницу 323: это, оказывается, третий выпуск

первого порядкового года. Пусть теперь мне объяснят, зачем было бегать с тяжестями. Может, кому-то из коллег нравится такой спорт... Но я лучше тихо укажу в ссылке:

Гульельми, Гуидо, «Техника и литература». *Язык и стиль*, 1, 3, 1966.

И тогда, даже если не указана страница, найти статью все равно будет делом одной минуты. При таких данных гораздо проще выписывать материал из библиотечных фондов или из издательств: ведь заказ делается не по номеру страницы, а по номеру выпуска. Хотя привести номера первой и последней страницы все равно полезно, это позволяет понять, длинна или коротка статья. Так что страницы лучше указывайте.

Коллективы авторов. Под редакцией такого-то. Поговорим об описании не целых книг, а их кусков, взятых как из сборников одного и того же автора, так и из коллективных сборников. Приведем простой образец:

Морпурго-Тальябуэ, Гуидо. «Аристотелизм и барокко» в сб. *Риторика и барокко*. Материалы III Международного конгресса по гуманитарным исследованиям, Венеция, 15-18 июня 1954, под ред. Энрико Каstellи, Рим, Бокка, 1955, С. 119-196.

Что мы извлекаем из подобной записи? Все, что требуется, а именно:

а) что речь идет о тексте, публикуемом вместе с другими текстами, а следовательно, работа Морпурго-Тальябуэ не является книгой, хотя по числу ее страниц (77 страниц) можно предположить, что это труд достаточно солидный;

б) что вся группа текстов имеет заглавие «Риторика и барокко» и принадлежит разным авторам (по европейским нормам «в сб.» выглядит как AAVV или AA.VV.);

в) что это материалы научной конференции. Важная информация, поскольку в систематических каталогах подобные сборники часто отправляют в ящик «Материалы симпозиумов и конференций»;

г) что издание подготовлено Энрико Каstellи. Это чрезвычайно важно, во-первых, потому, что во многих библиотеках сборник отправят на «К», под «Каstellи, Энриу», а во-вторых, потому, что англоязычная библиографическая традиция предписывает делать то же самое: заносить в таких случаях книгу не под «AAVV», как в Европе, а на имя редактора. Поэтому в европейских библиографиях эту книгу вы будете искать на «А»:

AAVV, *Retorica e Barocco*, Roma, Bocca, 1955, pp. 256, 20 tav.,

а в американской или английской библиографии вы должны обратиться совсем в другое место:

Castelli, Enrico (ed.), *Retorica e Barocco*; Roma, Bocca, 1955, pp. 256, 20 tav.

Вставочка (ed.) означает «куратор» или «научный редактор»; «eds.» пишут, когда редакторов несколько.

Не зная этих мелочей, вам не откопать книгу в библиографическом указателе или в каталоге библиотеки.

Как мы увидим из раздела III.2.4., где дан наглядный пример библиографического поиска, ссылка на эту самую работу Морпурго в «Истории итальянской литературы» издательства «Гарзанти» выглядит таким образом:

«нельзя не учитывать... коллективный труд *Риторика и барокко. Материалы III Международного конгресса по гуманитарным исследованиям*, Милан, 1955, и в частности основополагающий обзор Г. Морпурго-Тальябуэ *Аристотелизм и барокко*.

Это пример очень плохого библиографического указания. В нем: а) сокращено до инициала собственное имя автора; б) указывается город Милан, что наводит на мысль, что либо научное мероприятие прошло в Милане, либо что в Милане расположено издательство, а неверно как первое, так и второе; в) не названо издательство; г) непонятно, каков объем статьи; е) не указано, кто научный редактор тома.

Упаси вас бог повторить все это в таком же виде на вашей библиографической карточке! Нет, на карточку вы должны

выписать только некоторые сведения: оставить пустые места, чтобы потом заполнить как следует. Значит, выписывайте вот что:

Морпурго-Тальябуэ, Г...

«Аристотелизм и барокко» в сб. «*Риторика и барокко*». Материалы III Международного конгресса по гуманитарным исследованиям, ... , под ред., Милан, 1955, С.

Коллектив авторов без научного редактора. Теперь предположим, что вы описываете статью, вошедшую в книгу, где имеется четыре равноправных автора, но ни один из них не выступает научным редактором. Например, у меня тут под рукой немецкая книжка: имена авторов Т.А. van Djik, Jens Ihwe, Janos S. Petöfi, Hannes Rieser.

При цитировании подобной книги ради краткости обычно пишут только первую фамилию и прибавляют «et al.», сокращение от латинского «et alii»:

Djik, T.A. van et al., *Zur Bestimmung narrativer Strukturen* и т.д.

Теперь возьмем более сложный случай. Статья напечатана в третьем выпуске двенадцатого тома в коллективном труде, каждый том которого имеет собственное заглавие, отличное от заглавия коллективного труда в целом:

Hymes, Dell, "Anthropology and Sociology", in Sebeok, Thomas A., ed., *Current Trends in Linguistics*, vol. XII, *Linguistics and Adjacent Arts and Sciences*, t. 3, The Hague, Mouton, 1974, pp. 1445-1475

Таким образом описывается статья Делла Хаймса. При ссылке же на весь труд в целом, читателя, безусловно, заинтересует, сколько же томов входит в это собрание. Будем указывать так:

Sebeok, Thomas A., ed., *Current Trends in Linguistics*, The Hague, Mouton, 1967-1976, 12 voll.

Если необходимо сослаться на статью, входящую в сборник статей того же автора, используем ту же систему, что и в случае коллектива авторов, только не вставляя никакого имени перед заглавием книги, например:

Росси-Ланди, Ферруччо, «Идеология как социальное проектирование» в: «Язык как работа и как рынок», Милан, Бомпиани, 1968, С. 193-224.

Подчеркнем тонкость, что глава из коллективного труда указывается «в» («in») этом самом труде, в то время как статья в периодическом издании *не сопровождается* пометкой «в», а просто название журнала пишется непосредственно после названия статьи.

Книжная серия. Самое совершенное библиографическое описание должно включать и название издательской серии, в которую входит книга. Эта информация, впрочем, является не необходимой, а дополнительной. Необходимая информация — автор, заглавие, издательство и год публикации. Но в определенных дисциплинах книжная серия является своего рода сигнальным флажком, указателем научного направления. Серию проставляют в кавычках после заглавия и сообщают порядковый номер тома в серии:

Росси-Ланди, Ферруччо, «Идеология как социальное проектирование», в: «Язык как работа и как рынок», «Новые итальянские исследования — 2», Милан, Бомпиани, 1968, С. 193-224.

Анонимы, псевдонимы и т.д. В случае анонимных сочинений, а также изданных под псевдонимами и когда статьи в энциклопедиях и справочниках подписаны только инициалами автора:

- для анонимов попросту ставим вместо имени автора слово «Аноним»;
- для псевдонимов можно прибавлять в скобках настоящее имя автора (если оно известно), для гипотез, достаточно устоявшихся, — гипотетическое имя с вопросительным знаком в скобках. Когда речь идет об авторе, традиционно известном под неким именем, в котором, однако, наука сомневается — к имени прибавляется в скобках «Псевдо».

Лонгин (Псевдо). *О высоком.*

В третьем случае, скажем, цитируя статью «Семнадцатого века стиль» Большой Итальянской энциклопедии «Треккани», подписанную

«М. Пр.», надо посмотреть в начале тома список подписей, узнать, что автор — Марио Прац и дать следующее указание:

М(арио) Пр(ац), «Семнадцатого века стиль», *Итальянская Энциклопедия* XXXI.

Ныне в. Есть произведения, которые, впервые выйдя в периодике, ныне легко доступны в сборниках работ соответствующих авторов или в тематических антологиях. Если ссылка не носит для диплома центрального характера, можно цитировать по тому источнику, который под рукой. А вот когда речь идет о ключевых для темы работах, тогда сведения о первых публикациях необходимы для исторической корректности. Никто не запрещает использовать подручное переиздание, но в порядочном сборнике или антологии непременно будет указываться и первоиздание публикуемого произведения. На основании этого указания вы создадите библиографическую ссылку по следующей форме:

Fodor, Jerry A., Katz, Jerrold J., "The Structure of a Semantic Theory", *Language* 39, 1963, pp. 170-210 (ныне в Fodor J. A. и Katz J. J., eds., *The Structure of Language*, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1964, pp. 479-518).

Составляя специальную библиографию по принципу автор-дата (о ней мы будем говорить в разделе V.4.3.), в качестве сигнальной даты выводите дату первой публикации:

Fodor, Jerry A., Katz, Jerrold J.
1963 "The Structure of a Semantic Theory", *Language* 39, 1963, pp. 170-210 (ныне в Fodor J.A., Katz J.J., eds., *The Structure of Language*, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1964, pp. 479-518).

Цитаты из газет и еженедельников: они оформляются так же, как и цитаты из журналов, с той только разницей, что для них существеннее (из соображений удобства) дата выхода, нежели номер выпуска. В случае проходных упоминаний газетных публикаций нет необходимости даже указывать страницу (хоть это

всегда невредно), и нет абсолютно никакой нужды указывать колонку. Однако если тема вашего диплома связана со специфическими проблемами газетной верстки, тогда указание места на странице становится, конечно, обязательным.

Для газет городского значения указывайте город: *Иль Гадзеттино* (Венеция), 7.7.1997.

Выдержки из официальных документов и из серий памятников. Существуют профессиональные пометы, указывающие на своды официальных документов, свои для каждого профиля науки, точно так же как существует особый язык сокращений для описания старинных рукописей. Здесь мы можем лишь посоветовать читать специальную литературу и добавим, что в каждой области знания есть такие сокращения, которые всем понятны, и в развертывании они не нуждаются. Публикации постановлений американского парламента, согласно учебникам, цитируются так:

S. Res.218, 83d Cong., 2d Sess., 100 Cong. Rec. 2972 (1954).

и для специалистов в этой области запись будет обозначать следующее: Senate Resolution number 218 adopted at the second session of the Eighty-Third Congress, 1954, and recorded in volume 100 of the «Congressional Record» beginning on page 2972 (Постановление Сената номер 218, принятое на втором заседании восемнадцать третьего конгресса в 1954 году, опубликованное в сотом томе «Постановлений Конгресса», начало на стр. 2972).

Точно так же в исследовании по средневековой философии, из ссылки к тексту R.L. 175, 948 (или же PL, CLXXV, col. 948) всякому ясно, что его адресуют в столбец 948 сто семьдесят пятого тома знаменитого собрания латиноязычных текстов христианского средневековья — «Латинской Патрологии» Миня. Однако, делая впервые в своей жизни карточную библиографию, будет замечательно, если для начала вы перепишите целиком выходные данные этого издания, в частности, потому, что в затекстовом

библиографическом списке от вас потребуется привести ее в полном виде:

Patrologiae Cursus Completus, Series Latina, accurante J.P.Migne, Paris, Gamier, 1844-1866, 222 voll (+ Supplementum, Turnhout, Brepols, 1972).

Цитаты из классиков. Чтоб цитировать произведения классики, надо соблюдать набор условностей, достаточно общепринятых, по формуле заглавие-книга-глава, или часть-параграф, или песнь-стих. Некоторые произведения фрагментированы по традиции, восходящей к далекой древности. Когда современные редакторы вводят другую фрагментацию, обычно сохраняют также и традиционные обозначения. Поэтому, желая процитировать «Метафизику» Аристотеля о принципе непротиворечия, надо писать: *Met. IV, 3, 1005b, 18.*

Отрывки из «Сочинений» Чарлза С. Пирса обычно цитируются: *CP, 2.127*

Библейские цитаты: *I Царств, 14:6-9*

Классические комедии и трагедии (да и неклассические тоже) цитируются: порядковый номер акта римской цифрой, затем номер сцены (арабской), потом стих или стихи: *Стронт., IV, 2:50-51.* Правда, англоязычные ученые предпочитают *Shrew, IV, ii, 50-51.*

Разумеется, читатель диплома должен понимать, что *Стронт.* означает «Укрощение строптивой» Шекспира; если ваш диплом по елизаветинскому театру, никаких проблем. Если же шекспировский мотив возник как элегантная и тонкая необязательная параллель в дипломе по психологии, лучше при цитировании дать более общепонятную ссылку.

Прежде всего заботьтесь о практичности и понятности. Ставя после дантовской цитаты *II, 27.40,* пишущий, надо полагать, имеет в виду сороковой стих двадцать седьмой песни второй кантики. Но специалисты по Данте пишут в этих случаях *Чист., XXVII, 40.* Старайтесь соблюдать научный этикет, это второстепенное, но очень важное правило.

Безусловно, надо держать ухо востро. «Мысли» Паскаля обычно нумеруют одним способом — в традиционных изданиях и со-

всем по-другому — в издании Бруншвика; там они расположены в совершенно новом порядке. Подобные тонкости нарабатываются по мере чтения источников и научного материала.

Цитирование неизданных трудов и частных документов.

Дипломные и диссертационные работы, депонированные и недепонированные рукописи при цитировании описываются определенным образом. Пример:

Ла Порта, Андреа, *Некоторые аспекты теории исполнения в естественном языке*, диссертация, защищенная на филолого-философском факультете, Болонский университет, год выпуска 1975-1976.

Valesio, Paolo, *Novantiqua: Rhetorics as a Contemporary Linguistic Theory*, в печати (любезно предоставлено автором).

Точно так же цитируются частные письма и беседы. Если они имеют второстепенное значение, достаточно отметить источник в примечании, но если они повлияли на ваши идеи, значит, их место в основной библиографии:

Смит (Smith), Джон, Частное письмо автору от 5.1.1995

Как будет сказано в частности в разделе V.3, для подобных цитат вообще-то принято просить разрешения у автора письма, а в случае с устным сообщением — предоставлять собеседнику письменный вариант на утверждение.

Оригинал и перевод. По хорошему, работы должны бы были изучаться и цитироваться только на языке оригинала. Однако реальность не такова. Прежде всего, есть языки, на которых, как считается по умолчанию, не обязательно читать (болгарский) — и языки, которые вроде бы положено понимать. Принято думать, что любой человек что-то там понимает по-английски и по-французски, в меньшей степени по-немецки, что итальянцы читают по-испански и по-португальски, хоть это в общем-то иллюзия, и что русского и шведского не знает никто.

Далее. Некоторые книги прекрасно можно использовать в переводе. Если у вас герой диплома Мольер, ужасно было бы, если

бы вы читали его не на французском языке. Но если ваш предмет — история Италии середины прошлого века, вы имеете право прочесть «Историю Италии» Дениса Мак Смита и в переводе с английского языка. Не возбраняется в данном случае цитировать по переводу.

Тем не менее ваша библиографическая ссылка должна сообщать какие-то данные и тому, кто захочет воспользоваться текстом на языке подлинника. Поэтому принято делать двойное описание. Кстати, таково же положение и в случае, если вы работали с текстом на языке подлинника. Цитируйте англоязычный текст, но почему бы не указать, что существует перевод и в каком издательстве он вышел? Так что идеальная форма представляется примерно такой:

Mac Smith, Denis. *Italy. A Modern History*, Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1959 (итал. пер. Альберто Аквароне, *История Италии с 1851 по 1958*, Бари, Латерца, 1959).

Бывают ли исключения? Да, некоторые. Например, в вашем дипломе (не о Греции!) вам надо процитировать, ну, скажем, в связи с чем-то юридическим, «Республику» Платона. Можете смело цитировать в каком хотите переводе, лишь бы только было указано, по какому изданию.

Точно так же, работая над исследованием по общей культурологии и желая процитировать книгу

Lotman, Juri M., Uspenskij, Boris A., *Tipologia della cultura*, Milano, Bompiani, 1975,

цитируйте со спокойной совестью итальянское издание. У вас есть два оправдания. Во-первых, вряд ли ваши читатели трясутся от желания штудировать русский оригинал. Во-вторых, никакого оригинала не существует, имеет место совокупность статей, собранных из научных сборников итальянскими составителями книги. Конечно, можете указать после заглавия: составители Ремо Факкани и Марцио Марцадури.

Однако если ваше исследование посвящено развитию семиотики, за определенный период, тогда вам следует ссылаться на

оригинал более тщательно. Вероятно, по-русски вы не читаете (надеюсь, вы при этом не взялись за диплом по семиотике в СССР!) и полагаю, что из всего набора статей вас особо затронула какая-то конкретно, ну, например, седьмая. Тогда вам непременно надо указать, в каком году она опубликована и в каком издании. Все эти сведения составитель собрал для вас в примечании к заглавию статьи. В библиографии это примет следующий вид:

Lotman, Juri M. "O ponjatii geograficeskogo prostranstva v russkich srednevekovykh tekstach", *Trudy po znakovym sistemam* II, 1965, pp. 210-216 (ит. пер. Ремо Факкани, «Il concetto di spazio geografico nei testi medievali russi» в: Lotman, Juri M., Uspenskij, Boris A., *Tipologia della cultura*, Milano, Bompiani, 1975).

Таким образом, вы не притворяетесь, будто читали текст в оригинале, вы указываете ваш переводной источник, однако даете читателю и ту информацию, которая касается первоисточника и может быть ему полезна.

В случае, если работа на малоизвестном языке, и если печатного перевода не существует, после заглавия указывайте, что перевод ваш собственный (в круглых скобках).

Теперь рассмотрим некий случай, который на первый взгляд может показаться очень трудным и для которого «идеальное» решение на первый взгляд ужасно кропотливо. Посмотрим, однако, каким образом кропотливость может быть дозирована.

Давид Ефрон — аргентинский еврей, в 1941 году он опубликовал на английском языке в Америке исследование «Gesture and Environment» о языке жестов у нью-йоркцев еврейского и итальянского происхождения. Испанский же текст этой книги вышел только в 1970 году в Аргентине, и у него было другое заглавие: «Gesto, raza y cultura». В 1972 году этот текст был снова издан по-английски в Голландии под заглавием «Gesture, Race and Culture». С этого издания был сделан в 1974 году итальянский перевод: «Gesto, razza e cultura». Как должна выглядеть сноска при его цитировании?

Зависит от ситуации. Предположим, цитата должна войти в диплом, посвященный именно Давиду Ефрону. В этом случае за-текстовая библиография будет содержать раздел, посвященный сочинениям автора, и все вышеуказанные издания будут перечислены в столбик в порядке выхода в свет, с оговоркой, что каждое из них является переизданием предыдущего. Предполагается, что дипломник просмотрел все эти издания, ведь ему надо было знать, вносились ли изменения и делались ли купюры.

Во втором случае, скажем, если цитата войдет в диплом по экономике, политэкономии или социологии, где затрагиваются проблемы эмиграции и куда книга Ефрона привлечена только потому, что в ней есть полезная информация второго и третьего плана: в этом случае можно ограничиться ссылкой на последнее итальянское издание и больше на этом вообще не останавливаться.

Или, наконец, промежуточный случай. Цитата второстепенна, но для концепции важно, что исследование не написано недавно, а восходит к 1941 году. Лучшим решением будет:

Efron, David, *Gesture and Environment*, New York, King's Crown Press, 1941
(итал. пер. Michelangelo Spada, *Gesto, razza e cultura*, Milano, Bompiani, 1974).

Однако есть одна сложность. В итальянском издании, под копиратом, сообщено, что первое издание восходит к 1941 году, но в качестве названия вместо заглавия первоиздания приведено заглавие голландской книги 1972 года. Это грубый ляп (которым я имею право возмущаться, поскольку сам и являюсь научным редактором той серии, где вышла книга с ошибкой)! Грубый ляп: по подобным данным студенты с полным основанием будут цитировать в качестве первоиздания *Gesture, Race and Culture*. Вот почему необходимо в каждом случае выверять библиографическую запись не по одному, а по нескольким источникам.

Самый въедливый дипломник, из тех, кто дает и основную и сопутствующую информацию, зная о судьбе Ефрона и о постепенном возврате интереса ученых к нему, составит следующую библиографическую запись:

Efron, David, *Gesture and Environment*, New York, King's Crown Press, 1941 (2nd ed., *Gesture, Race and Culture*, The Hague, Mouton, 1972; итал. пер. Michelangelo Spada, *Gesto, razza e cultura*, Milano, Bompiani, 1974).

На основании всего вышесказанного приходим к выводу, что оптимальная информация определяется характером диплома и той ролью, которая отведена каждой конкретной книге в общем контексте (первостепенный ли это источник, или второстепенный, или сопутствующий, или дополняющий и проч.).

На основании этих указаний вы теперь можете приступать к библиографии, которая потом войдет в диплом. Но к этому мы еще возвратимся в главе VI. В разделах V.4.2 и V.4.3, посвященных двум системам оформления библиографических ссылок и двум системам увязывания примечаний с библиографией, вы найдете образцы — две пары страниц (таблицы № 16-17, 18-19) с примерами текстов и соответствующих библиографий.

Для того чтобы лучше уяснить все сказанное нами выше, изучите эти страницы.

На данном этапе объяснение, как делать правильную библиографическую запись, понадобилось для того, чтобы вы могли начать составлять необходимые карточки. Все сказанное суммируется в таблице № 1 (модуль библиографической карточки).

В завершение разговора приводим таблицу № 2: образец незаполненного модуля. Как видите, в ходе работы сначала встретился с итальянским переводом книги. Затем нашел книгу в каталоге и вписал в правый верхний угол шифр библиотеки. Затем получил из хранения книгу, посмотрел на копирайт и нашел заглавие оригинала и название издательства. Под копирайтом не стояло года выхода, но я увидел его на обороте обложки и внес в свое описание. Наконец, я приписал внизу карточки, чем именно эта книга для меня важна.

Таблица № 1

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

В завершение долгого разговора о библиографических описаниях подведем итоги: что должно содержаться в хорошей ссылке. То, что здесь дано курсивом, должно быть дано курсивом и в вашем тексте (при машинной перепечатке курсиву соответствуют подчеркивания). То, что я даю в кавычках, и вы должны закавычивать. Где в таблице запятая, пусть будет запятая и у вас. где скобка — скобка.

Звездочками отмечены части описания, которые должны присутствовать всегда. Другие части могут быть, а могут и не быть. в зависимости от характера диплома.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- * 1. Фамилия и имя автора (или авторов, или научного редактора, или составителя. Тут же указываются псевдонимы и
- * 2. *Заглавие и подзаголовок издания*,
- 3. («Книжная серия»),
- 4. Порядковый номер издания (если это не первое),
- * 5. Место издания. Если в книге оно не указано, надо писать s.l. (sine loco),
- * 6. Издательство. Если в книге оно не указано, не писать ничего,
- * 7. Год издания. Если в книге он не указан, надо писать s.d. (sine data),
- 8. По вашему усмотрению, сведения о позднейшем издании, которым вы пользовались,
- 9. Число страниц и по усмотрению число томов в собрании,

10(Перевод: если издание цитируется под своим иностранным заглавием, но существует перевод на ваш язык, — привести имя переводчика, переводное название, место издания, название издательства, год издания перевода, по усмотрению — количество страниц).

СТАТЬИ В ПЕРИОДИКЕ

- * 1. Фамилия и имя автора,
- * 2. «Заглавие статьи или главы».
- * 3. *Название периодического издания*,
- * 4. Номер тома, номер выпуска (по усмотрению — указание на новую серию «НС»),
- 5. Месяц и год,
- 6. Страницы, на которых напечатана статья.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГ, ИЗ СБОРНИКОВ НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ИЗ АКТОВ СИМПОЗИУМОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ

- * 1. Фамилия и имя автора,
- * 2. «Название статьи или очерка»
- * 3. в
- * 4. По усмотрению имя научного редактора коллективного труда/в сб. / AAVV,
- * 5. *Название коллективного труда*,
- 6. (По усмотрению фамилия научного редактора, если прежде было поставлено AAVV),
- * 7. Номер тома повторяющегося издания, откуда взята цитируемая статья,
- * 8. Место издания, издательство, год издания, количество страниц, как в случае книжных изданий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Bs. con.
107-S171

Ауэрбах, Эрих

Mimesis. Реализм в западной литературе.

Турин, Эйнауди, 1956.

2 тома, СС. XXXIX-284 и 350

Заглавие оригинала:

*Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der
abendländischen Literatur.*

Bern, Francke.....1946

*[см. во втором томе главу
«Мир во рту Плантагрюэля»]*

III.2.4. Опыт поиска в городской библиотеке

Кто-то, впрочем, возразит, что мои советы хороши для сложившегося ученого, но что неопытный студент обязательно, берясь за библиографию, столкнется со множеством трудностей:

- потому что не может работать в специализированной библиотеке, так как живет вдали от университетских городов;
- потому что имеет крайне зыбкое понятие о том, что ищет, и не знает, с какого боку подойти к предметному каталогу, и руководитель ему ничем не помогает;
- потому что не может ездить по библиотекам (не хватает денег, времени, здоровья и т. д.)

Что ж, будем исходить из самой крайней ситуации. Студент учится на заочном отделении; за четыре года он только несколько раз побывал в университете. С руководителем (допустим, преподавателем итальянской литературы или эстетики) он практически не знаком. За диплом он хватается в последнюю минуту. На все про все у него есть только год.

Где-то в сентябре он встречался с профессором или с кем-то из его аспирантов, но у тех не было времени разговаривать. Профессор спросил на ходу: «Почему бы вам не заняться концепцией метафоры в трактатах итальянского барокко?» После чего студент воротился в свой далекий уездный город. В его распоряжении городская библиотека. Он имеет разрешение два-три раза в неделю не приходиться на работу после обеда и собирается за несколько походов в читальный зал составить себе понятие о будущем дипломе и можно ли справиться с ним, не обращаясь в другие книгохранилища. Покупать дорогие книги у него нет денег. Микрофильмы заказывать слишком сложно. Самое большее ему удастся пару раз вырваться в университетский город: в январе и, скажем, в апреле. В остальное время надо творить из подручных средств. Может, какие-нибудь книги он и купит, но самые дешевые, в бумажном переплете, и не больше пяти-шести.

Таковы условия задачи. Чтоб понять, что же делать этому студенту, я пишу эти строки в далеком районном центре в области

Монферрато. Двадцать три километра надо ехать до Алессандрии (девяносто тысяч жителей, городская библиотека, картинная галерея и краеведческий музей). Час езды до Генуи, полтора до Турина и Павии. За три часа можно добраться до Болоньи. Но мы это учитывать не будем. Никаких университетских городов, работаем только на местных ресурсах.

Далее. Я выбрал тему диплома (концепцию метафоры в трактатах итальянского барокко), которую никогда специально не разрабатывал. Так что чувствовал себя честно неподготовленным. Да, понятно, что я не был законченным невеждой, поскольку уже соприкасался как с эстетикой, так и с риторикой. Скажем, я знал, что главные специалисты в Италии по проблематике барокко — это Джованни Джетто, Лучано Анчески, Эцио Раймонди и что в последние десятилетия у них выходили труды. Я также знал, что существует основной литературный манифест семнадцатого века «Подзорная труба Аристотеля» Эмануэле Тезауро и что посвящен этот трактат концепции метафоры. Однако это тот минимум, который должен бы знать и наш предполагаемый студент: к концу четвертого курса сдавал же он хоть какие-то экзамены, а выбирая руководителя, читал же хоть какие-то его работы, а в работах не могли не упоминаться эти основные имена.

И тем не менее для чистоты эксперимента действовать я буду, будто не знаю даже того, что знаю. Ограничусь сведениями на уровне обыкновенной общеобразовательной школы. Я знаю, что барокко — это из области изобразительного искусства и литературы семнадцатого века. Что метафора — риторическая фигура. Не более того.

Выделяю на введение в предмет три дня по три часа, с трех до шести, в шесть библиотеку закрывают. Получается девять часов. За девять часов книг не считаешь, но я наметил составить предварительную библиографию. Засаекаю время. Не претендую дать образец полной, законченной работы: это проба пусковой фазы, которая необходима для принятия глобальных решений.

Переступая порог библиотеки, я попадаю на перепутье, как уже говорилось в разделе III.2.1, и передо мной три дороги:

III. Сбор материала

1) идти в систематический каталог и братья за ящики «Итальянская (литература)», «Литература (итальянская)», «Эстетика», «Семнадцатого века (стиль)», «Барокко», «Метафора», «Риторика», «Трактаты», «Поэтики»¹. В библиотеке два каталога, старый и модернизированный, в каждом есть систематическая и алфавитная половины. Они до сих пор не слиты, надо рыться и там и тут (не доверяйтесь обыкновенной логике, что-де книга прошлого века будет в старом каталоге! Если библиотека купила эту книгу в прошлом году, карточку отправят в новый. Единственное, в чем можно быть уверенным, это что искать книгу, вышедшую в прошлом году, можно только в новом каталоге, тут уж сомнений никаких нет);

2) идти в справочный зал и просматривать энциклопедии и книги по истории литературы. В историях литературы (или эстетики) надо находить главу «Семнадцатый век» или «Барокко». В энциклопедиях смотреть: «Барокко», «Семнадцатого века (стиль) (вкус)», «Метафора», «Поэтика», «Эстетика» и так далее, то есть те же разделы, что смотрел бы в систематическом каталоге;

3) потолковать с консультантом. Этот вариант в моем случае оказался провальным, потому что консультант-библиотекарь, разгадав, кто я, начал сыпать заглавиями на любых языках мира, предложил получать на выдаче сколько угодно книг на одно требование и создал мне нестандартные условия, нарушающие чистоту эксперимента. С той минуты я отказался и от его советов, и от его опеки.

Поэтому я выбрал путь в систематический каталог и напрасно это сделал, так как сразу вытащил слишком крупный козырь. Мне

¹ В то время как смотреть на «Метафору» «Барокко» и «Эстетику» вполне естественно, идея насчет «Поэтики» является чуть более утонченной. Но я в своем праве. Невозможно вообразить, будто дипломник подходит к подобной теме совершенно «с нуля», он бы не сумел даже повторить ее название. Значит, с помощью профессора, кого-то из друзей или какого-то чтения, в любом случае первое приближение, надо думать, уже состоялось. Наверно, наш студент уже слышал словосочетание «поэтики барокко» и вообще «поэтики» в смысле «программные документы искусства». Это дает нам право допускать, что студент знаком с подобными терминами.

попалась карточка на книгу Джузеппе Конте, «Барочная метафора. О поэтиках семнадцатого века». Милан, Мурсия, 1972. Вот он, мой диплом, ни убавить ни прибавить! Будь я без совести, мог бы просто переписать его. И поступил бы очень глупо, потому что, разумеется, и руководитель и оппонент увидели бы, откуда украдено. Но если я намерен поработать самостоятельно и написать оригинальную работу, эта книга создает мне трудности, потому что либо я обязан добавить нечто новое, нечто иное, либо мой диплом — зряшная трата сил.

У меня есть один выход: порядочная честная компиляция, для которой эта книга составляет неплохую стартовую площадку. В этой книге собран весь нужный материал, невзирая на легкое неудобство работы с ним, так как отсутствует библиография за текстом. Но ссылки на литературу легко извлекаются из солидных примечаний в конце каждой главы, где книги по каждой теме не только перечислены, но описаны и резюмированы. На глаз прикидываю: можно натаскать отсюда не менее пятидесяти единиц библиографии, даже после отсева тех многих отсылок, которые относятся к современным работам по эстетике и семиотике, прямо не связанным с предметом диплома, но преломляющим его на фоне сегодняшних достижений науки.

Вообще-то, как знать, на этих современных работах я мог бы построить диплом в несколько новом повороте, нацелившись на связи между барокко и эстетикой нашего времени... Ну, поживем — увидим.

Пятьдесят работ по истории вопроса, которые можно набрать, просеяв здешние ссылки, это достаточное количество предварительных библиокарточек, чтобы начинать разведку боем в алфавитном каталоге библиотеки.

Однако я гордо отвергаю и эту перспективу. Ведь нельзя принимать за норму такое фантастическое везенье. Я буду проводить свой опыт так, как будто книги Конте вообще не существует ни на свете, ни в систематическом каталоге александрийской библиотеки.

Чтобы придать работе методичность, попробую второй путь поиска. Переместившись в справочный зал, берусь за указатели и энциклопедии, в первую очередь за «Большую Итальянскую».

Там вообще нет «Барокко», есть только статья «Барочное искусство», где говорится об искусстве изобразительном. Том на «Б» делался в 1930 году, когда в Италии к литературе барокко относились крайне отрицательно. Стиль семнадцатого века был загнан на задворки истории культуры. Первоначальный словник энциклопедии составлялся влиятельным критиком Бенедетто Кроче, гонителем барочности в литературе. Думаю: что если заглянуть на «Семнадцатый век», все же поближе к концу многотомника?

В разделе «Семнадцатого века (стиль)» меня ждет приятный сюрприз. Статья оказывается большой, подробной, толковой, детально исследующей проблематику эпохи, от теоретиков и поэтов итальянского барокко (Джованбаттисты Марино и Эмануэле Тезауро) до проявлений барочного стиля в зарубежных странах (Грациан, Лили, Гонгора, Крэшо и другие). Прекрасные цитаты, цветущая библиография. Гляжу на дату выхода тома: 1936. Сверяю инициалы подписи с указателем: автор статьи — Марио Прац. Это наипервейший сорт, какой только можно было сыскать в то время (а во многих отношениях и сейчас). Даже считая, что нашему студенту неизвестно, сколь великим и изысканным ученым был этот самый Прац, мы можем быть уверены, что он сразу ощутит стимулирующий заряд статьи и решит вернуться к ней позднее и законспектировать ее. А пока что он сосредотачивается на библиографии и видит, что этот Прац, который пишет такие замечательные статьи, — автор двух книг по той же теме: «Стиль семнадцатого века и маринизм в Англии» (1925) и «Исследования по концептизму» (1934). Сделаем карточки на обе книги.

Потом видим ссылки на несколько трудов итальянских авторов, от Кроче до Д'Анконы, пишем карточки на них; отмечаем ссылку на поэта и критика двадцатого века Т. С. Элиота; после чего вливаем в полноводную реку англо- и немецкоязычных сочинений. Разумеется, переписываем все до единой ссылки, пусть и не знаем этих языков (поживем-увидим), но по ходу дела чувствуем, что у

Праца на первом плане общие проблемы семнадцатого века, в то время как нас острее интересуют конкретные моменты, связанные с Италией. Ситуацию за рубежом мы готовы учитывать как фон, но, наверное, она не лучшее начало для разведки.

Посмотрим после того в «Большой Итальянской энциклопедии» статью «Поэтика»: оттуда нас пошлют на «Риторику», «Эстетику» и «Филологию». Посмотрим «Риторику» и «Эстетику».

Риторика в этой энциклопедии понимается достаточно широко. Есть один абзац о семнадцатом веке (прочсть потом внимательнее), но ни одной годной библиографической ссылки.

Об эстетике статью написал Гвидо Калоджеро, но в типичной традиции тридцатых годов. Эстетика рассматривается исключительно как раздел философии. Вико там есть, но авторов барочных трактатов нет. Это позволяет нам нащупать одну из закономерностей будущего исследования: ища итальянский материал, вероятнее обнаружить его в литературоведческих работах, а не в историко-философских трудах (по меньшей мере, как мы убедимся, так было до недавнего времени). В статье «Эстетика» все же я нахожу колонку ссылок на классические работы по истории эстетики, из них может выйти прок. Но они все английские или немецкие и вдобавок очень давние: Циммерман (1858), Шласлер (1872), Босанке (1895), а кроме того, Сентсбери, Менендес-и-Пелайо, Найт, наконец — Кроче. Заглядываю в алфавитный каталог и обнаруживаю, что ни одного из этих трудов, за исключением Кроче, нет в александрийской библиотеке. Как бы то ни было, переписать их на карточки надо, рано или поздно может потребоваться заглянуть в эти книги, все зависит от того, какое направление примет мой диплом.

Беру «Большой Энциклопедический словарь» УТЕТ, поскольку предполагаю, что там могут найтись подробные, доведенные до нашего периода статьи по «Поэтике» и прочему моему словнику. Но в «Словаре» ничего не обнаруживается. Тогда я открываю «Философскую энциклопедию» издательства Сансони.

Интересны и статья «Метафора» и статья «Барокко». В первой нет полезных библиографических данных, но говорится (и по мере

работы я оценю, как важно это предупреждение), что в основе всего лежит теория метафоры Аристотеля. Во второй статье приводится серия имен, ссылки на которые я найду и в более специальных контекстах (имена Кроче, Вентури, Джетто, Руссе, Анчески, Раймонди), и я старательно переписываю эти фамилии. Кроме того, вижу довольно существенную отсылку на статью Рокко Монтано, этой записи нет в предыдущих справочниках, поскольку статья новее их.

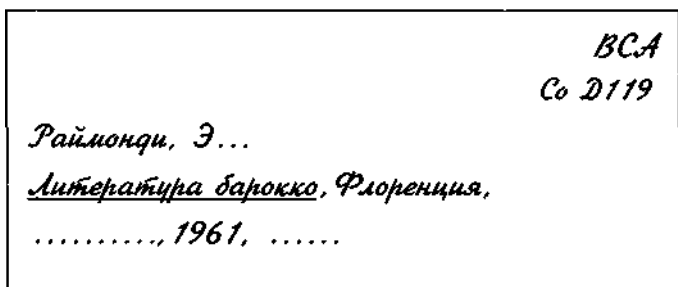
Тут мне становится ясно, что я дозрел до специального указателя, и я берусь за «Историю итальянской литературы» профессоров Чекки и Сапены, вышедшую в издательстве «Гарзанти».

Наряду с разделами ведущих литературоведов по поэзии, прозе и драматургии, по путешествиям и по прочему, я вижу главу Франко Кроче «Критика и трактаты барокко» (около пятидесяти страниц). Ограничусь только этой статьей. Пробегаю ее в самом быстром темпе (я сейчас не читатель книг, а составитель библиографического списка) и понимаю для себя, что полемика, начатая поэтом Алессандро Тассони по вопросу о Петрарке, продолжилась у других сочинителей, дискутировавших об «Адонисе» Марино (Стильяни, Эррико, Апрозио, Алеандри, Виллани и другие), потом затронула авторов трактатов, которые у Кроче именуются барочно-умеренными (Перегрини, Сфорца Паллавичино) и через базовый текст Тезауро, составляющий самый знаменитый трактат в защиту «гения» и остроумия барокко («лучшее, образцовое произведение теории барокко, думается, в масштабе целой Европы»), завершается литературной критикой конца семнадцатого века (Фругони, Лубрано, Боскини, Мальвазия, Беллори и другие).

Ясно, что в центре моих интересов окажутся Сфорца Паллавичино, Перегрини и Тезауро. Перехожу к библиографии главы Франко Кроче. В ней около сотни единиц. Библиография подразделена по темам, алфавитного порядка в ней нет. Без карточек ее не упорядочить. Я уже понимаю, что Франко Кроче занимается литературными критиками семнадцатого века — от Тассони до Фругони — и что необходимо вместить в мою коробку все библиографические указания, которые у Кроче есть. Может быть,

в дипломе найдут себе место только «умеренные» теоретики и Тезауро, но для вступления или для примечаний понадобятся сравнения с другими дискуссиями того периода...

Учтите, что ваша первоначальная библиография обязательно должна быть проверена, как минимум единожды, научным руководителем. Он ведь хорошо знает вашу тему и безусловно скажет сразу, с чего начать, что обязательно прочесть, а без чего можно просуществовать вполне безбедно. Если ваша коробочка составлена аккуратно, за час вы с руководителем ее переберете. В случае нашего эксперимента я составил 1) список общих работ по барокко и 2) специальную библиографию по авторам трактатов.

Мы уже говорили, как надо оформлять карточку в случаях, если библиографическая запись содержит лакуны. В карточке, которая воспроизведена тут выше, я сперва оставил место, чтобы дополнить имя автора (Эрнест? Эпаминонд? Эварист? Элий?) и вписать название издательства (Сансони? Новая Италия? Нербини?). После даты я оставил место для факультативных сведений. Шифры справа сверху, разумеется, заносятся, когда мы отыскиваем книгу в каталогах определенных книгохранилищ (BCA = Biblioteca Civile di Alessandria). В алессандрийской библиотеке труд Раймонди (Эцио!) систематизирован под номером Co D 119.

Так я переписал всю библиографию из двух энциклопедических статей. Теперь перенесемся на день позднее, когда карточки уже переписаны.

ОБЩИЕ ТРУДЫ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ БАРОККО,
 ПОДОБРАННЫЕ НА ОСНОВАНИИ ТРЕХ СТАТЕЙ ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ И СПРАВОЧНИКОВ
 («Большая Итальянская Энциклопедия», «Большая Философская Энциклопедия» Сансони-Галларате,
 «История итальянской литературы» Гарзанти)

Наличие в библиотеке	Труды, разыскивавшиеся в алфавитном каталоге	Труды тех же авторов, найденные по ходу дела в алфавитном каталоге
	AAVV, <i>Риторика и барокко</i>	
	Анчески, Л., <i>Идея барокко</i>	
Есть		Анчески, Л., «Поэтики литературного барокко в Италии»
Есть		Анчески, Л., <i>От Бэкона до Канта</i>
Есть		Анчески, Л., «Категории вкуса и гения у Бартоли»
Есть	Вельфлин, Э., <i>Возрождение и барокко</i>	
	Д'Анкона, А., «Барочный стиль в придворной поэзии XVII века»	
Есть	Джетто, Дж., «Полемика о барокко»	
	Калькатерра, К., <i>Парнас вверх ногами</i>	
Есть		Калькатерра, К., «Проблема барокко»
Есть	Кроче, Б., <i>Исследования по итальянской литературе семнадцатого века</i>	
Есть		Кроче, Б., <i>Новые исследования по итальянской литературе семнадцатого века</i>

Есть	Кроче, Б., <i>История эпохи барокко в Италии</i>	
Есть		Кроче, Б., <i>Поэты-маринисты Политики и моралисты семнадцатого века</i>
Есть	Кроче, Б., «Итальянские теоретики концептизма и Б. Грасиан»	
Есть	Кроче, Б., <i>Эстетика как наука выражения и общая лингвистика</i>	
Есть	Кроче, Ф., «Критические сочинения и трактаты барокко»	
Есть	Кроче, Ф., «Поэтики барокко в Италии»	
	Марцот, Дж., <i>Гений (ингений) и гений Семнадцатого века</i>	
Есть	Монтано, Р., «Эстетика Возрождения и барокко»	
	Морпурго-Тальябуэ, Дж., «Аристотелизм и барокко»	
	Прац, М., <i>Стиль семнадцатого века и маринизм в Англии</i>	
	Прац, М., <i>Исследования по концептизму</i>	
Есть	Флора, Ф., <i>История итальянской литературы</i>	
	Яннако, К., <i>Семнадцатый век</i>	

ТРУДЫ ПО ИТАЛЬЯНСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ТРАКТАТАМ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА,
 ПОДОБРАННЫЕ НА ОСНОВАНИИ ТРЕХ СТАТЕЙ ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ И СПРАВОЧНИКОВ
 («Большая Итальянская Энциклопедия», «Большая Философская Энциклопедия» Сансони-Галларате,
 «История итальянской литературы» Гарзанти)

Наличие в библиотеке	Труды, разыскивавшиеся в алфавитном каталоге	Труды тех же авторов, найденные по ходу дела в алфавитном каталоге
Есть	AAVV, <i>Исследования и проблемы критики текста</i>	
	Бетелл, С.Л., «Грасиан, Тезауро и природа остроты у метафизиков»	
	Бьондолилло, Ф., «Маттео Перегрини и стиль семнадцатого века»	
	Бьянки, Д., «Материалы по вопросу о <i>Подзорной трубе Аристотеля</i> »	
	Вазоли, Ч., «Гербы Тезауро»	
Есть		Вазоли, К., «Эстетика Гуманизма и Возрождения»
	Вольпе, Л., <i>Эстетические идеи кардинала Сфорца Паллавичино</i>	
	Костанцо, М., <i>От Скалигера до Квадрио</i>	
	Коуп, Дж., «Издание 1654 года трактата Эмануэле Тезауро <i>Подзорная труба Аристотеля</i> »	
	Магон, Д., <i>Исследования по искусству и теории искусства семнадцатого века</i>	
	Марокко, К., <i>Сфорца Паллавичино основоположник эстетики</i>	
	Маццео Дж А., «Поэзия метафизиков и поэтика соответствий»	

	Менапаче Бриска, Л., "L'argutae ingegnosa elocuzione"	
	Поцци, Дж., «Вводные замечания о стиле <i>Подзорной трубы</i> »	
Есть	Раймонди, Э., <i>Литература барокко</i>	
Есть		Раймонди, Э., <i>Трактатисты и прозаики семнадцатого века</i>
	Уливи, Ф., <i>Галерея историков искусства</i>	
Есть		Уливи, Ф., <i>Маньеризм Тассо</i>
	Хатцфельд, Х., «Аристотель в трех европейских культурах: Тезауро, Грасиан, Буало»	
Есть		Хатцфельд, Х., «Италия, Испания и Франция в развитии литературного барокко»
	Хокс, Г.Р., <i>Мир как лабиринт</i>	
Есть		Хоке, Г.Р., <i>Маньеризм в литературе</i> (в переводе на итальянский)
Есть	ШлоссерМаньино, Дж., <i>Художественная литература</i>	

Подытожим: я проработал одну статью из «Большой Итальянской» и одну статью из «Философской энциклопедии» плюс главу из «Истории итальянской литературы», выписывая только то, что относилось к трактатам итальянского барокко. Таблицы № 3 и 4 отражают собранную мной библиографию. (ВНИМАНИЕ! В таблицах я привел только названия и авторов с инициалом имени. Но на самом деле каждому заглавию соответствует поставленная в мою коробочку, заполненная или недозаполненная, но отдельная карточка с полным именем ученого, городом, издательством и всемирными выходными данными издания).

Помета «есть» стоит перед теми единицами, которые есть в наличии в алфавитном каталоге библиотеки Алессандрии. К первоначальному перечню, выписанному из энциклопедии, мы добавили ряд карточек, выписанных из алфавитного каталога.

Как легко видеть, из тридцати восьми единиц списка в хранении есть двадцать пять. Это почти семьдесят процентов. Правда, учтены и заглавия, которые прежде не упоминались, но будучи трудами упоминавшихся авторов и будучи посвященными той же тематике, они обнаруживаются рядом с требуемой карточкой (или вместо требуемой карточки) в каталожном ящике и оттуда поступают в мою коробку.

Как говорилось, отбор единиц библиографии проводился по принципу: только то, что имеет отношение к трактатам. Я не учитывал работ, посвященных другим видам критики, и потому не выписал, скажем, к примеру, «Идею» Панофского, а между тем по другим источникам будет очевидно, что эта книга небезразлична для теоретической постановки моего вопроса.

Позже, когда я обращусь к другой статье того же Франко Кроче — к разделу «Барочные поэтики в Италии» тома AAVV, «Моменты и проблемы истории эстетики», — я обнаружу на соседних страницах главу в три раза более длинную, написанную Лучано Анчески, о поэтиках европейского барокко. Франко Кроче в той первоначальной главе, из которой я вытащил большую часть библиографии, не процитировал эту работу Анчески, потому что в тот момент Франко Кроче был занят только литературой Ита-

лии. Из чего видно, каким образом, восходя от ссылки к развернутому тексту, а от текста к другим ссылкам, можно нескончаемо продвигаться. Вот, вы наблюдаете, как, начав всего только с порядочной истории итальянской литературы, мы уже почти достигли недурного результата.

Заглянем теперь в другую историю итальянской литературы, в старый добрый учебник Франческо Флоры. Флора не слишком любит теоретические темы, его больше влекут яркие подробности, однако в томе содержится целая глава о Тезауро, с презабавнейшими цитатами, и много других интересных отрывков к вопросу о технике метафоры в семнадцатом веке. Что до библиографии, невозможно ожидать чего-то необыкновенного от суммарной истории, завершенной в 1940 году. Вижу, что повторяются классические отсылки, уже мной полученные из других мест. Появляется новое имя, Эухенио Д'Орс. Надо поискать его. Кстати о Тезауро, вижу ссылки на Трабальца, Валлаури, Дервье, Вильяни. Выписываю.

Выписываю новый том общего содержания: AAVV, «Моменты и проблемы истории эстетики». Беру его в руки и вижу, что издательство — «Мардзорати» (дополняю карточку, так как у Кроче значилось только «Милан»).

В этом томе, как уже говорилось выше, есть статья Франко Кроче о поэтиках литературного барокко в Италии. В ней повторяется то же, что было в главе, проштудированной мною («Критика и трактаты барокко»), только нынешний текст готовился к печати раньше, и потому его библиография не так богата. Однако чувствуется более теоретичный подход, что в принципе для меня ценно. Кроме того, здесь тема не ограничена, как в главе из истории «Гарзанти», одними авторами трактатов, а описываются самые разные литературные поэтики. И, например, достаточно подробно рассказывается о взглядах Габриелло Кьябреры. Кстати о взглядах Кьябреры, вижу снова, среди отсылок к работам коллег, упоминание Джованни Джетто, уже включенного ко мне в библиографию.

В томе «Марцорати», однако, рядом с главою Кроче я нахожу главу (по объему — почти что книгу) Лучано Анчески «Поэтики литературного барокко в Европе». Я вижу, что это исследование весьма солидно, в нем не только философски поставлена проблема разных подходов к термину «барокко», но и дано представление о том, каковы масштабы этой проблемы применительно ко всей Европе: Испании, Англии, Франции и Германии. Я снова вижу имена, на которые мимоходом ссылался Марио Прац в статье Большой Итальянской энциклопедии, и нахожу параллели с Бэконом, Лили, Сидни, Грасианом, Гонгорой, Опицем, с теорией остроты (wit) в Англии, с теорией остроумия (agudeza) в Испании. В моем дипломе вряд ли поместится панорама европейского барокко, но все эти сведения необходимы мне для фона.

Как бы то ни было, буду я читать все это или не буду, но в библиографический ящик эти работы должны попасть. Текст Лучано Анчески мне предлагает около 250 названий. Структура библиографического списка у Анчески такова: сначала в общей массе все, что предшествовало 1946 году, а потом отдельно по годам — работы с 1946-го по 1958-й.

Просмотрев первый подраздел, я убеждаюсь в правильности моей интуитивной ставки на Джетто и Хатцфельда, на сборник научных трудов «Риторика и барокко» (именно из библиографии Анчески я узнаю, что научный редактор тома «Риторика и барокко» — Энрико Кастелли). В тексте подчеркивается значимость работ Вельфлина, Бенедетто Кроче, Д'Орса.

Во втором подразделе нахожу океан библиографических отсылок, которые, скажу сразу, отнюдь не все я успел проверить в алфавитном каталоге, так как время мое ограничивалось тремя приходами по три часа. В любом случае я выписал работы многих иностранных ученых, чьи точки зрения весьма различны и которые для продолжения моей работы предстояло разыскивать: Курциуса, Уэллека, Хаузера, Тапье. Я опять увидел фамилию Хоке, отметил ссылку на «Возрождение и барокко» Эудженио Баттисти (связь с поэтиками других видов искусства), я снова убедился в важности сочинения Морпурго-Тальябуэ и взял на заметку сочи-

нение Делла Вольпе о возрожденческих комментаторах «Поэтики» Аристотеля.

Сосредоточившись на связи поэтик барокко с Возрождением, я не мог пройти мимо содержащейся в томе издательства Мардзорати, который я как раз держал в руках, длинной статьи Чезаре Вазоли по эстетике Гуманизма и Возрождения. Имя Вазоли уже встречалось мне в библиографии Франко Кроче. Из пролистанных мной энциклопедических статей по метафоре я уже уяснил, и запомнил как имеющий большое значение факт, что проблема метафоры ставилась в «Поэтике» и в «Риторике» Аристотеля. Теперь из работы Вазоли мне стало известно, что в шестнадцатом веке изобиловали комментаторы «Поэтики» и «Риторики». Мало этого: вижу, что среди этих авторов — комментаторов и авторов трактатов позднего Возрождения — были теоретики маньеризма, которые впервые поставили проблему гения (ингения) и проблему идеи, а обе эти проблемы как раз находятся в центре теоретической полемики периода барокко.

Читая, я особо отмечаю повторяющиеся цитаты и повторяющиеся имена ученых, такие, как имя Шлоссера.

Мой диплом, похоже, рискует раздуться до невозможности... Да нет, надо только очень точно сфокусировать первостепенный интерес и работать над конкретным, четко ограниченным вопросом, иначе чтение никогда не кончится; с другой стороны, нельзя обойтись и без широкой панорамы. Следовательно, многие тексты придется хотя бы бегло просмотреть, чтобы взять из них пускай вторичную, но важную информацию.

Крупномасштабная работа Анчески подсказывает мне, что надо бы заглянуть в другие сочинения автора на ту же тему. Из библиографии я выписываю «Идею барокко», но ее в библиотеке нет, вместо нее в каталоге я нахожу «От Бэкона к Канту» и статью «Вкус и гений у Бартоли».

Перехожу к работе Рокко Монтано «Эстетика Возрождения и барокко» в томе XI «Большой Философской антологии» издательства «Мардзорати»; том озаглавлен «Мыслители Возрождения и Реформации».

Мне сразу бросается в глаза, что это не просто статья, а антология выдержек, многие из которых являются основополагающими для проблемы моего диплома. И снова убеждаюсь, какое множество связей тянется от возрожденческих комментаторов «Поэтики» Аристотеля к эстетическим манифестам маньеризма и к трактатистике барокко. Выписываю важную библиографическую ссылку: оказывается, существует антология издательства «Латерца» в двух томах «Трактаты об искусстве от маньеризма до Контрреформации». Ищу это название в каталоге библиотеки и выуживаю карточку на другую антологию того же издательства «Латерца», под названием «Трактаты семнадцатого века по поэтике и риторике». Не зная, обязательно ли мне придется обращаться к цитации первоисточников по этой теме, выписываю данные на антологию. Теперь я знаю, что имеется этот вторичный источник.

Снова лезу в Монтано за библиографическими отсылками и чувствую, что придется заняться плотной сверкой примечаний с моим списком, так как выходные данные цитируемых работ разбросаны у Монтано по всем страницам. Многие имена и библиографические описания попадались и раньше. Начинаю понимать, что не обойдусь без классических историй эстетики, таких, как Босанке, Сентсбери, Джилберт и Кун. Вижу также, что для знакомства с испанской культурой барокко в моем распоряжении громадная «История эстетических учений в Испании» Марселино Менендеса-и-Пелайо.

На всякий случай выписываю имена итальянских литераторов, комментировавших «Поэтику» Аристотеля в шестнадцатом веке: Робортелло, Кастельветро, Скалигер, Сеньи, Кавальканти, Маджи, Варки, Веттори, Сперони, Минтурно, Пикюломини, Джиральди Чинцио и другие. Смотрю и вижу, что некоторые из их комментариев опубликованы выдержками у того же Монтано, другие — у Делла Вольпе, а также в антологиях издательства «Латерца».

Снова меня отослали к периоду маньеризма. Неотвратимо назревает знакомство с работами Морпурго-Гальябуэ и с «Идеей» Панофского. Еще я задаюсь вопросом, не следует ли вдобавок изучить трактатистов маньеризма, Серлио, Дольче, Дзуккари,

Ломаццо, Вазари. Но ведь они утянут меня в изобразительное искусство и в архитектуру. А я должен ограничиваться историко-литературным аспектом вопроса, следовательно — читать книги Вельфлина, Панофского, Шлоссера, наконец, недавно изданную монографию Баттисти.

Отмечаю на карточках отсылки к другим литературам: Сидни, Шекспир, Сервантес...

Вижу, что основные цитируемые работы принадлежат Курциусу, Шлоссеру, Хаузеру, из итальянцев наиболее часто приводятся труды Калькатерры, Джетто, Анчески, Праца, Уливи, Марцота, Раймонди. Круг замыкается. Вот имена, которые повторяются постоянно.

Чтобы перевести дух, иду в алфавитный каталог. Вижу, что знаменитая книга Курциуса об европейской литературе и латиноязычном средневековье на немецком языке отсутствует, но есть во французском переводе. «Художественная литература» Шлоссера, как мы уже видели, есть. Пока я ищу «Социальную историю искусства» Арнольда Хаузера (ее нет: удивительно, но факт, хотя книга до того известная, что выходила даже в карманной серии), я обнаруживаю, под разделителем того же Хаузера, в итальянском переводе монументальное сочинение «Маньеризм», а также нахожу шифр «Идеи» Панофского и выписываю его.

Вижу работу Делла Вольпе «Поэтика шестнадцатого века». Выписываю «Стиль семнадцатого века в критике» Сантанджело и статью «Возрождение, аристотелизм и барокко» Дзонты. Нахожу под именем Хельмута Хатцфельда данные о сборнике, очень важном со многих точек зрения: «Стилистическая критика и литературное барокко», доклады на II Международном конгрессе по итальянистике, Флоренция, 1957.

Увы, отсутствуют работы, по отзывам меня интересующие: книга Кармине Яннако, том «Семнадцатое столетие» из серии истории литературы издательства «Валларди», книги Праца, исследования Руссе и Тапье, уже цитировавшийся том «Риторика и барокко» со статьей Морпурго-Гальябуэ, произведения Эухенио

Д'Орса, Менендеса-и-Пелайо. Короче говоря, библиотека Алесандрини — это не Александрийская библиотека. И не библиотека Конгресса в Вашингтоне и даже не миланская университетская, но все же тридцать пять названий мне уже обеспечены, а для начала этого вполне достаточно.

И поиск этим не исчерпывается.

Иногда одна, только одна удачная находка может решить ряд проблем. Проведя свою сверку в алфавитном каталоге, я пришел к выводу, что не вредно бы полистать (поскольку ссылки на эту работу встречаются очень часто, там может быть много ценнейших сведений) статью «Полемика о барокко» Джованни Джетто, в сборнике «Итальянская литература — направления», том 1, Милан, Мардзорати, 1956. Беру в руки и вижу, что в исследовании не менее ста страниц и что оно имеет огромное значение. В нем описан ход дискуссии о барокко от самых тех (барочных) времен и до наших дней. Я вижу также, что по поводу стиля барокко высказались все на свете, то есть Гравина, Муратори, Тирабоски, Беттинелли, Баретти, Альфиери, Чезаротти, Канту, Джоберти, Де Санктис, Мандзони, Мадзини, Леопарди, Кардуччи, вплоть до Курцио Малапарте и до тех критиков, которые уже занесены в мой список. Переходя от одного к другому, Джованни Джетто включает в свой текст большие отрывки, по которым нетрудно восстановить взгляды различных авторов.

Была бы темой моего диплома история полемики о стиле барокко, не обойтись без чтения всех этих сочинений. Но если я работаю только над текстами той эпохи, или только над отзывами современников, никто не требует от меня сворачивания подобной горы работы — которая, кстати, была уже сворочена, и весьма успешно. Если только я не замышляю исследование высочайшего научного полета, не придумываю себе научный подвиг на много лет, с единственной целью — показать, что у Джетто чего-то не хватает и проблемы им поставлены неверно... но обычно для подобных амбиций требуется более солидная подготовка.

Следовательно, мне надо лишь взять из обзорной работы Джетто как можно больше информации обо всем, что, не являясь не-

посредственным предметом моего разбора, хоть как-то должно отразиться в нем. Такого рода источники, как статья Джетто, обычно дают материал для целого множества карточек-конспектов. Я сделаю конспект на Муратори, конспект на Чезаротти, конспект на Леопарди и далее в подобном духе, тщательно отмечая, где и что они сказали о барокко, и выписывая на карточки те суждения, которыми сопровождается цитаты Джованни Джетто (естественно, не забывая брать в кавычки и указывать, откуда что взято). Когда я стану вписывать эти фразы в текст диплома, то, учитывая, что речь идет о вторичном источнике, буду указывать в примечаниях «цитируется по Джетто», и не только из правдолюбия, но и из расчета: если какая-то цитата неверна, грех падет не на меня. Я-то предупреждаю, что взял ее у ученого-предшественника. Я не прикидываюсь, будто прочитал три сотни книг, так что совесть моя спокойна.

Идеальный вариант — взяв идею цитаты из предшественника, проверять по первоисточникам каждый текстовый кусок, который вы приводите в своем дипломе. Но не забудем: мы здесь моделируем исследование, не потребовавшее слишком много времени и средств.

Есть, однако, категория книг, которые цитировать *не напрямую* нельзя. Это те самые сочинения, по которым пишется диплом. Значит, надо мне искать трактаты барокко. Как уже говорилось в разделе III.2.2., каждая тема имеет свой основной первоисточник. Я не могу писать диплом по трактатам, не прочитав эти трактаты. Я могу не читать маньеристов пятнадцатого века, занятых изобразительным искусством, могу изучить их по пересказам, они не в фокусе моего разбора, но Тезауро я обязан прочитать в оригинале.

А тем временем, сознавая, что мне предстоит так или иначе познакомиться с Аристотелем («Риторика» и «Поэтика»), заглядываю в это место каталога. И прихожу в изумление, видя не менее пятнадцати старинных (с 1515 по 1837 гг.) изданий «Риторики»: издание с комментарием Эрмолао Барбаро, издание в переводе

Бернардо Сеньи, с парафразами Аверроэса и Пикколомини. Тут же английское издание «Лоэб» с параллельным греческим текстом. Нет итальянского издания «Латерца». Что до «Поэтики», то и она имеется в разных изданиях, с комментариями Кастельветро и Робортелли, есть издание «Лоэб» с греческим текстом и два современных издания на итальянском, одно в переводе Ростаньи, другое в переводе Вальджимильи. Вот это выбор. Впору задуматься: не сделать ли диплом по возрожденческим комментариям «Поэтики»... Однако эксперимент требует последовательности.

Из перелистанных мною текстов я уловил: есть несколько барочных литераторов, в высшей степени подходящих для параллелей. Это Милициа, Муратори, Фракастори. Проверяю каталог моей городской библиотеки. Все они есть, и даже в старопечатных изданиях.

Пора уже брать быка за рога. Как обстоят дела с трактатами эпохи барокко? Прежде всего, есть антология издательства «Ричарди» «Трактатисты и прозаики семнадцатого века», составленная Эцио Раймонди, где сто страниц из «Подзорной трубы Аристотеля», шестьдесят страниц Перегрини и шестьдесят — Сфорца Паллавичино. Если бы мне был нужен не диплом, а курсовая, этих кусков было бы довольно за глаза.

Но в данном случае мне интересны полные публикации текстов, а среди текстов особенно: Эмануэле Тезауро — «Подзорная труба Аристотеля»; Никола Перегрини — «Об остротах» и «Источники Гения, сведенные искусно»; кардинал Сфорца Паллавичино, «О Благе» и «Трактат о стиле и диалоге».

Алфавитный каталог, старая половина: вижу две «Подзорные трубы», 1670 и 1685 годов. Очень жаль, что нет первого издания, 1654. Я ведь успел где-то прочесть, что каждое издание содержало какие-то добавки. Сфорца Паллавичино: есть полное собрание сочинений прошлого века. Перегрини нет вообще, и это неудача. Но утешаю себя мыслями, что довольно большой кусок его можно прочесть в антологии Раймонди.

Существует еще Агостино Маскарди. Как-то мельком о нем и о его трактате «Историческое искусство» (1636) я встречал упо-

минания в научной литературе. В трактате, похоже, много идей, хотя он не включается в рекомендуемые списки главных трактатов эпохи барокко. В нашей городской библиотеке имеется пять его изданий: три датированы семнадцатым, два — девятнадцатым веком. Может, заняться Маскарди как основным автором? Вопрос совершенно серьезный. Кто не может далеко уезжать, должен брать тему, материал по которой у него под боком.

Один преподаватель философии мне сказал, что написал книгу о некоем немецком философе только потому, что на его кафедру закупили новенькое полное академическое собрание сочинений этого самого. А вообще ему хотелось заняться совсем другим философом. Вот проявление если не самой пылкой научной страсти, то хотя бы — серьезного подхода к науке.

Ну, подведем итоги. Чего я достиг в Александрии? Составил библиографию, которая, прикинем на глазок, включила в себя около трех сотен единиц: все найденные мной отсылки и данные. Потом я сверил ее по каталогу и из трехсот позиций нашел порядка тридцати, и плюс к тому издания первоисточников двоих из интересующих меня авторов: Тезауро и Сфорца Паллавичино. Недурно для провинциального городишки. Но достаточно ли этого для университетской комиссии?

Ответ простой. Для того чтобы сделать весь диплом за три месяца, то есть цитируя лишь по вторичным источникам, — найденных книг достаточно. Те книги, которые не найдены, будут процитированы по имеющимся. Если умело слепить, стыки в глаза не бросятся. Получится пусть не оригинально, но вполне корректно. Беда начнется, когда дойдет до библиографии. Ведь если в нее ставить только то, что действительно было прочитано за три месяца, оппонент обязательно помянет какой-нибудь основополагающий труд, в дипломе не оприходованный. А блефовать, как я уже выше предупредил вас, и неэтично и небезопасно.

Но все же хоть одно можно заявить с уверенностью: в этой библиотеке есть шанс спокойно прозаниматься первые три месяца, сидя в читальном зале, а что-то унося на дом. Вам, конечно, известно, что справочники и редкие издания на дом не выдаются,

и не выдаются журналы (но в журналах нужны, как правило, статьи, а статьи можно ксерокопировать).

Запланируем два-три интенсивных налета на хорошую университетскую библиотеку, то есть две-три недельных поездки. Но сначала, с сентября по декабрь, спокойно поработаем на месте, бомбя по квадратам. Прочтем целиком трактаты Тезауро и Сфорца. Более того, подумаем, не стоит ли сузить поле до кого-то одного из этой пары, а к прочим пунктам библиографии отнестись исключительно как к декорациям фона. Книги, которые хотя бы раз увидеть надо, будут просмотрены наездом в Турин или в Геную. Если повезет — управимся довольно быстро. Хорошо, что материал темы — итальянский: можно не терзаться, что не доехали, скажем, до Великобритании или до Парижа.

В любом случае, окончательный выбор мучителен. Самое лучшее, наверно, — это, собрав всю библиографию, нанести визит профессору и показать ему свой ящик. Пусть профессор посоветует, как лучше ограничить поле деятельности, и укажет, какие из этих книг являются самыми существенными. И тогда уж, если этих самых существенных не окажется в Алессандрии, пошлем запрос в другие библиотеки. За один день в университетском центре можно проверить по каталогу все, что надо, и заполнить требования. Что до статей из периодики, закажем ксероксы...

Теоретически не исключено и иное решение. Подрукой у меня тексты двух самых главных авторов и достаточное число литературы о них. Достаточное для изучения этих двух, но недостаточное, чтоб заявить нечто новое в историческом или филологическом плане (вот будь тут первоиздание Тезауро, можно было бы сделать диплом по трем прижизненным публикациям произведения). Значит, придется купить домой несколько (четыре-пять, не больше) книг по *современной* теории метафоры. Лично я бы посоветовал: «Очерки по общей лингвистике» Якобсона, «Общую риторику» льежской Группы Мю, «Метонимию и метафору» Альбера Анри. По ним вполне можно представить себе структуралистскую теорию метафоры. И все эти книги есть в свободной продаже, стоят недорого (в бумажных переплетках), переведены на большинство языков.

Взять и сопоставить современную теорию метафоры с барочной. Для подобной работы, имея Аристотеля, Тезауро и штук тридцать работ по Тезауро, три книги по современной лингвистике, вы имеете полную возможность написать диплом изящный, с элементами оригинальности, хотя без всякой претензии на филологические открытия (но с претензией на точность в том, что касается барокко). И все это не отрываясь от своей Алессандрии, разве что с недельным выездом в Турин или в Геную за двумя-тремя важнейшими книгами, которых в Алессандрии не было.

Разумеется, может случиться всякое. А вдруг вы так войдете во вкус, что пожелаете посвятить не один, а целых три года изучению барокко, пойдете в аспирантуру, займетесь этим в полное удовольствие? Надеюсь, вы не ждете от меня советов ни что вам писать в дипломе, ни как вам строить вашу жизнь.

Мне лишь хотелось показать вам, как можно пойти в провинциальную библиотеку безо всякого понятия о теме, проработать три неполных дня и в конце работы иметь достаточно ясное представление о том, что делать дальше. Так что не надо жаловаться: «Я живу в глуши, книг купить не на что, не знаю, с чего начать, и никто мне не помогает».

Разумеется, темы надо подбирать с таким расчетом, чтоб подобные замыслы удавались. Допустим, пришлось бы вам в голову писать диплом по логике вероятных миров у Крипке и Хинтикки. Чтобы проиграть этот сценарий, достаточно двух часов на эксперимент. В предметном каталоге на «Логикку» стояло пятнадцать известнейших трудов по формальной логике (Тарский, Лукасевич, Куайн, учебники, монографии Казари, Витгенштейн, Стросон и прочие). Но, как и следовало ожидать, не было ничего по новым течениям — модальной логике. Материал такого рода рассеян по сверхспециализированным изданиям и часто даже библиотеки кафедр философии им недостаточно укомплектованы.

Но, с другой стороны, подобную тему никто и не берет на последнем году учебы, не зная ничего о предмете и не имея в

собственном пользовании основные тексты. Я не говорю, что подобная тема по плечу только студентам из обеспеченной прослойки. Один студент крайне скромного достатка писал диплом по подобному вопросу, живя на хлебах в монастырском пансионе и почти не покупая книг. Конечно, даже и это не все могли бы себе позволить. Не каждому доступен такой выбор: не работать, не приносить денег в семью, жить хотя и скромно, но посвящая все свое время занятиям.

Вообще я думаю, что не бывает специфических «тем для богатых». Я уверен, что даже на тему «Некоторые тенденции изменения фасона купальных костюмов на пляжах Канарских и Балеарских островов в золотой сезон за последние годы» умеючи можно отыскать спонсора, который даст вам грант и финансирует вашу командировку для сбора экспериментальных данных. Но это умеючи. Большинство же студентов действует в реальных непростых условиях, вот я и показываю, как можно сварить неплохой супчик ну не совсем из топора, но все же и без лангустов и артишоков.

III.2.5. А книги-то все-таки надо читать? И в каком порядке?

Глава о каталожных разысканиях и образец исследования *ab ovo*, который я воспроизвел выше, могут создать впечатление, что работа над дипломом состоит из подбора огромной кучи книг.

Но ведь диплом создается не только о книгах и из книг? Ну да, мы с вами видели выше, что пишутся дипломы и об опытах, и по опросным данным, и по наблюдениям, ну предположим, в течение полутора лет за перемещениями пары мышей в одном лабиринте. Относительно дипломов подобного характера я не могу вам дать очень точных советов, потому что подход зависит от специфики дисциплины, и тот, кто занимается подобными вещами, уже состоит при какой-то лаборатории и встречается с коллегами и не нуждается в моих подсказках. Единственное, что мне ясно, и что я уже говорил, это что любой эксперимент должен быть введен в контекст проблем, обсуждающихся в научной литературе, а значит, и при экспериментальном исследовании от книг вам никуда не уйти.

Это распространяется и на дипломы по социологии, черпающие материал из реальной жизни. Книги и для них нужны, как минимум чтоб иметь представление, как делались аналогичные исследования. Есть дипломы по газетным, по неформальным, по коллекционным материалам, но и они невозможны в отрыве от научной литературы.

И наконец, есть дипломы, в которых книги и только книги. Таковы работы по словесности, философии, истории науки, по религиоведению или формальной логике. Этих дипломов, особенно на гуманитарных факультетах, преобладающее большинство. Особенно в Европе. У американцев, скажем, антропологов культуры, индейцы прямо под боком, или какой-нибудь фонд готов их заслать куда-нибудь в Конго, а европейский студент должен утешаться разборами теорий Франца Боаса.

Разумеется, и в Европе есть приличные работы по этнологии на материале быта и культуры собственных стран, но и тут, как вы уже догадываетесь, библиотека имеет базовое значение: как продвигаться, не обращаясь к классическим собраниям и справочникам по фольклору?

В данном пособии по вполне естественным причинам внимание сосредоточено на том громадном большинстве дипломов, для которых предметом выступают книги и орудием — тоже книги. То есть книги, как вы сами понимаете, подразделяются на два разряда. Во-первых, книги, о которых пишут, и во вторых, книги, с помощью которых пишут. Другими словами: предмет работы и литература по предмету, то есть в нашем примере — трактаты барокко и книги о трактатах барокко, или еще другими словами — тексты и критическая литература.

Поэтому главный вопрос этого раздела следует переформулировать более конкретно. К чему обратиться первым делом — к текстам? Или к критической литературе? Вопрос может показаться вам досужим: а) потому что каждый случай непохож на остальные; некоторые студенты прекрасно знают свои тексты и как раз потому решают писать по ним дипломы, а другие, наоборот, желают таким путем приобщиться к пониманию какого-то

трудночитаемого, пугающего текста; б) потому что вы в порочном круге, так как трудночитаемый текст непроходим без критического объяснения, и в то же время критическая литература для тех, кто не знает особенностей текста, оказывается непонятной.

Но вопрос все-таки не вполне бессмыслен, потому что студенты действительно не знают, что им делать, и мы им все же скажем. Например, тому гипотетическому дипломнику, который будет работать над барочными трактатами: сперва он должен читать Тезауро или пусть прежде накачает филологические мускулы, проработав Джетто, Анчески, Раймонди и компанию?

Самый разумный подход, с моей точки зрения, следующий. Надо взять сперва два-три наиболее общих исследования, просто чтоб получить представление, на каком фоне все разворачивается. Потом читать непосредственно исследуемого автора, с попыткой понять, о чем он там толкует. Потом — опять за критику. И снова перечитывайте главный текст, теперь уже с учетом накопленного знания.

Совет, я сознаю, весьма абстрактный. Ведь есть еще и волны интереса, и ритмы подспудных тяг и желаний, и не доказано, что беспорядочное питание так уж нездорово. Можете прыгать хоть вправо, хоть влево, ставить себе целью одно, а получать в результате другое. Пусть только частая сетка ваших выписок, по возможности сделанных на конспект-карточках, увяжет следы этих метаний в стройную систему. Надо учитывать, в частности, и психологию. Есть ученые одностаночные и многостаночные. Одностаночные работают нормально только если им позволяют заняться чем-то, начать и кончить. Они не могут читать, когда играет музыка, не могут бросить одну книжку и начать читать следующую, они бывают не в состоянии ответить на простой вопрос, если в это время бреются или красят ресницы.

Многостаночные работают нормально только если занимаются всем сразу, а если надо делать вещи по одной, от скуки заболевают. Одностаночные методичнее, но бывают занудны. Многостаночные гениальнее, но часто суматошны и непостоянны. Посмотрите биографии великих людей. Процент одностаночников и многостаночников: фифти-фифти.

IV. ПЛАН РАБОТЫ, РАЗМЕТКА И КОНСПЕКТИРОВАНИЕ

IV.1. Содержание, оно же рабочая гипотеза

Почти что в первую очередь, *начиная* дипломную работу, вы должны написать: 1) заглавие, 2) введение и 3) содержание, значит — первый и последний листы, то есть те самые, которые сочинители всегда оставляют *под конец*. Сей совет звучит парадоксально. Как, начинать с последнего листа? Но кто сказал, что содержание обязательно надо писать под занавес! Есть книги, где содержание в начале, так что читатель сразу получает представление о том, что его ожидает. Другими словами, разработать содержание-гипотезу полезно, чтобы с самого начала ограничить поле деятельности.

На это возразят, что по мере того, как работа продвигается, гипотеза-содержание будет изменяться по многу раз, и может быть, приобретет совсем иную конфигурацию. Несомненно! Но вы успешнее ее отработаете, если вам будет что перерабатывать.

Вообразите, что вы собрались пропутешествовать на машине тысячу километров и времени у вас на то неделя. Даже если вы в отпуске, не станете же вы отправляться из дому в любую произвольную сторону. Вы наметите приблизительный план. Допустим, по скоростному шоссе Милан - Неаполь («Автострада Солнца») вы поедете на юг с ночевками во Флоренции, Сиене, Ареццо, более длительным привалом в Риме и заездом в Монтекассино. Конечно, может получиться, что когда вы попадете в Ареццо, вам заблагорассудится свернуть на Урбино, Перуджу, Асизи, Губбио. Это будет означать, что по каким-то серьезным соображениям вы изменили маршрут на полупути. Но чтоб изменить, вам нужно было иметь что менять, то есть иметь маршрут.

То же самое — ваша дипломная работа. Наметьте себе *рабочий план*. Этому плану надо придать форму *справочного указателя*. Самое лучшее, если указатель будет по своему существу *содержанием*, то есть под названием каждой главы будет написано короткое резюме.

Двигаясь этой дорогой, вы легче и лучше проясните для себя, что же намерены делать. Вдобавок выстроится членораздельный проспект для показа научному руководителю. И к тому же вы сами поймете, насколько ясны ваши идеи. Некоторые идеи кажутся убедительными, пока они в голове, но как только начнешь писать, всё расплывается под руками. Можно иметь ясное представление о том, с чего начать и на чем закончить, и тем не менее оказывается, что неизвестно, как прийти от этого начала к этому концу и что должно стоять посередине. Дипломная работа, как шахматная партия, состоит из множества ходов, однако вы должны предвидеть главные ходы и комбинации, ведущие к шаху и мату, иначе шах и мат будут объявлены не вами, а вам.

Грубо говоря, рабочий план состоит из *заглавия, введения и содержания*. Удачное заглавие содержит в себе всю концепцию. Речь идет вовсе не о том заглавии, которое депонируется в деканат за много месяцев до защиты и которое почти всегда так общо, что оставляет бесконечный простор для переделок. Я имею в виду то «истинное» заглавие диплома, которое обычно оказывается в подзаголовке. У диплома может быть «общее» название «Покушение на Пальмиро Тольятти в отражении радиохроники», но истинная тема (и соответственно подзаголовок) будут читаться так: «Сравнительно-содержательный анализ радиопрограмм, нацеленный на выявление скрытой тенденции при освещении средствами радиовещания победы Джино Бартали в велогонке «Тур де Франс» в целях отвлечения общественного мнения от крупного политического события». Это значит, что обрисовав сферу интереса, в ней выделили некий конкретный сектор. В нем и сосредоточена проблема работы, то есть: как освещали радиостанции победу велогонщика Джино Бартали, поминутно стараясь отвлечь внимание публики от покушения на Тольятти? И как можно выя-

вить это подспудное намерение, исследуя содержание радиопередач? Так заголовок укрупняется до проблемы и формирует собою стержень рабочего плана.

После того как будет сформулирована проблема, распланируем работу по этапам. Каждому этапу будет соответствовать глава. Например:

1. Обзор литературы по вопросу
2. Хроника исторических фактов
3. Дайджест радиопередач
4. Сравнение количественных данных по радио сводкам и график их выхода в эфир
5. Сравнение содержания радиосводок
6. Выводы

Конечно, план работы может строиться и по-другому:

1. Хроника событий по различным источникам информации
2. Дайджест радиосводок с момента покушения до момента победы Бартали
3. Дайджест радиосводок с момента победы Бартали и в три следующих дня
4. Сравнение количественных данных двух групп сводок
5. Сравнение содержания двух групп сводок
6. Социополитическая оценка

Крайне желательно, чтобы ваш проспект, как я уже советовал выше, был гораздо подробнее краткой схемки. Если хотите, разлините чернилами двойной лист тетради и вписывайте туда карандашом сколько угодно подпунктов, стирайте резинкой и пишите новые, меняйте пункты и подпункты в соответствии с развитием вашей мысли.

Другая форма указателя-гипотезы — разветвляющийся план.

1. Описание событий
2. Радиосводки ————— { С покушения до победы Бартали
3. И так далее { От победы Бартали и позже

Разветвлять такую структуру вы можете сколько угодно.

В сущности, указатель — проблемный план должен строиться по такому рецепту:

1. Постановка проблемы
2. Опыт предшественников
3. Наша гипотеза
4. Данные, которыми мы располагаем
5. Анализ этих данных
6. Доказательство гипотезы
7. Выводы. Перспективы продолжения данного исследования

Третьей фазой работы над дипломом является предисловие. Предисловие — это, в сущности, развитие пунктов содержания. «В данной работе мы намереваемся доказать такую-то гипотезу. Предыдущие исследователи оставили нерешенными такие-то и такие проблемы, и собранные факты на данный момент не представляются достаточными. В первой главе попытаемся ответить на такой-то вопрос; во второй — достичь такого-то результата. В заключении подчеркнем, что нами обнаружено то-то и се-то. Следует оговорить, что наше исследование проводится в таких-то четко очерченных рамках, а именно отсюда и досюда, оттоле и доселе. В означенных пределах будет применяться методология, которая заключается вот в чем...»

Функция этого псевдопредисловия («псевдо» по понятной причине: оно будет тысячу раз переделано, прежде чем завершится ваш диплом) состоит в том, что оно помогает выстроить рабочие идеи в цепочку, и цепочка эта уже меняться не может, а если будет меняться, то лишь ценой сознательной перетасовки пунктов плана. Это поможет вам сдерживать тягу к отступлениям и укрощать случайные импульсы.

Предисловие нужно, в частности, и чтоб донести до научного руководителя, *что же вы собираетесь делать.*

Главная же функция предисловия — проверить, *в состоянии ли вы излагать идеи.* Учение в школе, выпускные школьные и вступительные университетские экзамены обычно проходят на фоне бесконечного писания сочинений. После этого за четыре,

пять, шесть лет учебы, когда, как водится, от студента ровно ничего писать не требовалось¹, атрофируются все приобретенные в школе навыки, и к моменту диплома выпускник подходит совершенно растренированным. Обнаружить это — довольно сильный шок. Лучше не дотягивайте до крайности. Начинайте писать как можно раньше, то есть пробуйте внятно сформулировать собственные научные гипотезы.

Внимательно отнеситесь к этому этапу, потому что пока вы не сочинили содержание и введение, вы не можете быть уверены, что это и есть *ваш* диплом. Если введение никак не получается, значит, нету вас четкого понимания, с чего следует начинать. А если вы знаете, как начать, значит, вы хоть приблизительно предполагаете, чем закончить. Из этого предположительного материала вам и предстоит выстроить свое предисловие, которое будет чем-то вроде рецензии на воображаемую работу. Не бойтесь загадывать наперед. У вас будет время отступить.

Понятно, что и введение и содержание будут неоднократно переписаны. Это заложено в программу. Окончательное введение и окончательное содержание (те, которые войдут в переплетенный текст диплома) не могут и не должны быть тождественны вашим первым наброскам. Будь они тождественны, это бы означало, что за время работы у вас не родилось ни единой новой идеи. Вы завидно цельная личность, но работа над исследованием оказалась бесполезной.

Чем будет отличаться первая редакция введения от окончательной? Тем, что в окончательной вы будете обещать гораздо меньше, нежели в первой. Назначение окончательного введения — помочь

¹ Не везде одинаково. В США, например, вместо устного экзамена по окончании любого курса по любой дисциплине студент предоставляет десяти-двадцатистраничную «курсовую» — papers. Устно-начетническая форма экзамена отнюдь не является оптимальной и единственно верной, и во многих университетских системах преподаватели сами решают, как оценивать уровень усвоения студентами знаний.

читающему вникнуть в ваш диплом. Ни в коем случае не сулите того, чего в дипломе не окажется. Назначение высококачественного окончательного введения — сообщить оппоненту столько, чтобы он удовлетворился и не стал читать сам диплом... Но оставим шутки. Конечно, грамотное введение в опубликованной книге должно содержать достаточно материала для рецензента, чтобы он отозвался о книге именно так, как это желательно автору. Но с дипломом дело иное. Вообразите, если оппонент (или кто там за него) все-таки прочитает полный текст работы и обнаружит, что в ней не содержится тех результатов, которые вы наобещали во введении. Нет, необходима максимальная осторожность. Пусть во введении провозвещается ровно столько, сколько ваш диплом действительно в состоянии предложить.

Введение нужно еще и для того, чтобы было ясно, что помещается в фокусе вашего диплома и что — на периферии. Разграничивать эти вещи крайне важно, и не только для чистоты метода. С вас строже спросится за все то, что вы сами обозначили как суть, и гораздо менее строго — за второстепенности. Если ваш предмет — «Наполеон в России. Роль партизанских формирований в поражении французской армии», вам простят какие-то лакуны в знании Тильзита и Аустерлица, но уж Бородино, извините, с вас потребуют во всех подробностях, а что касается партизанских вожаков, извольте помнить о каждом — имя, фамилию, кличку и год рождения.

Чтобы решить, где же центр (фокус) вашей работы, вы должны как-то понять, каким материалом располагаете. Вот почему «подлинное» наименование вкупе с псевдопредисловием и с гипотетическим содержанием должны создаваться *почти что* в первую очередь, но все-таки не в первую очередь.

В первую очередь проводится библиографическая разведка (как мы видим из раздела П.2.4., с ней можно справиться за неделю и не выезжая из маленького города). Возвращаясь к примеру с библиотеккой Александрии: за три дня работы было собрано материала достаточно, чтобы набросать вполне пристойное содержание.

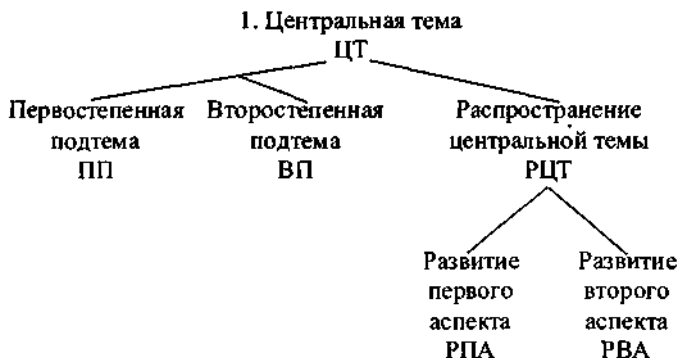
Какой логикой руководствоваться, составляя содержание-гипотезу? Характер логики зависит от характера диплома. В исторических работах имеет смысл основываться или на хронологии (например: «История преследований вальденцев в Италии»), или на причинно-следственных связях («Корни арабо-израильского конфликта»); или можно организовывать материал по пространственному принципу («Распространение метода прямых продаж в книготорговле провинции Канавезе»), а также по сравнительно-сопоставительному («Национализм и популизм в итальянской культуре периода Первой мировой войны»).

Делая диплом на основании экспериментов, применяйте индукцию: от описания опыта к выведению теории. В работе по математической логике, напротив, потребуются дедукция: сначала предлагается теория, потом она рассматривается в применении к конкретным случаям. Я склонен думать, что удовлетворительную рабочую программу можно построить, переняв для себя методику одной из критических работ по данному вопросу, входящей в вашу библиографию. Внимательно проанализируйте свою научную литературу и решите, какая структура исследования лучше соответствует специфике проблемы, заявленной в качестве «подлинного» сюжета вашего исследования.

В содержании ваша работа должна логически подразделяться на главы и параграфы, пункты и подпункты. Подробнее о технике членения см. VI.2.4 и VI.4. Старый добрый метод попарного сопоставления позволит вам дописывать подпункты, не нарушая форму плана. Например, костяк плана может иметь такую форму:

1. Центральная тема
 - 1.1. Первостепенная подтема
 - 1.2. Второстепенная подтема
 2. Распространение центральной темы
 - 2.1. Развитие первого аспекта
 - 2.2. Развитие второго аспекта
- и т.д.,

или разветвляться по модели дерева:

Когда будет готов этот ваш план-указатель-рабочая гипотеза, любое ваше чтение и любой подбор документов будут соотноситься с конкретным пунктом плана. Буквенные шифры, вписанные во все клетки, послужат для пометок на конспект-картах (подробнее см. раздел IV.2.1). Разумеется, рядом с буквенной или вместо буквенной вы можете применять цифровую или цветовую индикацию.

Это вам облегчит и внутритекстовые отсылки. Что такое внутритекстовые связи, вы можете видеть на примере данного пособия. Часто речь идет о предметах, которые уже описывались в предыдущих разделах или будут описаны в последующих. Давая ссылку на разделы и параграфы, удастся избежать ненужных повторений.

Еще важнее, что при этом создается картина общей цельности работы. Внутритекстовые отсылки полезны, когда единое явление рассматривается в двух разных аспектах; когда единый пример подтверждает два разных соображения; когда общее рассуждение применимо к какому-то конкретному факту; а также во многих других ситуациях.

Хорошо организованный диплом должен пестрить внутритекстовыми отсылками. Если этих отсылок нет, это, видимо, значит,

что каждая глава толкует о своем, отдельном, как будто сказанное в предыдущих главах не играет большой роли. Разумеется, существуют и такие дипломные работы (скажем, собрания документов). Но по крайней мере на стадии выводов и заключений внутритекстовые отсылки все-таки должны появиться. Грамотно сделанный гипотетический указатель предложит вам сетку номеров, которые вы будете проставлять повсюду, не имея ни малейшей надобности перелистывать страницы и искать место, где говорилось о том же самом (описанный метод широко применен в читаемой вами книге).

Для отражения логической структуры диплома (центральное поле исследования; периферия поля; основная тема; первостепенная и второстепенная подтемы...) в содержании должны быть перенумерованы все *главы, разделы и подразделы*. Предлагаю вам для примера «Содержание» данной книги. В нем немало разделов и подразделов, а также встречаются такие дробные подпункты, что они и в «Содержание» не вошли (см., скажем, в разделе III.2.3).

Аналитическая структура максимально удобна для логического уяснения концепции. Содержание должно быть абсолютно логично: раздел I.3.4 может быть лишь частным случаем тезиса I.3. и ничем иным; это должно ясно выглядеть на бумаге.

ОБРАЗЕЦ СОДЕРЖАНИЯ

I. МНОГОСТУПЕННАЯ РУБРИКАЦИЯ В СОДЕРЖАНИИ

I.1. *Рубрики. Система нумерации рубрик*

I.1.1. Сквозная (от первой до последней рубрики данной ступени)

I.1.2. Параллельная (от первой до последней рубрики только внутри раздела)

I.1.3. Индексационная (с цифровыми номерами, содержащими во всех ступенях, кроме первой, номер как своей рубрики, так и рубрик, которым она подчинена).

I.2. *Соподчиненность номеров, литер, названий рубрик*

I.2.1. Рекомендуемая соподчиненность номеров и литер

I.2.2. Рекомендуемая соподчиненность родовых названий (обозначений)

II. ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ

II. 1. *Виды набора заглавий рубрик*

II. 1.1. Прописные литеры

II.1.2. Курсивы (в машинописи — подчеркивания)

II. 1.3. Разрядка

II.2. *Бесспусковая и спусковая системы рубрикации*

II.3. *Знаки препинания в рубриках*

Из этого примера очевидно, что не всегда рубрикации глав должны симметрично повторяться. Какую-то главу, чтоб растолковать, приходится дробить на пункты и подпункты, а, может, другой главе лучше подойдет одно только заглавие самого общего вида. Есть главы, для которых не требуется подробный индексатор смысла, он даже мешает главной мысли (скажем, в дипломе по реконструкции чьей-то биографии).

Однако в большинстве случаев мелкое членение на пункты помогает организовывать материал и восстанавливать логические связи. Когда я вижу, что какое-то рассуждение имеет номер I.2.2., я сразу понимаю, что это — частный момент крупной темы I, по своей важности примерно сопоставимый с рассуждением I.2.1 и с ним образующий некое единство, противопоставляемое параллельным темам, которые имеют нумерацию типа I.1,1.3 и т.д.

Последнее предупреждение. Лишь при наличии надежнейшего указателя можно себе позволить начинать не с начала. Так бывает нередко: сперва прописываешь во всех деталях именно те пункты и рубрики, по которым материал подобран и идеи кристально ясны. Но все написанное должно укладываться в ячейки вашей сетки, называемой *содержанием*, — выражаясь иными словами, *рабочей гипотезы*.

IV.2. Карточки и конспекты

IV.2.1. **Разные виды карточек: для чего они применяются**

Постепенно, пока библиография разрастается, начинайте читать материал. Только в теории можно предполагать, что сначала

будет собрана отличная библиография, а потом она будет по порядку прочитана. В жизни бывает иначе. Как только готов первоначальный список книг, вы накидываетесь на первые, которые удастся получить в руки. Часто бывает даже, что все начинается с чтения книги, а из нее выползает библиография. По мере того как вы будете читать книги и публикации, отсылок будет накапливаться все больше, и библиографическая картотека будет расти.

В идеале хорошо бы иметь все книги дома, под рукой, как современные, так и старые (и вообще иметь отличную собственную библиотеку, а также помещение для работы, просторное и удобное, с несколькими столами, на которых можно расположить в нужном порядке, в логически подобранных стопочках, книги, которые вы будете использовать). Но подобные идеальные условия удастся создать редко не только студенту, но и ученому-профессионалу.

Ладно, предположим для простоты, что вы сумели найти и приобрести абсолютно все нужные вам источники. В этом случае вам вообще не понадобятся конспекты, из всех видов карточек нужны только те, что описаны в разделе III.2.2. Вы разработали указатель (то есть содержание, то есть программу исследования, *рабочую гипотезу* — см. раздел IV. 1.).

В указателе названы все разделы и подразделы, все перенумеровано, так что, постепенно читая ваши книги, вам остается только подчеркивать нужные места и выписывать на поля книг номера подразделов, к которым подчеркнутые места относятся. Одновременно с этим в план, напротив соответствующих параграфов, вы впишете значочки-ссылки на источники и на номера страниц. Благодаря такой системе создается возможность быстро отыскивать, сидя и сочиняя свой текст, нужные мысли и нужные цитаты.

Предположим, ваш диплом имеет тему «Мотив возможных миров в научной фантастике США» и что параграф IV.5.6. вашего плана называется «Складки времени как возможность проникновения из одного возможного мира в другой». Читая «Обмен разумов» («Mindswap») Роберта Шекли, вы видите в главе XXI, что Макс, дядюшка героини, которую зовут Мервин, играя в гольф,

спотыкается о складку времени на газоне Фэрхевен Клуб Кантри в Стэнхопе и падает, а поднимается с травы на планете Клезиус. На странице напротив этого места вы напишете карандашиком

Д. (IV.5.6.) складка времени,

и вы будете знать, что пометка относится к диплому (та же самая книга может вам понадобиться для научной работы и через десять и через двадцать лет; так что имеет смысл указывать, к какой работе отсылает каждый конкретный значок), и сразу увидите номер подпункта, с которым эта пометка связана. Одновременно с этим в вашем плане работы вы напишете напротив пункта IV.5.6.:

Sheckley, *Mindswap*, XXI

Потом к тому же пункту IV.5.6 вы припишете отсылки к «Машине времени» Брауна и к «Двери в лето» Хайнлайна.

Подобная техника работы, однако, возможна лишь при следующих условиях: а) книга ваша собственная и стоит у вас дома; б) вы можете черкать ее как угодно; в) план работы составлен и имеет окончательный вид. Предположим вместо этого, что книги у вас лично нет, а есть она в библиотеке; что вы ее взяли почитать и поэтому зарисовывать не можете (или что книга хоть и ваша, но старинная и ценная); предположим, наконец, что указатель продолжает вами переделываться. Как видим, налицо серьезные затруднения.

Особенно вероятно последнее из перечисленных осложнений. По мере вашей работы план, безусловно, будет обогащаться. Изменится его структура, изменится и нумерация подпунктов, и не сможете же вы безостановочно переправлять пометки на страницах ваших источников. Значит ли это, что единственный разумный вид пометки, это «возможные миры!»? И как бороться с подобной расплывчатостью?

А бороться можно, скажем, с помощью *картотеки идей*. Пишите на каждой карточке гриф типа «Складки времени», «Параллелизм возможных миров», «Противоречивость», «Изменения

структуры» и так далее. Одна из карточек первой группы будет посвящена детальному пересказу Шекли. Каждую карточку, относящуюся к складкам времени, вы будете предназначать для использования в конкретном месте в соответствии с окончательным вариантом дипломной работы. Вы сможете как угодно перетасовывать эти конспект-карточки и группировать их в нужном порядке.

Эту вашу первую картотеку назовем *тематической*. Она оптимальна для дипломной работы, скажем, по истории идей. Если ваш диплом посвящается возможным мирам в американской научной фантастике, и в нем будут проанализированы различные варианты подхода к логико-космологическим проблемам у разных авторов, иметь тематическую картотеку просто идеально.

Но предположим, что вы собираетесь выстроить диплом совсем иначе, то есть по принципу «медальонов»: вводная глава плюс по главе на каждого из основных писателей-фантастов (Шекли, Хайнлайн, Азимов, Браун и т.д.), или даже по принципу серии глав, каждая из которых посвящается какому-то роману-модели. Тогда вам лучше делать не *тематическую* картотеку, а *именную*. Гриф «Шекли» вы нанесете на все те карточки, которые будут указывать, в каких книгах и где именно у Шекли говорится о возможных мирах. И, скажем, под тем же самым грифом «Шекли» потом вы припишете дополнительные грифы «Складки времени», «Параллелизмы», «Противоречия» и так далее.

Предположим, наконец, что в вашем дипломе проблема поставлена на более теоретическом уровне, и научная фантастика служит только отправной точкой для рассуждения о логике возможных миров. В таком дипломе отсылки к научной фантастике могут быть куда более произвольными, поскольку служат в основном для вкрапления разных забавных примеров. В этом случае вам необходима *картотека примеров*. Там под грифом «Складки времени» у вас будет содержаться подходящая цитата из Шекли; под гриф «Параллелизмы» вы отправите выписку из Брауна о двух мирах, абсолютно идентичных, единственное различие

между которыми — это форма узла, которым главный герой завязывает шнурки ботинок.

Но теперь предположим, что книга Шекли вашей собственностью не является. Допустим, вы читаете ее в гостях у товарища, в другом городе, и задолго до того, как выработали детальный план дипломной работы, куда будут внесены параграфы о складках времени и о параллелизмах. Значит, вы должны составить себе впрок *карточку на книгу*, описав «Обмен разумов» как можно более подробно: выходные данные, резюме содержания, пометки относительно степени важности как источника, ряд примеров из текста, показавшихся вам при чтении наиболее характерными.

Бывают еще *рабочие карточки*, которые могут быть разного типа: карточки, связывающие между собой идеи и подпункты плана, проблемные карточки (как подходить к какой-либо проблеме?), карточки-подсказки (куда заносятся идеи, заимствованные у кого-то, с добавлением подсказок о направлении возможного развития), и так далее, и так далее. Хорошо, если каждая категория карточек пишется на картоне своего цвета. В правом верхнем ушу следует ставить шифр, который отсылает к карточкам другого цвета, а также к указателю — генеральному плану всего диплома.

Скажите теперь, что это не мощная система!

В предыдущем разделе мы вели разговор о библиографической картотеке, где собраны маленькие карточки с выходными данными всех тех книг, которые будут использоваться при работе. Теперь же организуется целое множество разнообразных групп карточек:

- а) карточки на содержание книг/статей;
- б) карточки тематические;
- в) карточки именные;
- г) карточки на примеры (цитаты);
- д) карточки рабочие.

Что же, действительно необходимо заполнять всю эту кучу карточек?

Разумеется, нет. Вы можете обойтись небольшой картотекой содержания источников, а все остальное держать в тетрадях. Вы можете иметь только картотеку примеров, в случае, скажем, если ваша работа (на тему «Женские образы в женской литературе сороковых годов») началась с супердетального плана, критической литературы по теме немного, а требуется в основном разнообразие цитат и примеров из текста. Как видите, решение насчет количества и характера картотек принимается в функции от специфики диплома.

Единственное, что мне кажется очень важным, — это чтобы та картотека, которую вы все-таки делаете, была унифицированной и полной. Предположим, таким образом, что по вашей теме дома у вас имеются книги Смита, Росси, Брауна и Де Гомера. В библиотеке же вы проработали книги Дюпона, Лупеску и Нагасаки. Если вы имеете конспекты/карточки только на трех последних, а в отношении первых четырех полагаетесь на память (и на ощущение, что они всегда под рукой), что получится на фазе написания текста? А если вам придется изменить структуру рабочего плана — как вы будете действовать? Перемешивать книги, тетради, карточки и отдельные листочки? Нет, вам имеет смысл законспектировать подробно и со многими выдержками Дюпона, Лупеску и Нагасаки, но при этом создать подробные карточки и на Смита, Росси, Брауна и Де Гомера; из них можно не переписывать длинные цитаты, а ограничиться указанием на страницы, где эти цитаты напечатаны. Тогда вы будете работать с однородным материалом, который легко систематизировать и упорядочивать. К тому же при этом вполне обозримо все то, что вы уже подготовили и что вам остается еще добавить.

Бывают случаи, когда удобно и полезно расписывать на карточки буквально все: скажем, делая диплом по литературе, цель которого — подыскать и прокомментировать много характерных цитат из разных авторов на одну и ту же тему. Предположим, ваша тема «Концепция жизни как искусства у романтиков и у декадентов». На таблице № 5 приведены четыре примера типовых карточек при подготовке подобной работы.

ЦИТ

Ж как И

И

Уистлер

«Обычно природа неверна»

?

Nature is usually wrong

J.A.McNeill Whistler,

The Gentle Art of Making Enemies

1890

ЦИТ

Ж как И

И

Вилье де Лиль-Адан

«Жить? За нас этим занимается слуги»

Из пьесы Аксель

ЦИТ

Ж как И

И

Г. Готье

«То, что становится полезным, как правило,
перестает быть красивым»

Préface des premières poésies, 1832...

ЦИТ

Ж как И

И

О. Уайльд

«Можно простить человеку, который делает
нечто полезное, если только он этим не вос-
торгается. Тому же, кто создает бесполезное,
единственным оправданием служит лишь страст-
ная любовь к своему творению. Всякое искус-
ство совершенно бесполезно».

Предисловие к «Портрету Дориана Грея»
(пер. М. Абкиной. — прим. пер.)

Как видите, на карточках вверху пишется ЦИТ (чтоб расставлять их по категориям). Шифруется и тема «ЖИЗНЬ как ИСКУССТВО». Почему необходимо указывать тему? Ведь тема вам прекрасно известна? Да потому что дипломная работа может перерасти в диссертационную или в какую-то другую, в которой «ЖИЗНЬ как ИСКУССТВО» будет только одной из подтем. Потому что эта база данных может послужить вам и в будущем, влиться в более обширную и разнообразную картотеку. Потому что через двадцать лет вы наткнетесь на эти карточки и станете пытаться себя, что же на них записано, черт их побери!

В третью очередь, мы выписываем автора цитаты. Вполне хватит одной фамилии, так как предполагается, что на всех этих авторов у вас заведены библиографические карточки. Цитатная же карточка содержит только выписку, короткую или длинную (от одной до тридцати строк), и, разумеется, отсылку к конкретному месту источника.

Посмотрим цитату из Уистлера. Она выписана в переводе, затем стоит вопросительный знак. Это значит, что первая встреча с этим примером состоялась в тексте чьей-то книги, но не понятно, ни откуда пример взят, ни точен ли он, ни, наконец, как он выглядит по-английски. Позднее мы отыскали ту же цитату на языке оригинала. И записали на ту же карточку, сопроводив библиографической пометой. Теперь карточка годна для точного цитирования.

Карточка на Вилье де Лиль-Адана. Цитата дана в переводе, откуда она — известно, но данные на нее неполны. Это карточка, нуждающаяся в дополнении. Точно так же недоработана и карточка на Готье.

Та, что относится к Уайльду, вполне удовлетворительна, но при условии, что характер работы позволяет цитировать по переводам. Если диплом защищается по эстетике, такое цитирование допустимо. Если диплом будет проходить по кафедре английской литературы или компаративистики, следует дополнить карточку текстом на языке оригинала.

Вообще-то эта книга Уайльда есть у вас дома на полке. Но очень неблагоприятно, поддавшись лени, не сделать на нее кар-

точку. В последний момент, когда вы будете писать диплом, цитата вылетит у вас из головы. Плохо, если на карточке будет сказано только «см. стр. 16», а сама фраза не будет выписана, потому что когда настанет момент делать монтаж цитат, их надо видеть в полном состоянии прямо перед глазами. Скажем так: чем больше вы просидите над карточкой, тем меньше вам придется сидеть над текстом.

Другой тип карточек — *рабочие*. На таблице № 6 вы видите пример карточки-связки для того диплома, что описан в разделе III.2.4. (диплом, посвященный метафоре в итальянских эстетических трактатах семнадцатого века). На карточке имеется гриф ОТСЫЛКА и указана тема, к которой отсылка направляет («Переход от тактильности к визуальности»). Нам пока что неизвестно, составит ли эта тема целую главу или небольшой параграф, или простое подстраничное примечание, или (почему бы и нет?) центральную проблему всей работы. На карточку выписаны идеи, найденные у конкретного автора, указаны книги по этому вопросу и возможное направление разработки идей.

Таблица № 6

КАРТОЧКА НА ОТСЫЛКУ

ОТС	Ж
Перех такт-виз	
Хаузер	
Социальная история искусства II, 267	
Цитируется Вельфлин о переходе от тактильности к визуальности на стыке Возр. и Барокко: линейность vs живописность, поверхность vs глубинность, закрыт. vs откр., полная ясность vs ясность относительная, множественность vs единство.	
Те же идеи см. у Раймонди «Роман без идиаллии» — в связи с теориями Маклюэна («Галактика Гутенберга») и Уолтера Онга.	

Когда подготовка диплома будет близиться к окончанию, копаясь в рабочей картотеке, мы можем обнаружить, что потеряли важную проблему, и принять соответствующие решения.

- Либо мы вставим эту проблему в готовый текст.
- Либо мы решим, что она того не стоит.
- Либо внесем ее в подстрочное примечание, чтобы показать, что в принципе проблема нам знакома, но мы не считаем нужным заниматься ею в данном контексте.
- Мы даже можем, свалив наконец с себя диплом, посвятить этой проблеме, и именно ей, будущие свои научные исследования.

Будем помнить, повторяю, что картотека — это капиталовложение. Оно должно обслужить первоначальную цель, но в будущем, если дальнейшие занятия не будут нами оставлены, должно работать и на более глобальную стратегию. И в последующие годы, и в последующие десятилетия.

Но мы не можем бесконечно рассуждать о разных подвидах карточек. Добавим еще рассуждение о разметке первостепенных источников и о конспектировании второстепенных и на этом остановимся.

IV.2.2. Разметка первостепенных источников

Второстепенные источники, как правило, конспектируются. К первичным источникам я предлагаю подходить иным образом. Если вы пишете диплом о Петрарке, следует конспектировать все книги и статьи о Петрарке, которые попадают в ваше поле зрения; но нелепо было бы конспектировать «Канцоньере». То же самое касается тех, кто пишет диплом по Уголовному кодексу или по истории математики, по Эрлангенской программе Клейна.

Лучше всего иметь первоисточники в своем распоряжении. Это вполне реально при занятиях классической литературой (академические издания) и литературой современной (текущие публикации и выходящие книги). Затраты на их покупку считайте неизбежным накладным расходом. Такой том или такие тома, будучи вашей собственностью, могут украшаться подчеркиваниями и пометками, и даже не только простым, но и цветными карандашами.

Подчеркивания обогащают книгу. Они являются знаками вашей заинтересованности. Они позволяют вернуться к книге даже много времени спустя и мигом отыскать то место, которое вас заинтересовало. Но подчеркивать надо разумно. Некоторые подчеркивают все. Это значит не подчеркнуть ничего.

Бывает, что на одной странице сосуществуют сведения разного порядка. Подчеркивайте их по-разному.

Пользуйтесь разными цветами. Возьмите тонкие фломастеры. Пусть ваш цвет совпадает с цветным значком на соответствующей карточке и в соответствующем пункте рабочего плана. Цветные знаки пригодятся на последней стадии работы, когда по красному цвету вы легко опознаете материал для первой главы, по зеленому — для второй.

Сочетайте буквенные шифры с цветовыми. Можно, конечно, пользоваться только буквенными. Возвратимся к нашему недавнему примеру из научной фантастики: на всех карточках и на полях страниц пусть будет обозначение СВ («складки времени»); Р («различие») будет значить «различие между альтернативными мирами». Если выделенные места касаются какого-то конкретного автора, обязательно буквой обозначьте каждую такую персоналию.

Отмечайте степень важности информации. Вертикальный штрих по правому краю с надписью ОЧ ВАЖН позволит вам не тратить время на подчеркивание всего абзаца. ПРОЦИТ будет значить, что надо процитировать весь кусок целиком. ПРОЦИТ.СВ — указание, в каком месте диплома должна появиться эта цитата.

Помечайте все места, к которым собираетесь вернуться. При первом чтении некоторые пассажи могут вам показаться туманными. Их пока оставьте в покое и напишите на полях ПЕРЕЧИТ. Разберетесь с ними, когда чтение остальных текстов поможет прояснить идеи.

В каких случаях не подчеркивают? Когда книга не ваша. Или когда она редкая, хорошо иллюстрированная и ценная. В этих случаях, видимо, выход из положения — ксерокопировать соответствующие страницы и разрисовать их. Или выписать в тетрадку

самые яркие пассажи с соответствующими комментариями. Или законспектировать первостепенный источник, но это огромный труд. Хорошо, если диплом посвящен «Маленькому принцу», но что делать, если отправным текстом служит «Тысяча и одна ночь»? Или, возвращаясь к нашему опыту библиотеки Александрии, как вам разметить «Подзорную трубу» Аристотеля, которая не переиздавалась с семнадцатого века? Выход один — создать рукописный сильно сокращенный аналог в тетрадке, и тетрадку-то эту разметить всеми цветами радуги.

Наряду с подчеркиванием и раскрашиванием применяйте систему закладок, и пусть они высовываются с того края, где на полях цифровые и цветовые метки.

Боритесь с синдромом ксерокопирования. Без ксерокопий дипломы не пишутся. Но нередко ксерокопии становятся своеобразным алиби. Люди накапливают у себя горы ксероксов, и того общения с книгой, что происходило в процессе копирования, им хватает для иллюзии, будто они овладели материалом. Владение ксерокопией как будто освобождает от обязанности читать. Это какой-то экстаз обладания, эйфория неокapитализма. Обезвреживайте ваши ксерокопии: по мере принесения их в квартиру немедленно читайте, обрабатывайте, конспектируйте. Если спешка у вас не самая дикая, вообще не делайте новых копий до того, пока не будете действительно *владеть* материалом предыдущих. Многие тексты остались для меня неизученными из-за того, что мне удалось их ксерокопировать. Я и живу себе спокойно, как будто все это прочитал.

Если книга ваша личная и она не антикварная, **размечайте без колебаний.** Не верьте тем, кто требует уважительного отношения к книге. Уважительное отношение к книге выражается в черкании на ней. Если вы потом захотите перепродать ее букинисту, все равно он даст такую жалкую цену, что нет смысла утаивать следы вашего с ней обращения.

Продумайте и взвесьте эти аспекты до того, как тема будет депонирована. Если тема связана с какими-то недоступными изданиями, с тысячами страниц, которые не разрешат ксерокопиро-

вать, а у вас нет времени списывать текст в тетрадку — значит, эта тема не для вас.

IV.2.3. Конспектирование второстепенных источников

Среди всех видов карточек самые распространенные, они же самые *необходимые* — это карточки-конспекты. В них заносится короткая аннотация, выписываются ключевые места для цитирования, резюмируется ваше мнение о книге и возникшие у вас параллельные идеи и идеи возможного сопоставления этого материала с материалом других источников.

Таким образом, конспект-карточка сильно отличается от библиографической карточки, описанной в разделе III.2.2. Библиографическая дает лишь сведения для разыскания источника, а конспект-карта является собой концентрированное знание об источнике и, следовательно, должна быть гораздо более крупноформатной. Используйте большие картонки, приблизительно в блокнотную страницу или в полмашинописного листа. Хорошо, если это будет именно картон, во всяком случае плотные листы, которые можно вставлять в коробку или складывать в стопку, перетягивая резинкой. Лист должен поддаваться фломастеру, шариковой и перьевой ручке, впитывать чернила без того, чтоб они размазывались и расплывались. Примерные конспект-карты разных типов представлены на таблицах № 7-14.

Не запрещается и даже рекомендуется на важные книги писать по несколько конспектов, нумеруя их по порядку и воспроизводя на всех индексацию (шифр, выдуманный вами).

Видов конспектирования много. Выбор схемы зависит и от типа памяти. Кому-то надо писать все, а другому хватит полунамека. Взятая в общих чертах, типовая схема такова:

а) *выходные данные*;

б) *сведения об авторе* (если он не известная персона);

в) *резюме текста*;

г) *обширные выдержки*, обязательно оформленные кавычками, из тех мест, которые могут понадобиться для цитирования, с четким указанием, с какой они взяты страницы. Внимание! Четкое разграничение между цитатами и парафразами (см. V.3.2);

д) *ваши наблюдения*: в начале, в середине, в конце чтения. Чтоб обезопасить себя от возможной путаницы ваших высказываний с авторскими, берите свой текст в квадратные скобки, желательно цветные;

е) *индекс, шифр, цветовая метка*, отсылающая к соответствующему месту указателя-содержания. Если ваш конспект применим к нескольким пунктам плана, нанесите на карточку несколько меток. Если он имеет отношение ко всему диплому целиком, проштемпелюйте его особым «глобальным» индексом.

Чтоб избежать голого теоретизирования, предложу вам несколько примерных карточек. Для таблиц № 7-14, не желая изобретать изобретенное, я раскопал конспект-карточки своей собственной дипломной работы «Эстетическая концепция св. Фомы Аквинского». Возможно, мой стиль конспектирования и не самый лучший на свете. В этих карточках немало погрешностей против собственных моих поучений. Не хватает отдельных данных, другие хоть и есть, но они туманны. Многому я научился уже после диплома. Конечно, это не значит, что вам нужно повторять мои ошибки... Я не стал корректировать стиль и вносить дополнения в конспекты. Воспримите примеры ориентировочно. Заметьте, что я привожу только короткие конспекты, поскольку не беру те работы, которые имели определяющее значение для моего исследования (на те пошло по десять картонок на каждую).

Эти конспект-карточки неоднотипны. Рассмотрим их по очереди.

Кроме: речь идет о небольшой рецензии, существенной лишь в свете громкого имени автора. Рецензируемая книга к тому времени уже у меня была. Я выписал лишь одно, важное место. Обратим внимание на квадратную скобку в конце выписки: впоследствии, через два года, я вернулся к этому материалу и развил свою идею.

Бьондолилло: конспект составлен полемически, чувствуется запах неофита, который возмущен недооценкой своей любимой темы. Этот конспект позволил мне ввести в работу маленькую полемическую сноску.

Глуц: толстая книга, с которой я ознакомился бегло с помощью друга-германиста, дабы понять, о чем там идет речь. Работа не имела значения для моего исследования, но я решил сослаться на нее в каком-нибудь примечании.

Маритен: автор, с одним фундаментальным трудом которого («Искусство и схоластика») я был хорошо знаком и к которому относился недоверчиво. Перед началом выписки я предостерег сам себя, чтобы не принимать на веру цитаты Маритена без дополнительной проверки.

Шену: мелкая работа серьезного ученого на тему, существенную для моей концепции. Я выжал из заметки Шену все возможное. Заметьте, это яркий пример использования источников из вторых рук. Есть указание, где можно проверить цитаты по первоисточникам. Карточка ближе к расширенной библиографической, нежели к типовой конспект-карточке.

Куриус: серьезнейшая монография, в которой лично мне был нужен только один абзац. Из-за нехватки времени все остальное я лишь пролистал. Прочел эту книгу я после диплома, для совершенно другой работы.

Марк: интересная статья, я обрисовал общий смысл.

Сегонд: просто для порядка. Резюме, гласящее, что книга мне не понадобится.

В правом верхнем углу всех этих карт проставлены шифры. Рядом имелись цветные пометки. Не имеет значения, какой конкретный смысл придавался каждому цвету. В данный момент важно только видеть, что использовалась и буквенная и цифровая маркировка.

Таблица № 7

Кроче, Бенедетто
Croce, Benedetto

Теор ОБЩ (красн.)

Рецензия на книгу Нельсона Селлы «Эстетика музыки у св.Ф.А.» (см. библи.)
Критика, 1931, С. 71

Похв. тщательности и актуальности.

Но по поводу Фомы Кроче пишет:

«...в сущности, его представления о красоте и об искусстве не то чтобы превратны, но чрезвычайно общи, и потому могут быть восприняты и переняты всеми. Такова теория, согласно которой pulchritudine или красоте свойственны целостность или совершенство или согласованность, а также ясность, то есть чистота цветов. Такова и теория о том, что прекрасное затрагивает сферу познавательной возможности; и даже теория, что красота творения есть подобие божественной красоты, рассредоточенной в вещах.

Необходимо иметь в виду, что вопросы эстетики не составляли собой предмет настоящего интереса ни для средневековья вообще, ни в частности для святого Фомы, размышления которого сводились к иному: откуда вообще берется чувство удовлетворенности. Поэтому работы по эстетике Фомы и других средневековых философов мало плодотворны и вызывают неприятие, за исключением редких случаев (крайне, крайне редких!), когда тема разбирается с такой осторожностью и такой тщательностью, какие мы находим в работе господина Селлы».

[Полемика с этим положением годится для зачина.

Последняя фраза — вызов.]

Таблица № 8

Бьондолилло, Франческо
Biondolillo, Francesco СФА. ОБЩ (красн.)

«Эстетика и вкус в средневековье», глава II книги
Краткая история вкуса и эстетической мысли. Мессина,
Принчипато, 1924, С. 29

Бьондолилло или близорукое джентилианство.

Неинтересное предисловие – пересказ для школьников
общих мест Джентиле.

Глава о средневековье. Со СФА автор разделяется за
18 строчек. «В эпоху средних веков, в условиях
засилья представлений о философии как о служанке
богословия... проблематика искусства утрачивала ту
значительность, которой она достигла прежде всего
благодаря Аристотелю и Плотину». [Бескультурье или
нарочно? Вина его или его школы?] Несколько дальше:
«Этим были сформированы взгляды зрелого Данте,
который в Пире (1,2) присваивал искусству целых
четыре смысла [Это насчет теории четырех чувств. *Se*
знает, что она повторялась уже у Беда. Ну и невеже-
ство]. Четырехуровневая значимость, как верилось
Данте и иным, присуща Божественной комедии, в то
время как ее художественная ценность проявляется
исключительно постольку, поскольку она дает чистое,
бескорыстное отображение внутреннего мира и посколь-
ку Данте самозабвенно отдается своему видению».

[Бедная Италия, несчастный Данте! Положить всю жизнь
на поиски высшего смысла, чтоб теперь этот господин
писал «Данте верилось...». Привести как пример
историографической монструозности.]

Таблица № 9

Глунц, Х.Х

Glunz, H.H.

Теор. ОБЩ. лит (красн., кор.)

Эстетика в текстах европейского средневековья

Die Iiiterarästhetik des europäisohen Mittelalters

Bochum-Langendreer, Poppinghaus, 1937, СС. 608

Эстетический подход в средневековье существовал, и в этом свете рассмотрена средневековая поэзия. В центре исследования – представления поэтов того времени о собственном творчестве.

Прослежена эволюция средневекового вкуса:

VII–VIII вв. – опустелые формы классики наполняются христианским содержанием;

IX–X вв. – античные басни приспособляются под христианскую этику;

с XI в. – зарождение христианской этической литературы в собственном смысле: литургические тексты, житийная словесность, пересказы Библии, преобладание потусторонних тем;

XII в. – гуманизация мировоззрения, связанная с неоплатонизмом: всякая вещь отображает Господа на свой лад (любовь, профессиональная деятельность, природа). Развитие аллегорического подхода (Алкуин, Сен-Викторская школа и далее);

XIV в. – по-прежнему направленная на угождение Господу, поэзия из моральной преобразуется в этическую. Как Бог выражает себя через творение, так поэт выражает себя: мысли и чувства (Англия, Данте и проч.).

Книга рецензировалась Де Брюном (De Bruyne) в Re.neosc.de phil., 1938: по его мнению, делить эволюцию на периоды неправомерно, потому что во все эпохи сосуществуют все течения [отсутствие исторического чутья – он слишком верует в *Philosophia Perennis!*] В его представлении средневековая художественная цивилизация полифонична.

Эстетика в текстах европейского средневековья

Де Брюн критикует Глунца за то, что он не учитывает наслаждения формами поэзии, в то время как людьми средневековья этот аспект ощущался довольно живо, о чем свидетельствуют поэтики. К тому же литературная эстетика являлась частью эстетики общей, которую Глунц недооценил: речь идет об эстетике, которая вмещала в себя пифагорейскую теорию пропорций, качественную эстетику Августина (modus, species, ordo) и эстетику Дионисия (claritas, lux). Все скреплялось психологией Сен-Викторской школы и христианским мировоззрением.

Таблица № 10

Маритен, Жак

Maritain, Jacques

Теор. СИМВ (зел.)

«Знак и символ»

«Signe et symbole»

Revue Thomiste, апрель 1938, С. 299

Подчеркивая перспективность монографического исследования данной темы (от срдвк до наших дней), предлагается уделить особое внимание:

Философской теории знака и размышлениям о магическом знаке.

[Как всегда, невыносим. Антиисторичен, нефилологичен: в данном случае, к примеру, разбирает не СФА, а Иоанна Св. Фомы].

Развивает теорию Иоанна (см. мою карточку): «Signum est id quod repraesentat alia a se potentiae cognoscendi» (Log. II, P, 2I,I).

«(Signum) essentialiter consistit in ordine ad signatum».

Но знак не всегда образ и образ не всегда знак (Сын – образ, а не знак Отца, вопль – знак, а не образ боли). Иоанн прибавляет:

«Ratio ergo imaginis consistit in hoc quod procédât ab alio ut a principio, et in similitudinem ejus, ut docet S.Thomas, I, 35, e XCXIII» (???)

Маритен добавляет, что символ – это знак-образ;

«quelque chose de sensible signifiant un objet en raison d'une relation présupposée d analogie» (303).

Надо проверить СФА, De ver., VIII, 5 и С.Г.. III, 49

Маритен потом развивает идеи о знаке формальном, творительном, практическом и т.д. и о знаке как магическом действии (великолепно документировано).

Лишь в малой степени занимается искусством [но уже здесь находятся намеки на неосознанные и глубинные корни искусства, которые потом мы найдем в Creative Intuition].

«Знак и символ»

В свете томистской интерпретации вот что любопытно: «...dans l'oeuvre d'art se rencontrent le signe spéculatif (l'oeuvre manifeste autre chose qu'elle) et le signe poétique (elle communique un ordre, un appel); non qu'elle soit formellement signe pratique, mais c'est un signe spéculatif qui par surabondance est virtuellement pratique: et elle-même, sans le vouloir, et à condition de ne pas le vouloir, est aussi une sorte de signe magique (elle séduit, elle ensorcelle)» (329).

Таблица № 11

Шену, М.Д.

Chenu,

M.D.

Теор. Imag. Фантаз. (роз.)

«Imaginatio – заметка о философской лексикографии»
«Imaginatio – note de lexicographie philosophique»
Miscellanea Mercati. Ватикан, 1946, С. 593

Разные значения термина. Прежде всего по Августину:
«Im. est vis animae, quae per figuram corporearum
rerum absente corpore sine exteriori sensu
dignoscit» (глава 38 произведения Be spiritu et
anima, которое приписывалось то Исааку из Пуатье, то
Гуго Сен-Викторскому и др.).

В произведении Be unione corporis et Spiritus Гуго
(ЕЛ, 227, 285) говорится о сублимации ощущаемого в
постигаемое, которая осуществляется воображением. В
этой мистической перспективе озарение духа и дина-
мичное сцепление сил называется formatio. Воображе-
ние в процессе мистич. formatio встречается и у
Бонавентуры (Itinerarium); sensus, im. (=
sensualitas), ratio, intellectus, intelligentia,
apex mentis. Воображение участвует в формировании
intellegibile, предмета intellectus. в то время как
полностью очищенная от чувственных связей
intelligentia схватывает intellectibile.

Ту же дистинкцию перенял и Боэций. Intellegibile –
это чувственный мир, а intellectibile – это Бог,
идеи, первопринципы.

См. Comm. in Isag. Porph., I, 3. Гуго Сен-Викторский
в Didasc. обобщает эту позиции. Жильбер Порретанский
вспоминает, что imaginatio и intellectus у многих
называются opinio; среди них Вильгельм де Конш.
Imago есть форма, однако внедренная в материю, не
чистая форма.

«Imaginatio – заметка о философской лексикографии»

И вот наконец Фома!

Он согласен с арабами (De ver., 14, I) что imago есть apprehensio quidditis simplicis, quae alio etiam nomine formatio dicuntur (I Sent – 19, 5, I и 7). [Но значит, это simplex apprehensio!] Imaginatio – перевод арабского tasaww, производного от curât (образ), это означает форма, от глагола savara (формировать, чеканить, а также рисовать и зачищать). [Очень важно – разобраться!]

Таблица № 12

Курциус, Эрнст Роберт

Curtius, Ernst Robert

Теор. Общ.

Европейская литература и латинское средневековье
Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.

Bern, Franke, 1948.

(в частности ч. 12, абзац 3)

Большая серьезная книга. Мне нужна только с. 228. Стремится продемонстрировать, что идея поэзии как средоточия достоинства, озаряющей силы, углубления истины была неведома схоластике, но живо присутствовала у Данте и поэтов четырнадцатого века [тут он прав].

У Альберта Великого, к примеру, научный метод (*modus definitionis, divisivus, collectivus*) противопоставляется поэтическому методу Библии (повествования, притчи, метафоры). Modus poeticus как самый слабый из философских методов [что—то подобное было у Фомы, сверить !!].

Действительно, вот и Курциус ссылается на Фому (I, I, 9 и 10) и на его определение поэзии как infima doctrina! (см. конспект).

В общем, схоластики никогда не проявляли интереса к поэзии и не породили ни одной поэтики [верно о схоластике, неверно о средневековье] и ни одной теории искусства [неверно]. Таким образом, тшиться вывести из учения схоластиков эстетику литературы и пластических искусств — бессмысленно и бесцельно. Приговор провозглашается в п.I на с. 229: «Современный человек безмерно переоценивает искусство, поскольку утратил чувство интеллигентной красоты, которое неоплатоникам и срдвк было весьма присуще. *Sero te amavi, Pulchritudo tam antiqua et tam nova*, — говорит Августин Богу (Conf., X, 27, 38). Здесь идет речь о красоте, о которой эстетика ничего не знает [положим, так; но что тогда делать

Европейская литература и латинское средневековье

с проблемок божественной Красоты, рассредоточенной в существах?]. Когда схоластика говорит о Красоте, Красота мыслится как принадлежность Бога. Метафизика Прекрасного (Плотин) и теория искусства никак не соотносятся друг с другом» [верно, но они сталкиваются на ничьей территории – теории формы].

[Осторожно! Это нам не Бьондолилло. Курциусом упущено несколько философских текстов-увязок, но он настоящий знаток. Критиковать почтительно].

Таблица № 13

Марк, А

Марс, А

Теор. СФА Общ Транец (краен.)

«Принцип противопоставления в онтологии»

«la méthode d'opposition en onthologie»

Révue Néoscolastique. I, 1931, С. 149

Статья теоретична, но в ней содержатся полезные подсказки.

Томизм весь в игре противопоставлений. От примитивной концепции бытия, где духовное и реальное сочетаются в акте познания, к трансценденталам, которые видятся во взаимном противопоставлении: тождественность и инаковость, единство и множество, случайность и необходимость, бытие и небытие образуют Единое. Бытие в отношении к разуму как внутреннему опыту есть Истина, в отношении к истине как внешней желанности есть Добро; «une notion synthétique concilie en elle ces divers aspects et révèle l'être relatif à la fois à l'intelligence et à la volonté, intérieur et extérieur à l'esprit; c'est le Beau. A la simple connaissance il ajoute la complaisance et la joie, tout comme il ajoute au bien la connaissance; il est la bonté du vrai, la vérité du bien; la splendeur de tous les transcendentaux reunis цит. Марит.» (154)

Дальнейшее развитие этой линии:

Бытие :

1. Трансценденталы

2. Аналогия как соположение множественного в едином
Акт и потенция

Бытие и сущность

[Близко подходит к Грене или Грене к нему]

«Принцип противопоставления в онтологии»

3. Формулы

«существует постольку, поскольку мы это утверждаем» и

«мы утверждаем это постольку, поскольку это существует»

Сущность: выявление и пр.

Взаимоотношение.

Противопоставлением и сопоставлением противоположностей достигается единство. То, что возмутило теории, приводит эту теорию в систему.

[Использовать для некоторых идей о трансценденталах. Обдумать также идеи радости и удовольствия в эстетическом видении в функции от pulchra dicuntur quae visa placent]

Таблица № 14

Сегонд, Жозеф

Segond, Joseph

СФА. Свет, ясность (желт.)

«Эстетика света и тени»

«Esthétique de la lumière et de l'ombre»

Revue Thomiste, 4, 1939, С. 743

Свет и тень воспринимаются в физическом смысле.

Безотносительно к томизму.

Бесполезно для меня.

IV.2.4. О научном смирении

Не пугайтесь названия этого раздела. Я не имею в виду моральный подход. Я имею в виду ваш подход к источникам и к их конспектированию.

Вы видели на примере конспект-карточек, что я, будучи еще незрелым филологом, посмеялся над каким-то исследователем и в два счета с ним разделался. До сих пор я убежден, что поступил тогда правильно и в любом случае мы квиты, потому что и он в два счета разделался со значительной темой. Но подобный случай, во-первых, достаточно нетипичен, а во-вторых, я все же и этого ученого законспектировал и вроде бы прислушался к его суждению. И не только из тех соображений, что надо учитывать все сказанное по нашей узкой тематике, но и потому, что *не всегда наилучшие идеи приходят от наикрупнейших знатоков вопроса*.

Вот, к примеру, случай из моей практики: аббат Валле.

Чтобы рассказывать по порядку, следует познакомить вас с некоторыми аспектами той моей давнишней работы. В течение года мой диплом буксовал из-за одной неувязки. Дело в том, что сегодняшняя эстетика считает перцепцию прекрасного интуитивной. Но для святого Фомы категория интуитивного не существовала. В нашем веке многие исследователи пытались доказать, что Фома в каких-то высказываниях подразумевал интуитивность, но они насильствовали материал. При этом перцепция предметов вообще являлась для Фомы моментом столь стремительным и мгновенным, что непонятно, как могло осуществляться наслаждение эстетическими качествами, которые чрезвычайно сложны: игра пропорций, взаимосвязь между сущностью вещей и тем образом, которым эта сущность организует материю, и так далее.

Выход из противоречия таился (я нашел его для себя за месяц до защиты диплома) в открытии, что эстетическое созерцание опиралось на гораздо более сложное действие — суждение. Но у Фомы не говорится об этом открытом тексте. И тем не менее он говорит об эстетическом созерцании таким образом, что невозможно не прийти именно к этому выводу. Цель интерпретации часто сводится к процессу выуживания из автора ответа на воп-

рос, который ему пока не задавали, но если бы задали, автор не мог бы отвечать никаким другим образом. Иными словами: сопоставляя различные утверждения, надо демонстрировать, как из логики исследуемой мысли сам собою вытекает единственно мыслимый ответ.

Авторы, бывает, не высказываются напрямую лишь по причине, что смысл кажется им слишком очевидным. Или, в случае святого Фомы, иное: для него было неестественно размышлять на эстетические темы, он затрагивал эти вопросы лишь мимоходом, подразумевая их однозначность.

Из-за этого я находился в тупике. И никто из читаемых мною критиков и философов не помогал из него выйти. В то же время единственным по-настоящему оригинальным аспектом моего исследования была именно эта проблема — вкуче, разумеется, с разгадкой, которую предстояло отыскать. В тщетных поисках озарения я натолкнулся на каком-то развале в Париже на брошюрку, которая меня очаровала, в первый момент, своим прекрасным переплетом. Раскрыв книжку, я увидел, что ее автор — некий аббат Валле, называется она «Идея прекрасного в философии Фомы Аквинского», Лувен, 1887. Ее не было ни в одной библиографии. Автор — малоизвестный исследователь девятнадцатого века. Разумеется, я купил эту брошюру (стоила она недорого). Читаю, вижу, что на аббата Валле жалю и этой суммы, что он повторяет общие места, ничего от себя не добавляет. Тем не менее я решил дочитать до конца. (Из научного смирения, но я тогда не знал, что это так называется; я научился научному смирению именно на этом эпизоде). Аббат Валле изменил мою жизнь, подумать только, ну и казус.

Короче говоря, я читал из чистого упрямства. И в один прекрасный момент, в какой-то скобке, более чем походя, этот аббат, абсолютно не понимая масштаба своего открытия, что-то приносит насчет теории суждения в применении к понятию красоты. Эврика! Вот что я искал так долго. И где нашел? У этого ничтожного аббата! Он умер сто лет назад, за сто лет никто о нем не вспомнил, и тем не менее он с того света озарил ум одного из

потомков, который захотел в него внимательно вчитаться.

Вот вам пример научного смирения. Полезное можно перенять откуда угодно. Часто мы не настолько талантливы, чтоб уметь перенимать полезное от тех, кто бездарнее нас. Или кто только кажется бездарнее, а на самом деле его одаренность надо уметь рассмотреть. Кому-то кажется бездарным, а нам наоборот... Надо уметь уважительно вслушиваться. Поменьше оценочных суждений. Тем более когда чей-то стиль мышления отличается от нашего, или отличается идеология.

У заклятого противника можно взять блестящие идеи. Все зависит от настроения, от погоды, от степени усталости. Может, попадись мне аббат Валле на год раньше, я бы его открытия не разглядел. Но на этом случае я научился не пренебрегать никакой, даже самой ничтожной, возможностью.

Зоя это научным смирением, мы, возможно, прослышем лицемерными: унижение паче гордости. Но без моральных ярлыков — унижение так унижение, гордость так гордость, почаще применяйте это на практике.

V. КАК ПИСАТЬ ТЕКСТ

V.I. К кому вы обращаетесь

Кому адресован ваш текст? Руководителю? Всем учащимся//ученым, кто соприкоснется с ним впоследствии? Обычному неподготовленному человеку? Это будет книга для широкой публики или сообщение для членов ученого совета?

Обдумайте эти вопросы. Тем самым определится и форма изложения, и степень логической отчетливости в вашей голове.

Существует ошибочное представление: принято думать, будто популяризирующий текст, где все разъяснено, чтоб всем было понятно, требует меньшей квалификации, нежели специальный научный доклад, полный формул, понятных только избранным. Это не так. Конечно, открытие Эйнштейна, что $E = mc^2$, потребовало больше гениальности, чем работа над лучшим учебником физики. Но в принципе, если не растолкованы (пусть даже с чрезмерной тщательностью) употребляемые термины, если читателя то и дело попихивают локоточком: «мы-то с вами, ясно, понимаем», создается ощущение, что пишущий не до конца в себе уверен, не в пример другому, кто высвечивает каждую отсылку и каждую связь. Возьмите великих ученых или крупных критиков, и вы увидите, что за редчайшими исключениями все они прозрачны и не гнушаются тщательно разжевывать любую мысль.

Скажем теперь, что диплом есть сочинение, которое по своему статусу обращено к руководителю и к оппоненту, но при этом может использоваться для чтения и справок многими читателями, в том числе специалистами в других областях науки. Поэтому философскому диплому не обязательно начинаться с объяснения, что такое философия, в вулканологической работе нет нужды объяснять понятие вулкана, но дальше насчет всего, что хоть немного сложнее этого уровня очевидности, следует предоставлять читателю любые возможные пояснения и данные.

Прежде всего *объясняется вся терминология*, за вычетом самых базовых и устоявшихся слов профессии. В дипломе по формальной логике можно обойтись без объяснения термина «импликация», но в дипломе по узкой импликации Льюиса лучше сказать, в чем различие между материальной импликацией и импликацией узкой. В дипломном сочинении по лингвистике можно ввести без комментариев понятие фонемы, но если диплом посвящен фонемам у Якобсона, этот термин надо будет пояснить. И там же, в дипломе по лингвистике, когда возникнет слово «знак», лучше бы пояснить его, поскольку известно, что разные авторы наделяют этот термин разным содержанием.

Короче, вот общее правило: *поясняются все специальные термины, являющиеся ключевыми категориями вашей концепции.*

Во-вторых, нельзя изначально предполагать, что подготовка читателя равна вашей подготовке. Если вы пишете диплом о Вольтере, можно в общем ждать, что адресат представляет себе, кто это такой; но диплом, посвященный Феличе Каваллотти, небесполезно начать со справки, пусть немногословной, о том, когда он жил, где родился и от чего скончался. В данный момент у меня под рукой два диплома филологического факультета: по Джован Баттисте Андреини и по Пьеру Ремону де Сент-Обену. Я готов заложить голову, что спросив сто университетских профессоров, специалистов по философии и истории литературы, об этих ползабывтых сочинителях, — вряд ли от одного или от двух дождешься ответа. Тем не менее первый из двух дипломов начинается (плохо начинается!) со следующего:

Исследование творчества Джован Баттисты Андреини восходит к списку его произведений, составленному ученым Леоне Аллаччи, теологом и эрудитом, родившимся в Греции (Хиос 1586 — Рим 1669), активным деятелем... и т.д.

Законное недоумение охватывает читающего, кому рассказыывают все об Аллаччи, изучившем Андреини, но ничего об Андреини. Автор диплома возразит: да ведь Андреини герой диплома!

Вот именно, отвечу я, если он такой герой, то познакомь с ним любого, кто станет читать твоё исследование, не думай только о руководителе, который сам тебе о нём сказал. Твой текст — не личное письмо руководителю, а, в потенциале, послание, адресованное всему населению планеты.

Второй диплом начат гораздо более удачно:

В центре нашего внимания текст, опубликованный во Франции в 1747 году, принадлежащий автору, оставившему по себе крайне мало следов. Имя автора Пьер Ремон де Сент-Обен....

После этого речь ведётся о памятнике и о его значении. На мой взгляд, начало хорошее. Я узнаю, что Сент-Обен жил в восемнадцатом веке, а что его имя мне ничего не говорит, это нормально, поскольку он оставил крайне мало следов.

V.2. Интонация

Решив, к кому адресоваться (*ко всему человечеству, не только к своему оппоненту!*), следует найти интонацию. Это очень деликатное дело. Будь на свете универсальные правила, все бы были великими писателями. Можно только посоветовать переписать диплом несколько раз или написать что-либо другое до того, как начнете работать над дипломом, поскольку писанье — ещё и вопрос тренировки; в любом случае могу попробовать дать вам несколько самых общих рекомендаций.

Не стройте из себя Пруста. Если фразы выходят слишком длинные, пишите как выходят, но потом члените. Не опасайтесь дважды повторить подлежащее. Избегайте местоимений и притачных предложений. Не пишите:

Пианисту Витгенштейну, брату известного философа, автора труда «Логико-философский трактат», в наше время общепризнанного в качестве шедевра современной философии, посчастливилось получить от композитора Равеля концерт для левой руки, так как ему не посчастливилось лишиться правой руки в ходе Первой мировой войны (1914—1918).

Пишите лучше так:

Пианист Витгенштейн, брат философа Людвиг Витгенштейна, лишился на войне правой руки. Французский композитор Морис Равель написал специально для него концерт для левой руки.

Или даже так:

Один из братьев философа Людвиг Витгенштейна (автора знаменитого «Логико-философского трактата») был пианистом. На войне пианист Витгенштейн лишился правой руки. Поэтому французский композитор Морис Равель создал концерт для левой руки и посвятил его Витгенштейну.

Не пишите ни в коем случае:

Ирландский писатель отринул семью, родину, религию, оставаясь верным лишь призванию, не давая повода назвать себя политизированным писателем, пусть кое-кто и считал его «социалистом» и почти «фабианцем». С начала Второй мировой войны он подчеркнуто не обращал внимания на охватившую Европу трагедию, занимаясь исключительно «Поминками по Финнегану».

Пишите уж, коли на то пошло:

Джеймс Джойс отринул семью, родину, религию. Он остался верным своему призванию. Безусловно, его нельзя назвать политизированным писателем, хотя некоторые критики считают, что он был «социалистом», примыкал к группе «фабианцев». Когда началась Вторая мировая война, Джойс подчеркнуто стремился не обращать внимания на трагедию, вершившуюся в Европе. Джойса занимала в это время только работа над «Поминками по Финнегану».

И очень вас прошу не писать ничего в стиле, похожем на «изысканную словесность»:

Когда Штокхаузен рассуждает в терминах «групп», он не восходит к последовательностям ни Шенберга, ни даже Веберна. Немецкий музыкант, перед лицом запрета на повторение любой из двенадцати нот до окончания последовательности, не смирился бы с ним. Само понятие «пучков» («clusters») структурно более гибко, нежели понятие последовательностей. В то же время и Веберн не соблюдал жесткие принципы автора «Спасшегося из Варшавы».

Сочинитель «Мантры» действует радикальнее. При этом следует различать различные этапы его творческого развития. О том же свидетельствует и Берио: невозможно считать этого автора сериалистом-догматиком.

Тут вообще нельзя понять, о ком речь. Вдобавок обозначать кого-то как «автора определенных произведений» логически некорректно. Существует дурацкая мода (внедряемая, кажется, учебниками изящного письма) вместо того, чтобы пять раз повторить «Данте», прикрываться словами «сочинитель "Божественной комедии"». Однако автор «Комедии» не тождествен Данте-персонажу «Комедии» и не тождествен Данте-личности во всей многогранности, поскольку существуют различия между Данте — автором «Новой жизни» и Данте — автором «Комедии» (хотя с юридической и библиографической точек зрения это, конечно, одно и то же лицо). Поэтому я переписал бы вышеприведенный отрывок в таком духе:

Штокхаузен, употребляя термин «группы», не имеет в виду ни «последовательности» Шенберга, ни «последовательности» Веберна. Штокхаузен не смирился бы с запретом повторять какую-то из двенадцати нот, пока не завершится последовательность. Штокхаузен использует «пучки» («clusters»), которые по своей структуре более гибки, нежели «последовательности».

Уже и Веберн не полностью соблюдал жесткие правила Шенберга. Но Штокхаузен пошел дальше Веберна. Отметим еще, что у Веберна манера менялась в зависимости от периода. По мнению композитора и музыкального критика Лучано Берио, Веберна невозможно считать сериалистом-догматиком.

Также не стройте из себя и е.е.каммингса. Каммингс — американский поэт, который требовал, чтоб его имя и фамилию набирали строчными буквами. Он также, как полагается, экономил запятые, рубил стихи и вытворял все то, что авангардному поэту вытворять полагается. Но вы не авангардный поэт. И дипломная работа — не авангардная поэзия. Будь ваш диплом по Боттичелли, вы ведь его бы не рисовали? Ну и работая над дипломом по футуристам, не обезьянничайте их приемы. Это важное предостережение, потому что многие в нашу эпоху имеют склонности к нестандартному письму и ниспровергают клише научного сти-

ля... Между тем языку диплома следует быть *метаязыком*, то есть таким, на котором описываются другие языки. Психиатр, например, описывает творчество душевнобольных, но он же не выражается как помешанный. Я не хочу сказать, что так называемые душевнобольные плохо выражаются. Вы имеете право — и, возможно, будете правы — возразить, что лишь душевнобольные и выражаются хорошо. Но если в этом состоит дипломная гипотеза, у вас есть только две возможности. Либо вовсе не пишете диплом и реализуйте свою нестандартную личность, наплевав на университет и занимаясь, скажем, игрой на гитаре. Либо пишете его, но тогда уж потрудитесь объяснить, почему язык умалишенных не безумен, а чтобы это объяснить, примените академический стиль, умопостижимый для всех читателей.

Псевдопоэт, сочиняющий диплом в стихах, — пустобрех и бракодел. От Данте до Элиота и от Элиота до Сангвинети поэты-модернисты, писавшие о собственных стихах, говорили прозой и вдобавок очень внятной. Маркс, писавший о рабочих, высказывался не как рабочий, он высказывался как философ. Да, когда он с Энгельсом создавал «Манифест» 1848 года, Маркс работал публицистическим, отрывистым, эффектным, провокационным стилем. Но совсем другой стиль он избрал для «Капитала», адресованного экономистам и образованным политикам.

Не заявляйте, что поэтическая стихия «стучит в ваше сердце» и вы не в состоянии подчиниться ограничениям плоского, низменного языка науки. Вы поэт? Не кончайте института. Монтале институтов не кончал, но он величайший поэт и без института. Гада кончил технический институт, писал криво и косо, жаргон, диалект, стилистические выверты; но когда его попросили составить руководство для радиожурналистов, он создал серию сочных, остроумных и спокойных рецептов написания хорошей прозы, эти рецепты понятны любому человеку. Монтале в своих критических статьях умеет быть ясным даже для тех, кому его поэзия непонятна.

Почаще делайте абзацы. Делайте их, когда меняется тема, когда требуется ритм, и вообще чем чаще, тем лучше.

Пишите все, что вам приходит в голову, но только в черновике. Потом вы обнаружите, что увлеклись и сбились с основной дороги. В следующей редакции вы вырежете все, что было отступлением, уберете все пассажи в скобках и переставите их в сноски или в приложения (см. ниже). Цель диплома — доказывать гипотезу, заявленную в предисловии, а не демонстрировать, что вы знаете все обо всем на свете.

Используйте руководителя как подопытного кролика. Надо устроить так, чтобы руководитель прочел первые главы (а впоследствии и полный текст) как можно раньше срока сдачи диплома на комиссию. Реакция руководителя имеет большое значение. Если руководитель очень ленив (или очень занят), используйте приятеля. Убедитесь, что хоть кто-то понимает то, что вы пишете. Не играйте в гениального отшельника.

Не зацикливайтесь на том, чтоб писать с начала. Может, раньше всего вы созреете писать четвертую главу, параграф пятый. Оттуда и начинайте с непринужденностью, как будто вы уже довели до ума все предшествующие главы. Не бойтесь. Разумеется, надо иметь отправную точку, но у вас же есть «содержание», которое вам сопутствует с первой минуты до последней минуты (см. раздел IV. 1).

Не употребляйте восклицаний и многоточий и не поясняйте юмор. Сознавайте, когда вы пользуетесь *функциональным* и когда — *фигуральным* стилем. Под *функциональным* я подразумеваю стиль, именующий все предметы их именами, признаваемый всеми, исключаящий разночтения. «Курьерский Венеция — Милан» есть *функциональное* название поезда; тот же поезд числится в железнодорожном справочнике под *фигуральным* названием «Лагунная стрела». Этот пример, в частности, показывает нам, как и в практической жизни вполне может применяться язык с элементами образности.

Для критической работы, научного текста всегда предпочтительнее функциональный ключ, все термины должны быть унифици-

рованными и однозначными. Но время от времени могут вводиться и метафоры, ирония, литоты. Приведем отрывок функционального стиля, а затем аранжируем его с фигуральным нюансом.

Функциональный. Краснополяский не достигает глубинного проникновения в поэтику Даниели. Интерпретируя, он находит в тексте автора мотивы, которые автор, по всей видимости, не подразумевал. В стихе «а вечером глядеть на тучи...», который Ритцем трактуется как стандартная пейзажная зарисовка, Краснополяский находит символику, отсылающую к теме поэтического творчества. Невозможно целиком принять позицию Ритца, но и с Краснополяским невозможно согласиться. П. Хилтон заметил по этому поводу: «Ритц напоминает рекламу турбюро, Краснополяский великопостную проповедь», и добавил: «Воистину идеальная пара критиков!»

Фигуральный. Нельзя сказать, чтобы Краснополяский достиг глубинного проникновения в поэтику Даниели. Разбирая авторский текст, он, похоже, во многом перегнул критическую палку. Так, стих «а вечером глядеть на тучи...» Ритц услышал как простую пейзажную зарисовку; Краснополяский же заставляет звучать в нем символические струны, отзвуки поэтического творчества. Не то чтобы позиция Ритца поражала пронизательностью, но и по отношению к Краснополяскому уместно соблюдать дистанцию. Как подмечено П. Хилтоном, Ритц напоминает рекламу турбюро, а Краснополяский великопостную проповедь, чем составляет воистину идеальная пара критиков.

Сами видите, что в фигуральной версии применяются разные фигуры риторике. Прежде всего *литота*. Говоря «мы не вполне убеждены, что некто достиг глубинного», обычно передают тот смысл, что «мы убеждены, что некто не достиг глубинного» и даже не достиг никакого. Есть и *метафоры*: «перегибать критическую палку», «звучать струнам». Говоря «не то чтобы позиция Ритца поражала пронизательностью», вызываем к жизни новую *литоту*. Параллели с рекламой турбюро и великопостной проповедью — это два *уподобления*, в то время как слова насчет просто идеальной пары критиков — чистой воды *ирония*, фигура, которая утверждает нечто, разумея как раз обратное.

Так вот, риторические фигуры или надо уметь применять, или вообще не надо применять их.

Можно решить применять их, но при условии, что вы убеждены: читатель в состоянии увидеть и расшифровать их, и убеждены,

что этот стиль полезен для вашей темы, чтоб она прозвучала отчетливее и хлестче. Тогда не жеманьтесь и, в особенности, не оправдывайтесь. Может, вам кажется, что читатели круглые идиоты? Раз так, не обращайтесь к ним в переносном смысле. Однако писать в переносном смысле, а затем объяснять этот смысл — значит уж точно выставить читателя идиотом. Он отомстит, сочтя дурнем вас. Так не будьте же смущающимся шутником в таком роде:

Стиль фигуральный с оговорками. Мы вовсе не убеждены, что Краснопольский, выражаясь образно, достиг «глубинного проникновения» в поэтику Даниели. Разбирая авторский текст, он, так сказать, «перегнул критическую палку». Стих «а вечером глядеть на тучи...» Ритцу пришло (с чего бы?) в голову интерпретировать как **простую пейзажную зарисовку** (!), а Краснопольский расслышал, непонятно как, в этих словах символические струны и притянул... **поэтическое мастерство!** Нет, «позиция» Ритца не поражает пронизательностью... Но (теперь уже серьезно) и от «позиции» Краснопольского не худо бы (мягко говоря) держаться подальше! Как подмечает П. Хилтон, анализ Ритца напоминает ему... рекламатурбюро (?!), а анализ Краснопольского — великопостную проповедь, чем составляется, как выразился Хилтон с тонким юмором, просто идеальная пара критиков.

Я сознаю, что на практике мало кто доходит до такого мещанства, чтоб впихнуть все эти тонны кавычек, все эти восклицания и вопросы в такой коротенький текст, переполнив его извинительными хихиканьями и подкашливаниями в кулачок. Я нарочно сгустил здесь краски (и вот теперь сам это объясняю, но лишь потому, что в данном случае для учебных целей необходимо, чтобы пародия воспринималась как таковая).

Этот третий пример в концентрированном виде содержит все порокисочинителей-дилетантов.

Ужасны кавычки, оформляющие юмор. Ужасны многоточия, предупреждающие: «Вот сейчас я вас ошарашу!» Детский сад. Единственно куда многоточия позволительно ставить, это, как будет скоро объяснено, внутрь цитируемого отрывка, при обозначении выпущенных слов. Ну в крайнем случае можно поставить многоточие в конце неоконченного перечня, чтобы показать, что перечень можно было бы продолжить. А эти восклицания — им

вообще не место в нехудожественном тексте. Да, знаю, в данной книге, если как следует поискать, отыщутся два или три восклицательных знака. Но два или три — это исключения, подтверждающие правило, и они должны быть вставлены эффектно, так, чтобы читатель подскочил на своем стуле, чтоб ему накрепко засело в голову какое-то важное предупреждение в следующем духе: «Никогда не позволяйте себе того-то и сего-то!» А вообще в письме на бумаге хороший тон — это тихий тон. Если вы тихо скажете что-то эпохальное, эффект будет громовый.

В-третьих, в последнем примере содержатся извинения за шутки и указывается, где точно автор пошутил. Если вы боитесь, что шутка пройдет незамеченной, потому что она чересчур изящна, может быть, как-то и надо бы ее обозначить, но писать «как выразился Хилтон (с тонким юмором), просто идеальная пара критиков» после того как Хилтон обозвал работы этих критиков рекламой турбюро и великопостной проповедью, совершенно излишне, потому что никакой тонкости тут нет, юмор уже замечен всеми. То же распространяется на фразу «теперь уже серьезно». К ней можно прибегнуть, дабы резко переменить стилистический регистр отрывка, — в случае, если перед тем вы действительно шутили, а сейчас перестаете. В нашем же примере никаких шуток не было, применялись ирония и метафоры, а они — не шутки, а серьезнейшие риторические фигуры.

Вы можете заметить, что в настоящей книге я дважды допускал парадоксальное высказывание и тут же пояснял, что шучу. Но я пояснял не потому, что опасался, будто вы без меня этого не уловили. Наоборот, я пояснял, так как опасался, что вы слишком даже уловили и могли решить, что если это шутка, то и вникать в нее незачем. И мой долг был сказать, что невзирая на парадоксальную форму, я вкладывал в эти высказывания достаточно серьезный смысл. А разжевывать такие вещи мне приходится из-за того, что книга моя — учебник, и следовательно, хоть я и за красивый слог, но еще для меня важнее быть досконально понятым. Однако если бы я писал обычную статью, я бы шутил без разъяснений.

Вводите определения всех терминов, когда они появляются в первый раз. Не можете дать определения термина — не употребляйте. Если речь об одном из главных терминов вашего диплома, а вы не можете дать ему определение — бросайте писать диплом. Вы ошиблись в выборе темы (или профессии).

Не объясняйте, где находится Париж, если потом не намерены объяснять, где находится Тимбукту. Мурашки бегут по спине от некоторых дипломов с фразами вроде: «Еврейско-голландский философ-пантеист Спиноза описывается у Гуццо...» Послушайте! Или вы пишете о Спинозе, и тогда ваш читатель уж что-что, но кто такой Спиноза, уже от вас слышал (более того, надо думать, вы ему успели даже рассказать, что существует на свете Аугусто Гуццо — спинозовед?) Или вы пристегиваете это рассуждение просто к слову о философах, в контексте сочинения по ядерной физике; тогда не требуйте, чтоб читатель, которому надо объяснять, что есть Спиноза, знал бы, что такое Гуццо. А может, вы работаете над обзором итальянской философии периода после Джованни Джентиле? Тогда читателям знакомо имя Гуццо, но им, безусловно, знакомо и имя Спинозы.

Не надо писать даже в дипломах по истории «Т. С. Элиот, английский поэт» (не говоря уж о том, что Элиот родился в Америке). Элиота знают все. В крайнем случае, если для вас так уж важно, что какую-то тему поднял именно английский гений, пишите так: «Это был английский поэт: Элиот». Однако если у вас диплом именно об Элиоте, найдите в себе достаточно научного смирения и приобщите к тексту все возможные и воображимые данные. Не в самом предисловии, так хотя бы в сносках к предисловию, по возможности ближе к началу, будьте обстоятельны и аккуратны, соберите в десяти строках основные факты его биографии. Никем не сказано, что читатель, каким бы он ни был профессионалом, обязательно знает на память, в каком году Элиот родился.

Все это тем более распространяется на малоизвестных сочинителей давних эпох. Не требуйте, чтобы публика знала, кто та-

кие эти люди. Объясните сразу, кто они, чем знамениты, где и когда жили. Да пусть даже ваш герой Мольер, ну что вам стоит сделать сносочку с годом рождения — годом смерти? Никогда нельзя знать заранее. Может, кому-то и пригодится.

Я или мы? Выразаться ли от первого лица? Писать ли «я полагаю, что...»? Некоторым «я» кажется даже приличнее, нежели «императорское» «мы». Лично мне научное «мы» не кажется императорским. По-моему, пишущий «мы» имеет в виду себя плюс читателя. В процесс писания вовлечены две стороны. Я пишу для того, чтоб ты читал и воспринимал то, что я излагаю. В крайнем случае можно попытаться как-то обходить личные местоимения и использовать безличные конструкции, то есть: «можно сделать вывод», «представляется доказанным», «в данном случае следует сказать», «кажется», «невозможно согласиться еще и потому что», «анализ этого текста дает...» и так далее. Не надо писать «статья, которую я только что процитировал» или «статья, которую мы только что процитировали», если можно написать «только что процитированная статья». Но все-таки, на мой вкус, вполне допустимы фразы типа «только что процитированная статья убеждает нас, что...», поскольку выражения подобного рода далеки от культа личности — или личностей.

V.3. Цитирование

V.3.1. Когда и как цитируют: десять правил

Обычно в дипломной работе бывает много цитат: цитаты из предмета вашего диплома и цитаты из критической литературы по вопросу. Следовательно, цитаты бывают двух разновидностей: а) цитируются тексты и затем им дается интерпретация; б) цитируются тексты в поддержку высказанного суждения.

Трудно сказать, предпочтительнее ли цитировать обильно или скупно. Это зависит от характера диплома. Критический анализ какого-либо автора, естественно, предполагает, что большие куски из его произведений будут переписаны, а после этого разобраны. В иных же случаях цитата бывает признаком нерадивости:

это когда дипломник не желает или не может резюмировать некое множество данных и перекладывает весь труд на плечи читателей диплома.

Приведем десять правил цитирования.

Правило 1. Отрывки, предназначенные для интерпретации, должны быть не слишком коротки и не слишком длинны.

Правило 2. Отрывки из критической литературы цитируются только тогда, когда они авторитетно подтверждают или авторитетно дополняют высказанное нами мнение.

Согласно первому правилу, если цитата для анализа длиннее, чем полстраницы, значит, что-то не в порядке. Наверное, вы выбрали для анализа чересчур пространный пассаж и, следовательно, не осилите досконального его разбора. А может, вас интересует не отрывок, а весь текст целиком, то есть не разбор, а общая оценка... В подобных случаях, то есть когда текст важен, но чересчур пространен, лучше отправить его целиком в приложение, а в тексте глав цитировать только отдельные фразы.

Согласно второму правилу, цитаты из критической литературы не имеют права на жизнь, если не вводят новый смысл или не подтверждают то, что прежде говорилось вами, причем подтверждать они должны авторитетно. Покажу две бесполезные цитаты.

Массовые коммуникации представляют собой, как говорит Маклюэн, «один из центральных феноменов нашего времени». Не следует забывать, что, согласно утверждению Савоя, у нас в стране два жителя из троих проводят третью часть дня перед телеэкраном.

Что ошибочно или наивно в этих двух примерах? Во-первых, массовые коммуникации представляют собой один из центральных феноменов нашего времени не только по мнению Маклюэна, но и по мнению любого нормального человека. Не исключается, что Маклюэн тоже так полагает (я, впрочем, не смотрел у Маклюэна, а наобум выдумал цитату). Но для подобной очевидности

незачем опираться на чьи-то авторитеты. Во-вторых, статистические данные о телезрителях, видимо, верны, но Савой не является ни для кого авторитетом (я изобрел Савоя прямо на ходу), между тем как следовало бы обратиться к результатам опросов известного статистического агентства или опубликовать цифры, собранные лично вами, причем необходимо было бы в «Приложении» воспроизвести критерии опроса, его методологию, опубликовать конкретные подсчеты, — а не притягивать за уши какого-то Савоя. Уж лучше написали бы «думается, двое из троих у нас в государстве не менее трети дня проводят у телевизора».

Правило 3. Предполагается, что вы солидарны с тем, что цитируете, за исключением случаев, когда перед цитатой или после нее помещена ваша полемическая оговорка.

Правило 4. При любом цитировании должно быть ясно, кто автор фразы и на какой печатный либо рукописный источник ссылается текст. Ссылка может быть оформлена по-разному:

а) посредством цифры и сноски. Особенно если автор цитируется в первый раз;

б) посредством указания источника в скобках (фамилия автора и год публикации, подробнее см. в пункте V.4.3);

в) посредством простого указания в скобках страницы оригинала. Это в случае, если вся глава или вся работа посвящены разбору какого-то исходного текста.

См. пример в таблице № 15: как может выглядеть страница образцового диплома с названием «*Мотивы богоявления в "Портрете художника в юности" Джеймса Джойса*». Было единожды определено произведение, которому посвящена вся работа; указано, к какому изданию относятся цитаты: для простоты выбрано издание переводное, этот выбор мотивирован и авторитетностью переводчика; имя переводчика названо; а затем каждый раз в скобках указывается страница.

Второстепенные источники цитируются развернуто в примечаниях.

Таблица № 15

ПРИМЕР ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ЦИТИРОВАНИЯ В ТЕКСТЕ

В тексте романа «Портрет художника в юности» мы находим те же картины экстаза, которые еще в «Стивене Герое» связывались с богоявлением:

Мерца и дрожа, дрожа и распускаясь вспыхивающим светом, раскрывающимся цветком, развертывался мир в бесконечном движении, то вспыхивая ярко-алым цветком, то угасая до белейшей розы, лепесток за лепестком, волна света за волной света, затопляя все небо мягкими вспышками однаярче другой (стр. 219)*.

Как мы видим, с самого начала «подводный» колорит сменяется «пламенным». Думается, оригинальный текст четче передает эту тему огня посредством такой игры с лексикой, как «a brakin light», «wave of light by wawe of light» и «soft flashes».

Нами показано, что в «Портрете...» метафоры огня встречаются с повышенной частотой и слово «fire» употреблено 59 раз, а «flame» и производные от «flame» — 35 раз¹. Прибавим к этому, что мотив Богоявления ассоциируется с мотивом огня; это дает нам ключ к рассмотрению взаимосвязей раннего Джойса и Д'Аннунцио, в частности на материале даннунцианского романа «Пламя». Обратимся опять к этому отрывку:

Или из-за слабости зрения и робости души преломление пылающего, ошутимого мира сквозь призму многокрасочного, богато украшенного языка доставляет ему меньше радости... (стр. 211)**.

где ритительно сходство с одним из пассажей «Пламени», а именно:

привлеченная этой атмосферой, раскаленной, будто внутренность кузни...

¹ L. Hancock, *A Word Index to J. Joyces Portrait of the Artist*, Carbondale, Southern Illinois University Press, 1976.

* Пер. М. П. Богословской-Бобровой под ред. С. С. Хоружего.

** Пер. М. П. Богословской-Бобровой под ред. С. С. Хоружего.

Правило 5. Цитаты из первостепенных источников, как правило, делаются по академическим собраниям, или же по самым уважаемым, лучше не карманным, изданиям. В случае латинских и греческих авторов и средневековых классиков может быть достаточно параграфа, главы, строки — зависит от устоявшейся традиции (см. раздел III.2.3). Если автор современный и переиздавался неоднократно, лучше цитируйте или самое первое, или последнее, отредактированное и переработанное издание. Первое цитируется в случае если все остальные — просто перепечатки. Последнее — если автор вносил последующие исправления. В любом случае сообщайте, что имели место первоиздания и переиздания, и укажите, по какому вы цитируете (см. пункт III.2.3).

Правило 6. Если вы изучаете иностранный текст, цитаты из первоисточника делайте на языке оригинала. Это правило — стопроцентное для художественных произведений. К таким цитатам можно добавлять и перевод, в скобках или в примечаниях. Исключения из этого правила (только перевод) должны быть особо мотивированы (см. выше).

Относительно нехудожественных текстов — советуйтесь с научным руководителем. Когда вы анализируете не стиль, а мысль, но в высказывании для вас имеют значение стилистические оттенки (скажем, при комментировании философских текстов), надо привести всю фразу на языке оригинала и непременно дать перевод, поскольку перевод будет содержать и предпосылки вашей интерпретации. А когда вы цитируете иностранного исследователя только ради информации, ради статистических или исторических сведений, ради общего суждения, достаточно процитировать перевод: либо берите самый общепринятый из опубликованных, либо даже сами переводите как умеете, только не вынуждайте читателя постоянно перепрыгивать с языка на язык. Не забудьте пояснить, каково оригинальное название труда и кто автор перевода.

Наконец, бывает, что цитируется художественное произведение, но оно интересует нас не с точки зрения стиля, а с точки зрения философских идей. В этих случаях надо тонко решать. Если

цитат много и они идут подряд, возьмите устоявшийся перевод и заимствуйте оттуда, дабы ваша речь текла плавно, а если вам уж очень нужно подчеркнуть какой-то непере译имый оттенок стиля, вставьте это слово на языке оригинала. Так мы поступим в примере с Джойсом (табл. № 15). См. также пункт (в) правила 4.

Правило 7. Отсылка к автору и произведению должна быть ясной. Вот пример бестолковой ссылки:

Согласимся с Васкесом в его утверждении, что «рассматриваемый вопрос далек от разрешения»¹ и, пренебрегая пресловутой позицией Брауна², по мнению которого «наконец-то освещается надлежащим образом эта животрепещущая проблема», станем на сторону нашего автора, согласно которому «немало препятствий предстоит еще преодолеть, прежде чем будет достигнута удовлетворительная степень ясности по данной теме».

Первая цитата, несомненно, взята из Васкеса, вторая — из Брауна. Но кому принадлежит третья цитата, непонятно, хотя из содержания вытекает, что вроде бы Васкесу. Даже если так, на какой странице Васкеса она находится? Учитывая, что первая васкесовская цитата отсылает на страницу 160, куда адресует читателя вторая — туда же или на другую страницу? А может, третья фраза все-таки из Брауна? Чтоб избежать невнятицы, текст следовало оформить так:

Согласимся с Васкесом в его утверждении, что «рассматриваемый вопрос далек от разрешения»¹ и, пренебрегая пресловутой позицией Брауна, по мнению которого «наконец-то освещается надлежащим образом эта животрепещущая проблема»², станем на сторону нашего автора, согласно которому «немало препятствий предстоит еще преодолеть, прежде чем будет достигнута удовлетворительная степень ясности по данной

¹ Roberto Vasquez, *Fuzzy concepts*, London, Faber, 1976, p. 160.

² Richard Braun, *Logik und Erkenntnis*, München, Fink, 1968, p. 345.

¹ Roberto Vasquez, *Fuzzy concepts*, London, Faber, 1976, p. 160.

² Richard Braun, *Logik und Erkenntnis*, München, Fink, 1968, p. 345.

³ Vasquez, *op. cit.*, p. 161.

Заметьте, что в третьей сноске мы написали: Vasquez, *op. cit.*, p. 161. Будь цитируемая фраза на той же самой странице, что предыдущая (160), можно было бы написать: Vasquez, *ibidem*. Однако боже нас упаси писать там «*ibidem*» без «Vasquez». Это бы значило приписать отрывок Брауну. Имейте в виду, что «*ibidem*» значит «в том же самом месте», и ставится только если вы имеете в виду того же автора и ту же страницу, которая указана выше. А вот если бы в тексте, вместо того чтоб писать «станем на сторону нашего автора», мы написали бы «станем на сторону Васкеса», и вдобавок цитата бы бралась с той же самой 160-й (а не со 161-й) страницы, можно было бы обойтись в третьей сноске кратким «*ibidem*». С одним условием: что о Васкесе и об этом самом его сочинении действительно говорилось прямо-таки несколькими строчками выше, в любом случае — не более двух сносок назад. Если последний раз речь о Васкесе велась десятью страницами прежде, гораздо правильнее повторить в примечании ссылку в развернутом виде или хотя бы «Vasquez, *op. cit.*, p. 160».

Правило 8. Когда цитата не превышает объемом двух или трех строчек, ее можно вставить прямо внутрь в абзац, ограничив кавычками-лапками, как вот прямо здесь показываю я, приводя в пример справочник редактора и корректора, согласно которому «текстуальные цитаты, не превосходящие своей длиной трех строк, не выделяются абзацным отступом, а заключаются в кавычки-лапки»¹. Если же цитата занимает больше места, ее выделяют *втяжкой*, вдобавок печатают с меньшим интервалом (если весь текст диплома набран через два интервала, наберите цитаты через полтора). В этом случае кавычки уже не требуются, так как очевидно, что все куски текста со *втяжкой* и с уменьшенным интервалом — цитаты. Главное — не забывать и не оформлять такой же графикой ваши собственные наблюдения или ваши второстепенные

¹ W.G.Campbell e S.W.Ballou, *Form and Style*, Boston, Houghton Mifflin, 1974, p. 40.

мысли (их отправляйте в примечания). Вот образец двойной цитаты со втяжкой¹:

Когда текстуальная цитата превышает своей длиной три строчки, она выделяется графически: после абзачного отступа, печатается отдельно одним или несколькими абзацами, с уменьшенным интервалом.

Членение на абзацы оригинала сохраняется в цитате. Абзацы, следующие подряд в оригинале, разделяются одним интервалом. Абзацы, взятые из разных источников и не разделенные разъясняющим текстом, должны разделяться двойным интервалом².

Втяжка применяется в случаях, когда цитаты отличаются значительным количеством и значительным объемом... Кавычки при втяжных цитатах не применяются³.

Графический прием удобен, так как наглядно выявляет цитаты, позволяет проскочить их тому, кто читает по диагонали, позволяет смотреть одни только цитаты, если читателя больше интересует исходный текст, нежели наши рассуждения о тексте. Наконец, графический прием позволяет мгновенно находить цитаты тем, кому они требуются для справок.

Правило 9. Цитаты должны быть абсолютно точны. Во-первых, слова должны приводиться в той же форме, в которой стоят в источнике. (Поэтому, закончив диплом, идеально было бы перепроверить все выписки по оригиналам, поскольку в процессе копирования или машинного перепечатывания всегда могли вкратиться какие-то ошибки.)

Во-вторых, нельзя выкидывать кусочки текста, никак этого не обозначив. Читателя следует оповещать о купюре. На месте

¹ Поскольку вы сейчас читаете не машинописный, а печатный текст, вместо выделения интервалом мы графически отграничиваем цитату шрифтом другого кегля (в машинке другого кегля *просто нет*). Другой кегль до такой степени заметен, что, как вы безусловно видели в других книгах, бывает, что и втягивать цитаты нет надобности. Здесь мы предлагаем втяжку, чтобы подчеркнуть, что это следует применять в машинописно оформленных работах.

² Campbell e Ballou, *op. cit.*, p. 40.

³ P. G. Perrin, *An Index to English*, 4a ed., Chicago, Scott, Foresman and Co., 1959, p. 338.

опущенных слов надо ставить *многоточие*, на месте опущенных предложений — *многоточие в угловых скобках*.

В-третьих, не искажайте текст своим вмешательством. Любые комментарии, пояснения, уточнения должны стоять *в прямых или угловых скобках*. Курсивы и подчеркивания, если они не авторские, а ваши, тоже должны оговариваться. Я приведу пример; кстати, в нем проповедаются правила, которые не соблюдаю я, его цитируя. Но именно этим самым демонстрируется, что критерии могут быть разные, важно, чтоб они соблюдались последовательно и постоянно.

При цитировании... могут встретиться некоторые проблемы... При решении исключить некоторую часть текста, пометьте купюру многоточием в прямых скобках [а я вам предлагал ставить многоточие без всяких скобок. — У.Э.] < ... > Если же будет вставлено пояснение или комментарий, возьмите его в угловые скобки [не будем забывать, что цитируется руководство для написания работ по французской лингвистике, в частности, по рукописным текстам, при цитировании которых должны довольно часто вводиться интерполяции и конъектуры. — У.Э.] [Впрочем, при публикации рукописей угловыми скобками обычно обозначается зачеркнутый текст, а прямыми скобками — развернутые цитирующим сокращенные слова. — *Ред.*]

Напоминаем: внимательно отнеситесь к французской орфографии, а также старайтесь *правильно и четко изъясняться на родном языке* [курсив наш. — У.Э.]¹

Если цитируемый вами автор, при всей его солидности, допускает очевидную ошибку выражения или содержания, пусть в цитате сохраняется ошибка, но рядом с ней в прямых скобках пусть стоит [sic] . Таким образом вы сообщите, что Савой утверждает, будто «в 1820 [sic] году после смерти Бонапарта европейская атмосфера преисполнилась сложной игры света и тени». Хотя я, по правде говоря, на вашем месте послал бы этого Савоя с его красотами куда подальше.

¹ R. Campagnoli e A.V.Borsari, *Guida alla tesi di laurea in lingua e letteratura francese*, Bologna, Patron, 1971, p. 32.

Правило 10. Цитата — почти свидетельское показание. Заботьтесь, чтоб у вас были свидетели защиты, чтоб вы знали, где их найти, и чтоб они внушали доверие. Всякая отсылка должна быть четкой и достоверной (нельзя цитировать, не указав, каково наименование книги и с какой страницы выписан текст), а также вполне проверяемой. Но тогда как же быть с фактами или оценками, дошедшими до нас посредством устной беседы, письма, рукописи? Их надо цитировать, ссылаясь на источник, и выглядеть это должно в таком примерно духе:

1. Устное сообщение (6 июня 1998 г.).
2. Частное письмо (6 июня 1998 г.).
3. Текст записан 6 июня 1998 г.
4. Дж. Смит, «Источники "Эдды" Снорри Стурлусона» (рукопись).
5. Дж. Смит, Выступление на XII съезде физиотерапевтов, рукопись (в печати, изд-во Mouton, The Hague).

Помните, что формы 2, 4 и 5 предполагают наличие у вас документов-подтверждений. Форма 3 гораздо менее серьезна, и даже непонятно: под «записан» имеется в виду запись на ленту или стенограмма? Что до формулы 1, только автор компетентен опровергнуть ваше свидетельство (если он тем временем не умер). Вообще всегда считается хорошим тоном, придав цитате окончательный вид, согласовать ее по почте с говорившим. Если речь идет о сведениях *величайшей* важности, вдобавок неопубликованных (новая формула, результат секретного исследования...), невредно вам заручиться бумагой, разрешающей публикацию, и присовокупить ее к диплому в качестве приложения. Разумеется, она должна быть подписана лицом, имеющим действительно солидную репутацию, а не первым подвернувшимся аспирантом.

Мелкие тонкости. Когда обозначаете купюру (три точки с угловыми скобками или же без скобок), имейте в виду:

Многоточие заменяет такие знаки препинания перед опускаемым текстом в цитате, как запятая, двоеточие, точка с запятой, тире... Многоточие может сочетаться с такими знаками препинания, как точка, точка с запятой, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, в

случаях, когда в тексте приводится перечень цитат с опущенными в конце каждой словами или с опущенными начальными словами. . . . сочетаются многоточие цитат и точка с запятой авторского текста, в который цитаты включены. . . . и когда одно предложение цитаты приводится полностью (оно и заканчивается одним из перечисленных в начале пункта знаков), а начальные слова следующего предложения цитаты опущены. Это позволяет читателю получить точное представление о структуре цитируемого текста.

Цитируя стихи, располагайте строки по академическому изданию. В любом случае внутри фразы может приводиться только одна строка стихов: «Шалтай-Болтай сидел на стене». Если строчки две, их можно цитировать, разделив косой скобкой: «...но знатная леди/и Джуди О'Грэди...» Если стихи длиннее, их надо набирать через уменьшенный интервал и со втяжкой:

В угожденье богу злата
Край на край встает войной,
И людская кровь рекой
По клинку течет булата...

Точно так же вы поступите с одной или двумя строками, если они воспринимаются как один из лейтмотивов творчества и, значит, составят собой предмет долгого последующего разбора, например, для поэтики Гете —

Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...

V.3.2. Цитата-парафраз-плагиат

Конспектируя источники на своих карточках, вы в свое время пересказали определенные мысли авторов критических работ (создали парафраз), а также привели в кавычках дословные выписки из источников.

Когда вы сядете сочинять текст, критических работ у вас под рукой уже может и не быть, и вы будете списывать все необходимое прямо с карточек.

Обязательно проверьте, чтобы списываемые вами куски действительно являлись парафразами, а не дословной выпиской из соответствующего источника. Если вы спишете незакавыченную цитату, в результате у вас получится плагиат.

Подобная форма плагиата попадает в дипломах нередко. Студент не слишком щепетильничает, поскольку в какой-нибудь сноске или в затекстовом примечании обязательно указано, что текст неким образом связан с таким-то автором. Но все же когда читающий видит, что перед ним на странице не пересказан, а попросту списан кусок источника, причем в незакавыченном виде, у него складывается неблагоприятное суждение о работе. Это касается и оппонентов, и любого, кто в будущем обратится к этому диплому либо для публикации, либо ради справок, либо чтобы посмотреть, как вы пишете.

Как обезопасить себя, чтобы парафраз не перешел в плагиат?

Прежде всего — спасает то, что парафраз (конспект) обычно короче подлинника.

Однако бывает и наоборот: в подлиннике в единой фразе или в кратком периоде сказано так много, что конспект создается путем удлинения, а не путем укорачивания оригинала. В этих случаях не надо невротически тревожиться, как бы не повторился исходный текст. В этих случаях и неизбежно и, более того, полезно, чтобы некоторые термины воспроизводились дословно.

Конечно, спокойнее всего вы будете себя чувствовать, создавая парафразы без подглядывания в подлинник: этим будет доказано не только что вы не воруете, но и что вы понимаете исходный текст.

Поясню на примерах. Возьмем (пример 1) кусок из книги Нормана Кона «Фанатики Апокалипсиса». В примере 2 приведем приличный пересказ. Пример 3: лжепересказ — замаскированный плагиат. Пример 4: то же, что пример 3, но без всякого плагиата, благодаря правильному закавычиванию.

1. Исходный текст

Появление Антихриста привело к еще большей напряженности. Поколение за поколением жило в непрерывном ожидании демона-разрушителя, при котором воцарятся хаос беззакония, смертоубийство и грабеж, палачество и разбои, но предвестится долгожданное скончание времен, Второе Пришествие и царство праведных. Все жили начеку, выискивали «знамения», которые, согласно прорицаниям библейских пророков, должны были предварить собой последние «смутные времена». А поскольку к «знамениям» могли относиться и злые правители, и гражданская рознь, и войны, засухи, голод, мор, кометы, внезапные смерти сильных мира сего и нарастающая греховность в мире, недостатка в «знамениях» никогда не бывало.

2. Честный парафраз

Этот аспект четко прослежен у Кона¹. В его работе описан момент напряжения, типичного для той поры: ожидание Антихриста, который выступал и как олицетворение царства зла, преисполненного разорения и скорби, и как предвестие так называемого Второго Пришествия (Parusia: возврат Христа во славе). В то время, отмеченное трагическими событиями, грабежами, разбоями, неурожаями и чумой, не было недостатка в «знамениях», которые, по заветам библейских пророков, истолковывались людьми как сигналы о приближении Антихриста.

3. Лжепарафраз

По мнению Кона [приводится выборка высказываний из разных глав его книги]. В то же время невозможно не учитывать, что появление Антихриста привело к еще более сильной напряженности. Поколение за поколением жило в непрерывном ожидании демона-разрушителя, при котором воцарятся хаос беззакония, смертоубийство и грабеж, палачество и разбои, но предвестится и долгожданное скончание времен, Второе Пришествие и царство праведных. Люди жили постоянно начеку, выискивали

¹ Norman Cohn, *I fanatici dell'Apocalisse*, Milano, Comunità, 1965, p. 128.

V. Как писать текст

«знамения», которые, согласно пророчествам библейских пророков, были призваны предварить собой последние «смутные времена». А так как к «знамениям» принято было относить и злых правителей, и гражданскую рознь, и войны, засухи, голод, мор, кометы, внезапные смерти сильных мира сего и нарастающую греховность мира, найти такие «знамения» не составляло труда.

4. Почти буквально, но без плагиата

Тот же Кон, уже цитированный выше, доказывает, что «появление Антихриста привело к еще большей напряженности». Несколько поколений жило в атмосфере непрерывного ожидания демона-разрушителя, «при котором воцарятся хаос беззакония, смертоубийство и грабеж, палачество и разбои, но предвестится долгожданное окончание времен, Второе Пришествие и царство праведных».

Люди постоянно были начеку, стараясь обнаружить «знамения», которые, согласно традиции библейских пророков, должны были предварить собой последние «смутные времена». А поскольку, замечает Кон, «к "знамениям" могли относиться и злые правители, и гражданская рознь, и войны, засухи, голод, мор, кометы, внезапные смерти сильных мира сего и нарастающая греховность в мире, недостатка в «знамениях» никогда не бывало»¹.

Совершенно очевидно, что чем трудиться сочинять парафраз четвертого типа, проще и лучше привести весь кусок из Кона как цитату.

Но чтоб иметь возможность так работать, надо быть уверенными, что на вашей конспект-карточке либо выписана цитата в безупречном виде, или сделан безупречный пересказ. В момент сочинения диплома, повторяю, источников под рукой у вас не будет, и вы не можете достоверно помнить, что происходило при конспектировании каждой книги. Поэтому отныне и впредь поступайте предусмотрительно. Вы должны быть стопроцентно убеждены, что если на конспект-карте кавычек нет, написанный на ней отрывок — парафраз, а не плагиат.

¹ Norman Cohn, *Ifanatici dell'Apocalisse*, Milano, Comunità, 1965, p. 128.

V.4. Подстрочные примечания

V.4. 1. Зачем нужны примечания

Есть весьма распространенная теория, согласно которой избыток сносок не только в дипломах, но и в книгах является проявлением начетничества, снобизма и желания пустить пыль в глаза. Да, конечно, отдельные пишущие злоупотребляют примечаниями, чтоб придать важность своей работе, и перегружают сноски ненужными сведениями, порою беззастенчиво грабя подручные критические источники. Но если отвлечься от таких крайностей, примечания, употребляемые в меру и со вкусом, необходимы и полезны. Что значит «в меру и со вкусом» — нельзя сказать, это зависит от характера диплома. Покажем на примерах.

а) *Примечания указывают источник цитаты.* Если источники вписывать внутрь текста, будет трудно читать. Разумеется, есть способ передавать эту информацию и без сносок (см. раздел V.4.3 о системе автор-дата). Однако и подстрочные примечания прекрасно подходят для этого. Примечание-ссылка на библиографию лучше смотрится в подстрочном виде, нежели в затекстовом (то есть в конце главы или в конце диплома), так как дает возможность единым взглядом охватить и *что* говорится и *о ком* говорится.

б) *Примечания отсылают к дополнительным источникам, подкрепляющим вашу мысль:* «см. по этой теме также такую-то работу». В этом случае тоже лучше размещать их внизу страницы.

в) *Примечания указывают параллельные места в вашей собственной работе и в чужих работах:* для этого в начале примечания ставят «сfg.» или «ср.» и приводят ссылку на соответствующий перекликающийся пассаж. Можно вставлять «сfg.» или «ср.» и непосредственно внутрь основного текста (этот принцип применен на страницах книги, которую вы сейчас читаете).

г) *В примечаниях подтверждаются мысли, высказанные в основном тексте.* Приводятся цитаты — дополнительные аргументы, которые не хочется вставлять прямо в текст, чтоб не сбиваться с основного рассуждения¹.

¹ «Любые важные сообщения, не являющиеся общепринятыми... должны подтверждаться доказательствами их достоверности. Доказательства могут помещаться и в тексте, и в постраничных сносках, и обоими способами сразу» (Campbell and Ballou, *op. cit.*, p. 50).

д) *В примечаниях распространяются мысли текста*¹. Это очень удобный способ, он позволяет убирать те периоды, которые хотя полезны, но утяжеляют восприятие, поскольку либо уводят от главного разговора, либо повторяют уже сказанное. Сноска — наилучшее место для таких периодов.

е) *В примечаниях корректируются идеи текста*. Предположим, вы уверены в собственной правоте, но знаете, что кое-кто с вашими выводами может быть и не согласен. В таком случае хороша сноска-уточнение, сноска-полемика. В ней вы продемонстрируете не только научную лояльность, но и способность смотреть на себя со стороны².

ж) Нужны примечания и для *перевода тех слов, которые в тексте понадобилось дать на иностранном языке*. Или же, наоборот, в сноске бывает полезно привести термин на языке оригинала.

з) *Примечания служат, чтоб возвращать долги*. Цитировать книгу, откуда заимствована мысль, значит оплачивать счет. Указывать автора, у которого взята идея или информация, значит возвращать долг. Порой, однако, выплачиваются проценты даже и по менее бесспорным векселям: так, в порядке научной корректности неплохо бы сообщать в примечании, скажем, что некоторые высказываемые вами мысли не могли бы появиться, не прочти вы такой-то вдохновившей вас книги, не побеседуй с ученым коллегой таким-то.

¹ Концептуальные сноски могут содержать и полемику с положениями текста, и концепции развития положений текста. Например, Кэмпбелл и Баллоу (*op. cit.*, p. 50) предлагают помещать в сноски: узкоспециальную полемику, частные комментарии, описание принципов, второстепенную информацию.

² В самом деле: провозгласив, до чего полезно употребление сносок, оговорим, что как подчеркнуто и в руководстве Кэмпбелла и Баллоу (*op. cit.*, p. 50) «использование сносок в научной работе требует осторожности. Надо внимательно следить, чтоб в примечания не переносилась принципиальная информация. Все, что служит общей идее или сообщает основные сведения, должно стоять в основном тексте». С другой стороны, как утверждают те же авторы (*ibidem*), «каждое подстрочное примечание обязано оправдывать свое существование». Мало что так раздражает, как сноски, всунутые ради красоты, не добавляющие ничего важного к *данному конкретному* рассуждению.

В то время как примечания типа *a*, *b* и *v* полезнее внизу страницы, примечания типа *z* — *z* могут отправляться и в конец главы и в конец работы, особенно если эти примечания длинные. В любом случае имейте в виду, *что примечание не имеет права быть слишком длинным*, иначе это уже не примечание, а *приложение* и в таком качестве должно размещаться и нумероваться сзади текста книги. Будьте последовательны. Или все примечания давайте под строкой, или все примечания выносите за текст, или размещайте короткие под строкой, а те длинные, что выносятся за текст, оформляйте как приложения.

И не забудьте опять-таки, что при анализе неизменных источников, то есть одних и тех же книг одного и того же автора, одних и тех же страниц дневника или одной и той же коллекции рукописей, писем или документов, есть способ обойтись без примечаний: попросту перечислите в начале работы те аббревиатуры, которые будут отсылать к первоисточникам, и вставляйте отсылки в круглых скобках прямо в текст туда, где надо: (аббревиатура-символ источника плюс страница книги или документа). В разделе III.2.3 приведены правила цитирования классиков. Придерживайтесь этих правил. Дипломная работа о средневековом авторе, который цитируется по латинской патрологии Миня, должна содержать отсылки типа: (PL, 30, 231). Тем же образом оформляйте отсылки к таблицам, схемам, иллюстрациям, включенным в текст или в приложения за текстом.

V.4.2. Принцип «цитата — примечание»

Поговорим теперь о том, каким образом оформлять библиографические ссылки. Если упомянут некий автор или приведена некая цитата — к этому месту текста должно существовать примечание, и в примечании должен указываться источник.

Конечно, очень удобны сноски постраничные: читателю в каждом случае сразу видно, о какой книге ведется речь. Плохо, что этот принцип ведет к дублированию информации! В самом деле: материал примечаний потом должен будет снова воспроизводиться в затекстовой библиографии (кроме тех редких случаев, когда источник, указываемый в примечании, слишком уж далек от темы

основного рассуждения. Автор диплома по астрономии, вставив в текст «Любовь, что движет солнце и светила...»¹, вполне имеет право не учитывать эту цитату в научной библиографии к работе). А одними подстрочными примечаниями, без затекстовой библиографии, обойтись нельзя. Окончательная библиография необходима для комплексного представления об использованных книгах и вообще о литературе по данной теме. Невежливо — обрывать читателя на рысканье по низам каждой страницы в поисках названий научных работ.

К тому же в завершающей библиографии, сравнительно с постраничными сносками, содержатся более полные сведения. Скажем, цитируя на иностранном языке текст зарубежного автора, внизу страницы можно дать только название оригинала. А в библиографии будет отмечено, кроме того, и наличие перевода. Далее. Библиографическая запись под строкой начинается с имени или инициалов автора, потом идет фамилия. В библиографическом же списке порядок — алфавитный, и в каждом случае сперва пишется фамилия, а уж потом имя. В тех случаях, когда первая публикация текста имела место в журнале, а вторая — в сборнике, который найти намного проще, запись в примечании спокойно может ограничиваться отсылкой на этот сборник. А в полной библиографии будет отмечено, что весьма важно, и первое издание. В подстрочной записи некоторые сведения ужимаются, укорачиваются, подзаголовки исчезают, не говорится, сколько страниц в цитируемом томе, а в библиографическом списке все это указывается: информация там гораздо более полная.

Мы показываем на примере таблицы № 16, как выглядит лист диплома с подстрочными примечаниями, а затем в таблице № 17 представляем те же самые записи в форме библиографического списка, чтобы выявилась разница.

Оговорим с самого начала: предлагаемый текст написан прямо для этой книги, он должен был вместить отсылки различного характера, так что я не могу поручиться ни за справедливость, ни за внятность излагаемого соображения.

¹ Данте, *Рай*, XXXIII, 145, пер. М.Л.Лозинского.

Еще добавим, что для экономии места библиография ужата до минимума, оставлены лишь основные элементы, и не учитываются те правила полноты и совершенства, которые я сам проповедовал в разделе III.2.3.

Библиография, приведенная в таблице № 17 как типовая, может оформляться по-разному. Можно набирать фамилии авторов прописными буквами. Книги, фигурирующие под AAVV, можно ставить под именем главного редактора, возможны и другие вариации.

Очевидно, что примечания по форме свободнее, чем библиография; в них не обязательно указывается первое издание статьи или книги. Цель примечания — определить, откуда взято нечто. Цель библиографии — исчерпывающая информация об этом «откуда».

В примечании номера страниц даются тогда, когда без них обойтись уже невозможно. Сколько страниц в издании — не говорится вовсе никогда. Не говорится и была ли переведена работа на язык вашей страны. Для этого существует библиография в конце работы, там все и будет подробно указано.

Что плохого в таком принципе? Да вот возьмем сноску 5. Статья Лакоффа опубликована в томе «Семантика», см. выше. Выше где? Вот повезло: выше тут же, в сноске 4. А если бы за десять страниц до того? В этом случае, идя навстречу читателю, пришлось бы, наверно, повторить библиографические данные «Семантики»... или прямо отослать читателя к затекстовой библиографии. Но в таком случае удобнее сразу применить принцип «автор-дата»; перейдем же к нему непосредственно.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА
«ЦИТАТА-ПРИМЕЧАНИЕ»

Хомский в своей концепции¹, даже признавая теорию интерпретационной семантики Катца и Фодора², согласно которой значение высказывания равно сумме значений простейших элементов этого высказывания, в то же время упорно отстаивает приоритетность глубинной синтаксической структуры как определяющей для значения³.

Безусловно, от этих начальных положений Хомский эволюционировал к более разветвленной концепции, превосходящейся, однако, уже в его ранних работах, где намечались спорные вопросы, суммированные им в статье «Глубинная структура, поверхностная структура и семантическая интерпретация»⁴, где семантической интерпретации отводилось промежуточное место между глубинной структурой и структурой поверхностной. Другие авторы, подобно Лакоффу⁵, выстраивали генеративную семантику, в которой сама синтаксическая структура порождается логико-семантической формой⁶.

¹ Довольно полное освещение этого научного направления см. Nicolas Ruwet, *Introduction à la grammaire generative*, Paris, Plon, 1967.

² Jerrold J. Katz and Jerry A. Fodor, «The Structure of a Semantic Theory», *Language* 39, 1963.

³ Noam Chomsky, *Aspects of a Theory of Syntax*, Cambridge, M.I.T., 1965, p. 162.

⁴ «Deep Structure, Surface Structure and Semantic Interpretation», в сборн. *Semantics*, сост. и ред. Дэни Д. Штейнберг и Леон Я. Якобовиц — D.D. Steinberg and L.A. Jakobovits, New York, Cambridge University Press, 1971.

⁵ «On Generative Semantics», в AAVV, *Semantics*, см. выше.

⁶ Среди последователей этого направления см. James McCawley, «Where do noun phrases come from?», в AAVV, *Semantics*, см. выше.

Таблица № 17

ПРИМЕР СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ЗАТЕКСТОВОЙ БИБЛИОГРАФИИ

AVVV, *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*, ed. by Steinberg, Danny D. and Jakobovits, Leon A., New York, Cambridge University Press, 1971, pp. X-604

Chomsky, Noam, *Aspects of a Theory of Syntax*, Cambridge, M.I.T. Press, 1965, pp. XX-252 [пер. — проставить название переводного сборника, город, издательство, год]

"—" «De quelques constantes de la théorie linguistique», *-Diogène* 51, 1965 [пер. — проставить название журнала, номер выпуска, год]

"—" «Deep Structure, Surface Structure and Semantic Interpretation» в AAVV, *Studies in Oriental and General Linguistics*, ed. by Jakobson, Roman, Tokyo, TEC Corporation for Language and Educational Research, 1970, pp. 52-91; ныне в AAVV, *Semantics* (см.), pp. 183-216

Katz Jerrold J. and Fodor Jerry A., «The Structure of a Semantic Theory», *Language* 39, 1963 (ныне в AAVV, *The Structure of Language*, ed. by Katz, J.J. and Fodor, J.A., Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1964, pp. 479-518)

Lakoff, George, «On Generative Semantics», в AAVV, *Semantics* (см.), pp. 232-296

McCawley, James, «Where do noun phrases come from?», в AAVV, *Semantics* (см.), pp. 217-231

Ruwet, Nicolas, *Introduction à la grammaire generative*, Paris, Plon, 1967, pp. 452

V.4.3. Принцип автор-дата

Во многих науках (и чем дальше, тем активнее) применяется принцип, позволяющий вообще обходиться без библиографических примечаний и употреблять только примечания концептуального характера (полемика, отсылки и пр.).

При этом принципе затекстовая библиография оформляется так, чтобы было выделено имя автора и дата первой публикации книги или статьи. Даю ниже на выбор несколько моделей такого оформления:

Corigliano, Giorgio
1969

Marketing - Strategie e tecniche, Milano, Etas Kompass
S.p.A. (2a ed., 1973, Etas Kompass Libri), p. 304

CORIGLIANO, Giorgio
1969

Marketing - Strategie e tecniche, Milano, Etas Kompass
S.p.A. (2a ed., 1973, Etas Kompass Libri), p. 304

Corigliano, Giorgio, 1969, *Marketing - Strategie e tecniche*, Milano, Etas Kompass S.p.A. (2a ed., 1973, Etas Kompass Libri), pp. 304

При библиографии такого вида вы получаете возможность, если в тексте заходит речь о чем-то, обойтись без цифирки и примечания под строкою, а написать так:

В маркетинговых исследованиях по рыночным брэндам «численность фокус-группы определяется исходя из конкретных целей опроса» (Корильяно, 1969:73). Но тот же Корильяно указывает, что «территория отбора респондентов назначается произвольно» (1969:71).

Читатель, естественно, глядит в библиографию в конце работы и понимает, что «Корильяно, 1969:73» означает страницу 73-ю книги «Маркетинг и иже с оным».

Такая система невероятно облегчает текст и удаляет восемьдесят процентов примечаний. Кроме того, выходные данные книги (или множества книг) вам придется переписывать лишь по разу, а не по сотне раз.

Потому эта система в высшей степени рекомендуется, когда есть нужда бесконечно цитировать много работ или все время ссылаться на одну и ту же работу. Текст не будет пестрить про-

тивнейшими маленькими сносками, сплошь состоящими из *ibidem* и *op.cit.* и доводящими до полной непроходимости, скажем, в случае общих обзоров истории вопроса:

Данная проблема углубленно прорабатывалась Пфумпфом (1945: 88-100), Бубабуэ (1968), Коккокакки (1969), Форлимпополи (1978), Колаккики (1978), Поддживонси (1982) и Гжибидзишевским (1985); между тем она совершенно игнорируется у Барбосо (1980), Кардосо (1978), Фейхоа-и-Пессоа (1987) и Инграссии (1990).

Если к каждому упомянутому имени вам пришлось бы приделывать экспонент и вводить снизу текста примечание с названием работы, страница стала бы похожа на переполненный трамвай, а кроме того, читатель не сумел бы увидеть эволюцию взглядов ученых во времени и изменение их подхода к вопросу.

Однако эта система является действенной лишь при определенных условиях.

а) *Библиография должна быть однородна и специализирована*, а предполагаемые читатели — достаточно информированы в данной отрасли науки. Если вышеуказанный пассаж соотносится, скажем, с темой сексуального поведения у голых жаб (темой, согласитесь, довольно узкой), то предполагается, что читатель-коллега с первого взгляда отреагирует на «Инграссия 1990», помня, что это означает труд «Самоограничение рождаемости у некоторых видов голых гадов»; и в любом случае читатель будет сознавать, что это Инграссия последнего периода, то есть когда его научные взгляды эволюционировали по отношению к его же, Инграссии, воззрениям в семидесятые-восьмидесятые годы.

Но тот, кто пишет диплом, к примеру, по европейской культуре начала века и рассматривает в нем и писателей, и поэтов, и дипломатов, и политиков, и философов, не может думать, будто его читатель способен распознать все цитируемые труды единственно по датам. В какой-то конкретной области — да, но не во всех же областях сразу.

б) *В библиографии должны быть современные книги*, то есть не старше последних двух столетий. При занятиях греческой философией не стоит пытаться процитировать Аристотеля по дате

первой публикации (причины сего, думаю, пояснять не обязательно).

в) *Библиография должна относиться к научным, академическим изданиям.* Не принято писать «Моравиа, 1929» для обозначения романа «Равнодушные».

Если данные вашего текста соответствуют этим характеристикам и попадают под эти ограничения, значит, систему автордаты можно вам порекомендовать.

В таблице № 18 приведен тот же лист диплома, что и в таблице № 16, только оформлен он по-иному. Сразу видно, что текст укоротился: в нем осталась одна сноска из шести. Соответствующая библиография (таблица № 19) немного удлинилась, однако сделалась яснее. Последовательность работ каждого автора проявляется с полной наглядностью (кстати: когда у автора есть две работы одного года, их различают, прибавляя к датам буквы алфавита). Наконец, гораздо меньше возни с многократным цитированием одного и того же источника.

Как вы увидите, этот принцип исключает описание по AAVV (ибо «AAVV, 1971» не значило бы ничего), и сборники описываются по имени составителя — научного редактора.

Далее. Вы увидите, что кроме описания отдельных статей, входящих в сборник, иногда вставляется в библиографию отдельным пунктом, под именем научного редактора, сам этот сборник, откуда статьи были взяты; а иногда он не вставляется и присутствует только в контексте описания статьи. Разница очень простая. Сборники приводятся отдельно, когда *из них взято более одной статьи* (в нашем случае Chomsky, 1971 ; Lakoff, 1971 ; McCawley, 1971). А книга «The Structure of Language» Катца и Фодора фигурирует лишь в развернутом библиографическом описании статьи «Структура семантической теории», поскольку библиография к работе *не содержит ни одного другого* текста, взятого из этого же сборника.

Наконец, вы сами увидите, что принцип «автор-дата» позволяет немедленно определить, в каком году текст публиковался впервые, даже если для работы мы пользовались более поздними изданиями. Поэтому принцип «автор-дата» полезен при рассмотрении однородных исследований по специальным вопросам, когда имеет большое значение, кто самым первым выдвинул теорию или поставил эмпирический опыт.

Последний аргумент, чем еще так выигрышна система автор-дата: предположите, что вы окончили и уже отпечатали свой диплом и в нем десятки сносок под страницами, так что даже нумеруя сноски каждой главы отдельно, вы в каждой главе доходите где-то до сноски номер 125. Внезапно обнаруживается, что был упущен крайне важный автор и комиссия вам этого не простит, так что надо срочно вставлять его в самый зачин первой главы. Появляется новая ссылка... Извольте переделывать номера всех прочих ссылок от первой до сто двадцать пятой!

При системе «автор-дата» ничего перемарывать не придется. Напечатайте над строкой изящную скобочку с фамилией и годом, а в общую библиографию впишите выходные данные нового источника. Может быть, придется переделать страницу библиографии, но все-таки — только одну!

И в менее острые моменты, еще до стадии окончательной перепечатки — даже в черновик диплома все-таки вставлять каждую новую нумерованную сноску гораздо хлопотнее, чем новую скобочку с именем-датой.

Что до библиографического перечня, то чем он больше специализирован, тем спокойнее вы можете сокращать всевозможные журналы, серии, повторяющиеся издания. Вот пример двух описаний, одно из которых по биологии, другое по медицине:

Mesnil, F., 1896. Etudes de morphologie externe chez les Annélides. Bull. Sci. France Belg. 29:110-287.

Adler, P., 1958. Studies on the Eruption of the Permanent Teeth. Acta Genet. et Statist. Med., 8: 78: 94.

Только не спрашивайте меня, что это значит. Исходим из предположения, что кто берется читать подобное, способен понять эти сокращения.

Таблица № 18

ТА ЖЕ СТРАНИЦА, ЧТО В ТАБЛИЦЕ № 16, ПЕРЕДЕЛАННАЯ ПО ПРИНЦИПУ АВТОР - ДАТА

Хомский в своей концепции (1965а: 162), даже признавая теорию интерпретационной семантики Катца и Фодора (Katz & Fodor, 1963), согласно которой значение высказывания равно сумме значений простейших элементов этого высказывания, в то же время упорно отстаивает приоритарность глубинной синтаксической структуры как определяющей для значения¹.

Безусловно, от этих начальных положений Хомский эволюционировал к более разветвленной концепции, предвосхищавшейся, однако, уже в его ранних работах (Chomsky, 1965а: 163), где намечались спорные вопросы, суммированные им в статье Chomsky, 1970, где семантической интерпретации отводилось промежуточное место между глубинной структурой и структурой поверхностной. Другие авторы (Lakoff, 1971) выстраивали генеративную семантику, в которой сама синтаксическая структура порождается логико-семантической формой (см. тжж. McCawley, 1971).

¹ Довольно полное освещение этого научного направления см. Ruwet, 1967.

Таблица № 19

ПРИМЕР СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ЗАТЕКСТОВОЙ БИБЛИОГРАФИИ

- Chomsky, Noam
1965a *Aspects of a Theory of Syntax*, Cambridge, M.I.T. Press, pp. XX-252 [пер. — проставить название переводного сборника, город, издательство, год]
- 1965b «De quelques constantes de la théorie linguistique», *Diogenè* 51 [пер. — проставить название журнала, номер выпуска, год]
- 1970 «Deep Structure, Surface Structure and Semantic Interpretation» в Jakobson, Roman, ed., *Studies in Oriental and General Linguistics*, Tokyo, TEC Corporation for Language and Educational Research, pp. 52-91; ныне в Steinberg & Jakobovits, 1971, pp. 183-216
- Katz, Jerrold J. & Fodor, Jerry A.
1963 «The Structure of a Semantic Theory», *Language* 39 (ныне в Katz, J.J. & Fodor, J.A., eds., *The Structure of Language*, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1964, pp. 479-518)
- Lakoff, George
1971 «On Generative Semantics», в Steinberg & Jakobovits, 1971, pp. 232-296
- McCawley, James
1971 «Where do noun phrases come from?», в Steinberg & Jakobovits, 1971, pp. 217-231
- Ruwet, Nicolas
1967 *Introduction à la grammaire generative*, Paris, Plon, p. 452
- Steinberg, Danny D. & Jakobovits, Leon A., eds.
1971 *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics, and Psychology*, New York, Cambridge University Press, pp. X-604

V. 5. Предосторожности, ловушки, обычаи

Бесконечно количество фокусов, известных в научной работе, и бесчисленны ловушки, куда вы можете попасть. В пределах этой главки мы набрасаем, без особенной системы, ряд предостережений, но ими никак не исчерпаются все рифы «Саргассова моря», которое предстоит переплыть до завершения диплома. Эти краткие оповещения только покажут вам, как разнообразны опасности, а обнаруживать и преодолевать их будете уж сами.

Не комментируйте очевидное и не указывайте источников, которые всем известны, не пишите «Наполеон, который, как мы читаем у Людвига, умер на острове Святой Елены». Такие простодушные откровения нередко попадают в дипломах. «Механические ткацкие станы, как утверждает Маркс, символизировали наступление промышленной революции» — чушь, потому что об этом еще до Маркса твердили все кому не лень.

Не приписывайте автору научную идею, которую тот привел в качестве чужой. Не только оттого, что попадете в положение пользователя, пускай невольного, источников из вторых рук. Но дело еще и в том, что ваш предшественник, цитируя, вполне мог и не соглашаться с цитируемым. В одном пособии для студентов по проблемам знака, среди возможных вариантов классификаций, я ругал одну классификацию, в которой знаки разделялись на экспрессивные и коммуникативные. Потом мне подали курсовую работу, где значилось черным по белому: «Эко разделяет знаки на экспрессивные и коммуникативные». А я-то клеймил подобное противопоставление за грубость и приводил его у себя исключительно как дурной пример!

Не добавляйте и не удаляйте примечания только ради того, чтобы сходились цифры. Когда диплом уже перепечатан (или тщательно подготовлен к перепечатыванию у машинистки), вдруг выясняется, что какое-то примечание лучше бы убрать, или, наоборот, необходимо вставить. Значит, полетит вся нумерация, —

надеюсь, что вы последовательно нумеровали примечания к каждой главе отдельно, а не по тексту диплома насквозь (одно дело перенумеровывать двадцать сносок, другое дело двести). И тут возникнет соблазн, дабы не переделывать все знаки сносок, просто вставить или просто вырезать соседнее примечанище.

Это по-человечески понятно. И все-таки лучше не вписывайте ненужные сноски и не удаляйте нужные. Вставьте дополнительный номерочек со звездочкой. Сразу предупреждаю: красоты в этом мало, придиричивый оппонент может раздражиться... Самый идеальный выход, конечно, сделать усилие над собой и аккуратно переменить все номера с начала до конца главы.

Как цитировать из вторых рук, не нарушая научной корректности. Из вторых рук, конечно, цитировать не надо, но если очень нужно, то можно, и для этого есть два различных способа.

Первый: Седанелли цитирует из Смита, что «пчелиный язык поддается переводу в термины трансформационной грамматики». Можно придать первостепенное значение тому факту, что именно Седанелли так сильно полюбил эту мысль, что, узнав ее от Смита, захотел процитировать. Тогда пишется сноска (по правде говоря, довольно косноязычная):

1. C. Sedanelli, *Il linguaggio delle api*, Milano, Gastaldi, 1967, p. 45 (автор цитирует работу: C. Smith, *Chomsky and Bees*, Chattanooga, Vallechiara Press, 1966, p. 56)

Второй способ — переместить главный акцент на личность Смита, упомянуть Седанелли только для очистки совести и оформить сноску так:

1. C. Smith, *Chomsky and Bees*, Chattanooga, Vallechiara Press, 1966, p. 56 (цитируется у C. Sedanelli, *Il linguaggio delle api*, Milano, Gastaldi, 1967, P. 45)

Всегда давайте точную информацию об академических изданиях, новых редакциях, дополненных вариантах. Если издание академическое, обязательно укажите, кто его подготовил. Укажите, если второе или энное издание было дополнено, пересмотрено

заново, отредактировано. Иначе может получиться, что некий автор у вас в 1940 году выразит какие-то взгляды, которые на самом деле он выработал только в 1970-м, что и привело к переработке давней книги. А в 1940 году он, может быть, об этом и понятия не имел.

Будьте начеку, переводя имена собственные с иностранных языков. Знаменитые личности зовутся в разных культурах по-разному. По-английски говорят Аквинат, имея в виду святого Фому Аквинского. Ансельм Кентерберийский у немцев и англичан — у итальянцев Ансельм из Аосты. Рогир ван дер Вейден голландцев и Рожье де ла Пастюр французов — одно и то же. Пусть пелагианская ересь не превратится у вас в пелагейскую. Разумеется, итальянское имя Giove — это не Иов и не Иегова, а Юпитер (в то же время «юпитер» по-английски — floodlight). Граф Беневенто и Наполеон — та же личность. Разберитесь с географией: Кот д'Ивуар или Берег Слоновой Кости? Для какой эпохи больше подходит первое, для какой — второе имя?

Вопросов возникнут сотни. Как на них отвечать? Прочитывая, по своей профессии, многие книги на многих языках. Встречаясь и разговаривая с коллегами. Немалому числу людей известно, что Сэтчмо — это Луи Армстронг. Они узнали это, беседуя и читая о джазе. Негоже выглядеть провинциалом. Вот и вы старайтесь запоминать мелкие и крупные факты, не садитесь в такую лужу, как один недавний дипломник, который, ознакомившись с несколькими единицами обязательной литературы, так и не узнал до самой защиты, в каких взаимоотношениях находились Вольтер и Аруэ. При подобных пассажах вместо «провинциалом» уместно сказать «болваном».

Осторожнее с цифрами в англоязычных текстах. Когда у них там стоит «2,625», это означает не два с дробными (тогда была бы точка) а две тысячи шестьсот двадцать пять.

Имейте в виду, что «Треченто» — это не тринадцатый, а четырнадцатый век. В мировой литературе по искусству «Треченто,

Кваттроченто...» и прочие подобные термины обычно применяются только к культуре Италии и почти всегда — конкретно к Флоренции. Слово же «Сеиченто», как правило, должно переводиться на другие языки как «стиль семнадцатого века, стиль барокко». Такие вот тонкие дистинкции бывают в нашей работе.

Благодарности. Приличия подсказывают, что если кто-то (кроме научного руководителя) помогал вам советами, рекомендовал и одалживал редкие книги, каким-то образом вам способствовал, — надо поблагодарить его в начале или в заключении вашей работы. Этим, в частности, вы покажете, что не сидели сложа руки, а искали совершенства где могли. Научного руководителя благодарить не надо. Он вам помогал, потому что служба у него такая.

Кто-то благодарит и объявляет, что всецело обязан некоему ученому. Забавно поглядеть, что бывает, если именно этого коллегу сильнее всего ненавидит тот оппонент, к которому поступает данный диплом на отзыв.

V.6. О научном достоинстве

В разделе IV.2.4. говорилось о научном смирении, которое должно пронизывать и методологию работы и ваш подход к работам предшественников. Теперь два слова о научном достоинстве в интонации вашего текста.

Мало что так раздражает, как студенческие работы (а случается, и печатные научные), полные *excusationes non petitae*.

«Не обладая безусловной квалификацией для обсуждения данной проблематики, мы все же позволим себе выдвинуть гипотезу, что...»

В каком смысле не обладая? Вы провозились порядочное количество месяцев, если не лет, с этой самой проблематикой. Предполагается, что перепахали всю возможную и невозможную литературу по вопросу. Вы бесконечно продумывали тему, старались, составляли конспекты, и все это чтоб на третьем году не обладать квалификацией? На что вы тогда просадили столько

времени? Не обладаете квалификацией, так не идите защищать-ся. Если же вы идете защищаться, это означает, что вы готовы и в любом случае не можете просить поблажек. После того как вы уяснили концепции предшественников, вычленили проблемные узлы и сочли, что способны предложить альтернативный подход к этим проблемам, — прыгайте и плывите.

Спокойно начните с того, что вам «представляется» или «думается». Когда выступаете вы — вы и есть знаток данной тематики. Если откроется, что знаток вы никудышный, это неприятно. Но приbedняться вы не имеете права. Вы представитель коллективного разума, уполномоченный от имени всего человечества развить конкретную тему. Будьте скромны и осторожны до тех пор, пока не настанет час открыть рот. Но открыв его, говорите уверенно и гордо.

Дипломная работа на тему X должна звучать так, как будто до настоящего времени никто и никогда не высказывался настолько исчерпывающе и ясно по X-му вопросу. Вся моя книга предупреждает, до чего осмотрительно следует выбирать тему, до чего аккуратно надо ограничивать ее рамки, сводить проблему, предположим, к сугубой простоте, предположим даже, к самой бесславной частности. Но на ту тему, которую вы сами себе задали, пусть даже это «Тенденции продаваемости периодических изданий в киоске на углу улицы Пизакане и улицы Густаво Модена в Милане в период 24-28 августа 1998 года», на эту тему вы должны выступать *самым авторитетным экспертом из всех живущих на земле*.

И даже если вами создается компилятивная работа, цель коей — обобщить все сказанное прежде вас по данному вопросу, и вы не покушаетесь на новаторство, все же вы — самый главный знаток того, что было сделано другими знатоками. Никто не может разбираться лучше вас *во всем*, что было некогда написано по теме вашего диплома.

Разумеется, работать надо было так, чтоб на защите не трястись от страха. Но это уже другой разговор... Как вы должны держаться? Без слезливости, без комплексов, то есть без занудства.

VI. ОФОРМЛЕНИЕ ДИПЛОМА

Обратите внимание: эта глава сверстана не по типографским, а по машинописным правилам. Перед вами модель окончательного оформления дипломной работы. В ней есть место и ошибкам, и исправлениям, потому что ни я, ни вы не безупречны¹.

Окончательное оформление включает в себя два вида работы: редактирование и печатание.

При этом не следует думать, будто редактирование — дело именно ваше и это умственный труд, а перепечатывание — дело машинистки и труд механический. Ничего подобного! Придать работе форму означает во многом повлиять и на ее сущность, и на методологию. Пусть это выполняет за вас машинистка, пусть она применяет стандарт по своему усмотрению, но в итоге сочинение приобретает законченную форму, которой во многом определяется и содержание. Если же стандарты, что было бы самое лучшее, применялись по вашему усмотрению, то независимо от первоначального вида вашего творения (писалось ли оно от руки, печаталось ли одним пальцем или — о ужас! — наговаривалось на диктофон), вы должны сопроводить первичный текст указаниями для перепечатки.

Вот почему в этой главе вы обнаружите рекомендации по оформлению, от которых зависят концептуальная ясность и доходчивость вашей дипломной работы.

В довершение всего, совсем не обязательно отдавать диплом на перепечатку. Вы можете попробовать набрать текст своими силами, особенно если вам требуется сложное графическое оформление. По крайней мере, наберите сами первый вариант, тогда вашим наборщикам придется только «почистить» и отшлифовать ту форму, которая в общих чертах намечена вами.

И вообще, учитесь пользоваться клавиатурой, хотя бы начинайте это делать, иначе всю жизнь вы будете оплачивать машинисток, и получится себе дорожке.

¹ В переводе этой главы выпущены рекомендации итальянским и европейским студентам, неприменимые в России. Лакуны помечены знаком <...>. Некоторые примеры изменены (с согласия автора). — прим. ред. и перев.

VI. ОФОРМЛЕНИЕ ДИПЛОМА

VI.1. Выбор принципа

VI.1.1. Поля и интервалы

Эта глава имеет заглавие, набранное ПРОПИСНЫМИ буквами и размещенное у левого края. Впрочем, заглавие может располагаться и по центру страницы. Глава имеет порядковый номер, в данном случае обозначенный римскими цифрами (позднее мы рассмотрим альтернативные возможности).

Затем, после пропуска трех интервалов, располагается, тоже у левого края, выделенный подчеркиванием заголовок очередного (в данном случае - первого) раздела главы. В его нумерации проставлен номер главы римской цифрой, а за ней номер раздела (арабской).

После пропуска двух интервалов приводится заголовок подраздела, также выровненный по левому краю. В заглавие подраздела входит номер, формируемый по тому же принципу, что и номер раздела. Это заглавие не подчеркивается.

Между заглавием подраздела и собственно текстом пропуск составляет полтора интервала. Каждый новый абзац начинается с абзацного отступа. Абзацные отступы облегчают чтение, потому что дают понять, что в каком-то смысле мысль исчерпана и тема рассуждения смещается чуть-чуть на другое. Абзацы следует делать часто, но не где попало. Они должны быть в тех местах, где при устном разговоре мы останавливаемся, как бы спрашивая собеседника: "Понял? Согласен? Раз так, мы можем продолжать".

Когда кончается подраздел, перед началом следующего обычно делается пробел в три интервала.

Строки обычного текста отстоят друг от друга на один-полтора интервала. Можно, конечно, размещать их и на расстоянии двух интервалов друг от друга. Это придает тексту более легкую "читаемость", а также иллюзорно больший объем, а кроме того, так легче вносить поправки и перепечатывание одной страницы занимает меньше времени. В случае оформления текста через два интервала надо позаботиться о том, чтобы пространства между заголовком главы, заголовком раздела и заголовком подраздела, рекомендованные мною, были соответственно увеличены на пол-интервала.

Если текст оформляет специалист, он сам знает, какое поле следует оставлять по четырем краям бумажного листа. Если вы набираете сами, не забудьте о том, что листы диплома потом будут как-то соединяться, и поэтому с левого края надо оставить довольно широкое поле. Рекомендуется оставить на странице "воздух" и по правому краю.

Вы видите, что в оформлении этой главы воспроизведен шрифт пишущей машинки. Вообще, вся эта глава является иллюстрацией к самой себе: подчеркнуто именно то и именно так, что и как предлагается подчеркивать; примечания содержат все признаки, которые перечислены как обязательные для примечаний, а деление на главы и разделы продумано в согласии с темой: классификация разделов и глав.

VI.1.2. Подчеркивания и прописные буквы

Те, кто перепечатывает текст на обыкновенной пишущей машинке, не могут использовать курсивы. Они заменяют курсив подчеркиванием. Получив подобный текст для набора, верстальщики везде вместо подчеркивания поставят *курсив*.

Что подлежит подчеркиванию/выделению курсивом? Это зависит от типа текста. В принципе критерии примерно таковы:

- а) подчеркиваются/выделяются курсивом непривычные иностранные слова. Из этого правила исключены слова, вошедшие в ваш язык, от "бар", "спорт", "бум", "крах" до "маркетинг" и "инвестор". Специальные термины не выделяются, то есть в сочинении по киноведению не подчеркиваются ни "гэг", ни "флешбэк";
- б) подчеркиваются сугубо научные термины: "самая ранняя форма жизни, обнаруженная в Британии - Kakabekia baqhoorniana, микроорганизм, возраст которого 4000 млн. лет";
- в) подчеркиваются слова, на которых вы хотите особо заострить внимание: "Карп в китайской символике означает стойкость и упорство, поскольку он преодолевает пороги реки для достижения ее устья". "Почему же компьютер назван Apple, по-английски яблоко? Точно-го ответа не может дать никто";
- г) подчеркиваются фразы (только, пожалуйста, недлинные), которые составляют собой программную идею вашего сочинения или его окончательный вывод: "В Оглавлении должны присутствовать все главы, разделы, подразделы, пункты и подпункты, с той самой нумерацией, которая придана им в основном тексте";

<...>

Внимание! Не надо подчеркивать цитаты из других авторов. При цитировании следуйте правилам раздела V.3; и вообще длина подчеркнутого текста не может превышать собой три строки. Злоупотребление подчеркиваниями приводит к тому же, что и злоупотребление криками "волк, волк!". На них перестают реагировать. Подчеркивание уместно в тех местах, где при чтении вслух вы сделаете особый нажим голосом; оно призывает следить за вашей мыслью даже тех, кто чем-то рассеялся, отвлекся.

Во многих книгах наряду с курсивами (то есть подчеркиваниями) используется также набор прописными буквами. В типографиях для этого применяются прописные буквы меньшего размера, чем те, которые входят в используемый стандартный шрифт. В пишущей машинке этого ресурса нет. Можно использовать (гомеопатическими дозами) прописные буквы машинного шрифта. Ими вы будете выделять основные термины, требующие внимания. Во всех остальных случаях - подчеркивайте. Пример подобной системы:

"Ельмслев называет **ЗНАКОВОЙ ФУНКЦИЕЙ** корреляцию, устанавливаемую между двумя **ФУНКТИВАМИ**, принадлежащими двум планам, вообще независимым - плану **ВЫРАЖЕНИЯ** и плану **СОДЕРЖАНИЯ**. Эта дистинкция конфликтует с понятием знака, отдельно взятого".

Не забывайте, что всякий раз, когда вы вставляете в текст научный термин заглавными буквами (и всякий раз, когда вы его вставляете в подчеркнутом/курсивном виде) этот термин должен быть объяснен либо сразу перед тем, либо сразу после того: "В апреле 1971 года Китай посетила группа игроков в настольный теннис из США, Канады и других стран. Поездка положила начало нормализации отношений между КНР и США. Так началось применение пинг-понговой дипломатии". Или: "Не везде, конечно, свирепствует трискайдекафобия (боязнь числа тринадцать); Гручо Маркс полагал, что тринадцать человек за столом может быть несчастливym числом лишь в случае, если хозяева приготовили только двенадцать котлет". Не применяйте прописные буквы для торжественности ("Обнаруженное нами представляется **КРАЙНЕ ВАЖНЫМ** для доказательства"). Вообще, не применяйте ничего для торжественности, ни восклицательных знаков, ни многозначительных многоточий, многоточиям место только там, где указывается выпущенный кусок фразы. Восклицания и многоточия - явные признаки дилетантства, они встречаются обычно в книгах, публикуемых на деньги автора.

VI.1.3а. Графическое оформление подраздела:

В каждом разделе могут быть подразделы, как в этой главе. Если заголовок раздела выделялся подчеркиванием, заголовок подраздела пусть не подчеркивается, он будет выделяться именно этим. В то же время, как вы видите, для опознания разделов/подразделов употребляются разные формы нумерации. Читатель понимает, что римская цифра указывает на номер главы, первая арабская - на номер раздела и вторая арабская - на номер подраздела.

VI.1.3б. Графическое оформление подраздела. Мы повторили здесь предыдущий заголовок с тем, чтоб показать, что можно давать заголовки в подбор с текстом первого абзаца, при этом подчеркнув. Эта система неплоха, но она лишает вас возможности дробить подразделы на пункты и подпункты, а бывает, что пункты и подпункты нужны для смысла (как мы увидим непосредственно в этой главе).

Можно использовать, кроме того, систему нумерации без заголовков. Ниже приводится образец такой системы, третий вариант того же подпункта.

VI.1.3в. Текст начинается сразу после цифр; между этой строкой и предыдущим абзацем обязательно должен быть пробел. Однако предпочтительнее, чтобы разделы, подразделы, пункты и подпункты все же были снабжены заголовками. Это облегчает жизнь читателю и ориентирует вас самих на максимальную логичность композиции. Заголовок свидетельствует о том, что новый пункт - это действительно новый пункт.

Независимо от заголовков, нумерация главок тоже может выглядеть по-разному. См. раздел VI.4 "Оглавление", где показаны различные принципы нумерации.

VI.1.4. Кавычки и иные знаки

Кавычки "лапки" применяются в следующих случаях:

- а) при цитировании фразы или небольшого отрывка чужого текста внутри абзаца, как например утверждение из справочника редактора: "Набранные так же, как основной текст, стоящие внутри него цитаты заключают в кавычки, чтобы показать границы каждой - начало и конец"¹;
- б) при первоначальном цитировании чужого словосочетания: например, сначала мы введем со ссылкой выражение "quotation marks" ("кавычки"), употребляемое в "Справочнике"², но когда оно начнет повторяться, сможем приводить его попросту в форме quotation marks или даже QUOTATION MARKS, учитывая, что это технический термин, составляющий один из основных предметов нашего рассуждения;
- в) берутся в кавычки обычные выражения или слова, которым мы хотим придать отчуждающее звучание. Кавычки уместны в рассуждении о том, что "поэзия" как категория идеалистической эстетики должна восприниматься в ином плане, нежели ПОЭЗИЯ - заглавие раздела в издательском каталоге наряду с ПРОЗОЙ и ЭССЕИСТИКОЙ. Так, можно писать, что у Ельмслева понятие ЗНАКОВОЙ ФУНКЦИИ конфликтует с понятием "знака". Абсолютно недопустимо использовать кавычки для придания словам важности. В этом случае, уж если на то пошло, применяется подчеркивание, но и это средство надо по возможности экономить;
- г) в кавычки берутся произносимые реплики: скажем, драматические. Гамлет, например, может спрашивать: "Быть или не быть? Вот в чем вопрос." Однако предпочтитель-

¹ Ф. Гарамон, Справочник редактора, 4^е изд., пер. с англ., Рим, Эдиторе, 1978, с. 40.

² Там же, с. 41.

нее приводить отрывки из пьес в форме диалога, они легче читаются:

Гамлет. - Быть или не быть? Вот в чем вопрос.

Необходимо, однако, исходить из правил, принятых в критической литературе по вашей дисциплине.

Что делать, когда нужно процитировать чужой текст в кавычках внутри другого закавыченного текста? Нужно использовать кавычки другого рисунка, например, одинарные. Скажем, так: "По мнению Смита, фраза 'Быть или не быть? Вот в чем вопрос' выступала пробным камнем для всех без исключения шекспировских переводчиков". Ну, а если Смит заявляет, что Блэк заявлял, будто Браун сказал, будто Уайт думал... В этом случае кавычки "третьей ступени" пусть будут «елочками», при перепечатке на машинке их можно даже вставлять от руки: «Смит заявил, что Блэк разделял убеждение Брауна, будто "Уайт ошибается, оспаривая, что фраза 'Быть или не быть? Вот в чем вопрос' являлась пробным камнем", но опирался в своих выводах на концепцию Грина» и проч. и проч.

Однако если вы помните пункт V.3.1, правило 8, читаемой вами книги, там показано, что длинные цитаты правильнее всего набирать меньшим шрифтом, со втяжкой и без всяких кавычек. При этом вы сможете избавиться от проблемы «елочек» и "лапок" или хотя бы свести ее к минимуму.

Тем не менее вам могут понадобиться, кроме «елочек», еще и другие знаки; <...> так, скажем, в лингвистическом контексте необходимо отличать означающее от означаемого, и это достижимо за счет применения разных знаков выделения. /Означаемое/ можно выделять косыми скобками, а «означающее» «елочками», достигая следующего результата: /пес/ есть «четвероногое плотоядное млекопитающее».

Речь идет о достаточно редких случаях. В этих случаях решение можно принимать исходя из правил, употребляемых в изучаемой вами критической литературе.

Если каких-то знаков в наборной клавиатуре нет, представляйте их черной ручкой. В обиходе формальной логики, в математике, в редких языках существуют такие знаки, которые можно только врисовывать в текст, хотя это и изрядное мучение. Если редкие значки повторяются в вашей работе часто, попробуйте их чем-нибудь заменять. Существуют международные системы соответствий для логико-математических формул.

$p \supset q$	становится в машинописи	$p \rightarrow q$
$p \wedge q$	становится в машинописи	$p \bullet q$
$p \vee q$	становится в машинописи	$p \underline{\vee} q$
p	становится в машинописи	Lp
$\diamond p$	становится в машинописи	Mp
$\sim p$	становится в машинописи	$- p$
$(\forall x)$	становится в машинописи	(Ax)
$(\exists x)$	становится в машинописи	(Ex)

Конечно, лучше спросить заранее у научного руководителя, одобряет ли он употребление этих соответствий. Также имеет значение, используются ли они в авторитетной литературе по вашему вопросу. Может быть, следует кратко заметить во Введении, что использована транслитерация, и по какой причине, и по какому принципу.

Затрудняют дело и скобки различной формы. В лингвистической работе фонема может представлять как в виде [b], так и в виде /b/. Но в большинстве случаев скобки различной формы передаются попросту круглыми скобками, приблизительно с таким результатом:

$\{(p \supset q) \wedge (q \supset r)\} \supset (p \supset r)$ становится в машинописи
 $\{((p \rightarrow q) \bullet (q \rightarrow r)) \rightarrow (p \rightarrow r)\}$
 <...>

VI.1.5. Диакритические знаки и транслитерация

Транслитерировать означает переписывать текст, применяя алфавит, отличный от первоначального. Транслитерация не преследует своей целью передать фонетическое звучание слова. Ее цель иная: воспроизвести оригинал буква в букву, так чтобы можно было догадаться об исходном написании текста, даже не зная языка, но имея понятие о соответствии двух алфавитов.

Диакритические знаки - добавляются к буквам для придания им фонетического своеобразия. Знаками диакритики называются ударения над гласными, используемые в качестве указателя закрытости/открытости, что распространено в романских языках, а также французская седиль под ç, испанская тильда над ñ, немецкий умляут над ü, перечеркивание ø в датском, польская ł с перекладиной и так далее.

Если ваш диплом не по польской литературе, можете смело посылать к черту черточку и делать то же, что делают все журналисты: писать Lodz вместо Łodz. С основными европейскими языками правила требуют более нежного обхождения. Приведем конкретные примеры.

К французскому языку все придираются беспощадно. Европейские клавиатуры содержат все французские строчные буквы. Что касается прописных, то в прописном виде существует только С седиль. Гласные теряют свои "аксаны" и мы будем писать Ça ira, но Ecole (не École), A la recherche... (не À la recherche...), помня, что так делают и книги тоже.

Немецкие же гласные с диерезисом-"умляутом" сохраняют его и в прописном состоянии. Пишите обязательно ü, а не ue, Führer, а не: Fuehrer.

Всегда нужно следить, чтобы в словах испанского языка и в строчном и в прописном написании соблюдалось острое Ударение над гласными и тильда над ñ. В машинописи,

чтобы поставить тильду над строчным **ñ**, можно использовать французское выгнутое (circonflexe) ударение домиком. Но я не стал бы это делать в работе, посвященной испанской литературе.

Всегда нужно следить, чтобы в словах португальского языка и в строчном и в прописном виде соблюдалась тильда над пятью гласными и сидиль под с.

С прочими языками все зависит от ситуации, и в частности от того, цитируете ли вы отдельное слово или же весь ваш диплом связан с этим языком. В отдельных случаях выручают паллиативные решения, принятые в газетах и журналах: замена датской буквы **å** удвоением аа, чешского **ů** буквой у, польской перечеркнутой **ł** буквой л и так далее.

В таблице 20 приводим правила транслитерации кириллических букв латинскими и правила транслитерации букв греческого алфавита, что может быть полезно для тех, кто пишет дипломы по истории, философии и другим гуманитарным дисциплинам.

Таблица 20

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ БУКВ ЛАТИНСКИМИ

А а	А а	К к	К k	Х х	Н h
Б б	В в	Л л	Л l	Ц ц	С с
В в	V v	М м	М m	Ч ч	С̣ с̣
Г г	G g	Н н	Н n	Ш ш	Š š
д д	D d	О о	О o	Щ щ	ŠČ šč
Е е	Е е	П п	Р р	Ъ ъ	
Ё ё	Ё ё	Р р	R r	Ы ы	У у
Ж ж	Ž ž	С с	S s	Ь ь	
З з	Z z	Т т	T t	Э э	Ё ё
И и	I i	У у	U u	Ю ю	Ju ju
Й й	J j	Ф ф	F f	Я я	Ja ja

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ БУКВ
ЛАТИНИЦЕЙ И КИРИЛЛИЦЕЙ

Α Β Γ Δ Ε Ζ Η Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ξ Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ψ Ω

α β γ δ ε ζ η θ ι κ λ μ ν ξ ο π ρ σ τ υ φ χ ψ ω

a b g h d e z ē th i c l m n x p r s t ü ph ch p̄ o

а б г д е з э ф и к л м н х о п р с т у ф кс

н
НОСОВОЕ

На заметку: γγ — ngh

γκ = nc

γξ = ncs

γχ = nch

VI.1.6. Пунктуация, ударения, аббревиатуры

В каждом издательстве, в каждой редакции существует набор тонкостей, касающихся знаков препинания, кавычек, примечаний, ударений. С дипломной работы спроса меньше, чем от подготовленной к печати рукописи. Тем не менее тонкости эти всякому не мешает знать и по возможности применять на практике. И помнить: важен не столько сам критерий, сколько постоянство его применения.

Точки и запяты. Точка ставится всегда после закрывающих цитату кавычек, если перед ними не стоит многоточие, восклицательный или вопросительный знак. Но это не распространяется на случаи, когда перед закрывающими кавычками действительно есть многоточие, или восклицательный знак, или вопросительный знак, и при этом

Таблица 21

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ОБЫЧНО ПРИМЕНЯЕМЫХ В ТЕКСТЕ, ПРИМЕЧАНИЯХ, БИБЛИОГРАФИИ НА ЛЮБЫХ ЯЗЫКАХ

Anon.	Аноним
cfr	ср.
ed.	в романских языках - издание; в англ. яз. - научный редактор
e.g.	в английских текстах - <i>exempli gratia</i> , например
etc, et cetera, et caetera	и так далее
ex.	например
fo., ff., f., fol	лист
Idem, Eadem, lidem	он же, она же, они же
infra	ниже
Ms	рукопись
NB	обратить внимание
op.cit	процитированное сочинение
passim	повсюду(используетсявслучаях,когда понятие встречается не на одной странице, а в тексте постоянно)

цитата не является самостоятельным предложением, а выступает как член того предложения, в которое включена. Так, мы напишем, что Смит задается вопросом, соглашаться ли с теорией Вольфрама, который утверждает, что "бытие идентично небытию с любой, какую ни возьми точек зрения...".

Номер подстрочного или затекстового примечания. Включается в кавычки, если примечание относится к определенному слову, и ставится после кавычек, если темой примечания является полная цитата.

<.....>

VI.1.7. Беспорядочные советы

Как можно меньше слов с большой буквы. Разумеется, даже Любовь и Ненависть мы напишем с большой буквы, анализируя конкретные философские понятия у древнегреческих мыслителей; но в наше время, говоря о Славе или Долге, большие буквы можно вводить только иронически. Исследуя проблемы общества, отгородитесь от лишнего пафоса, пишите просто "слава" и "долг". Не запрещается написание "Нобелевская Премия", но годится и "Нобелевская премия". Можно "Компания Юнайтед Стейтс Стил", но гораздо элегантнее "Компания «Юнайтед стейтс стил»". "Самым долгим маршем в истории войн был знаменитый Великий марш китайских коммунистов в 1934-1935 гг.": заглавную букву используем только в первом слове наименования исторического феномена.

Будем помнить, что одно и то же слово требует разного обращения в разных контекстах. Будем писать Североамериканские Соединенные Штаты, но северные штаты Америки; Сикстинская Капелла, но капелла Портинари; Центральный вокзал в Милане, но центральный вокзал в Риме; Церковь Святой Екатерины, но письма святой Екатерины;

монастырь Святого Франциска, но монастырский устав святого Франциска. Шампанское "Вдова Клико", но оперетта "Веселая вдова"; Мадам Баттерфляй, но мадам Бовари. Во многих странах Европы принято писать слово "площадь" со строчной буквы, однако Пляс Вандом и Графальгар Сквер пишутся с прописной. Немецкие абстрактные термины, даже в транслитерированном виде, требуют сохранения своей "природной" прописной буквы: Остполитик.

Прописные буквы, конечно же, применяются при цитировании и пересказе сакральных текстов: "Мы не придаем какого-либо существенного значения кресту; это было бы греховно и являлось бы идолопоклонством. Мы почитаем в кресте Того, кто на нем умер".

Старайтесь применять строчные буквы везде, где только возможно без ущерба постижимости написанного. Венский мир, президент республики, святой Фома - это именно то, что нужно для интеллигентного диплома.

А вообще, как всегда, правило такое: придерживайтесь традиции, принятой в вашей отрасли знания, причем пользуйтесь образцами не древнее последних десяти лет.

Какие бы кавычки вы ни открывали, не забывайте их закрыть. Кажется, что совет дурацкий, но поверьте, речь идет о самом частом ляпе даже в аккуратно подготовленных рукописях. Цитату обязательно начинают в каком-то месте, но иногда не заканчивают нигде.

Не используйте арабские цифры слишком часто. Это предупреждение, разумеется, не относится к дипломам по математике или по статистике, а также к иным случаям, в которых требуется анализ данных или процентов. Но если вами утверждается нечто обычное, не надо писать, что воинство состояло из 50 000 латников, или что в романе 3 части. Пишите "пятьдесят тысяч" и "семь глав", а цифру приберегите для библиографической ссылки. Убытки мил-

лионера составили десять процентов, гангстер погиб в возрасте сорока двух лет, от деревни до города было тридцать километров.

Цифры, конечно, используются в датах, но и там по возможности применяйте просто слова. 16 мая 1993 года, а не 16/05/93. Есть традиционные сокращения: Первая мировая война в итальянской традиции называется "война 15-18 гг.", а во французской - "война 14-18 гг.". Повторяю: необходимо исходить из конкретного культурного контекста.

Продумывайте стилистические нюансы. Понятно, что кто-то приходит к кому-то в гости в половине двенадцатого утра, но тем не менее вода подымается до отметки 25 см в 11.30 такого-то числа.

Римские цифры употребляются в определенных контекстах: XIII век, папа Пий XII, VI флот. Не пишите "XIIй": это не принято, римские цифры и так всегда обозначают порядковое числительное.

<...>

Существует иерархия римских и арабских чисел: римская цифра указывает на высший уровень. Указание XIII, 3 может обозначать третью часть тринадцатого тома, третий стих тринадцатой песни, третий выпуск тринадцатого года. Можно в этих случаях писать попросту 13, 3 и вообще-то вас поймут. Но если вы напишете 3, XIII, могут не понять.

"Гамлет" Ш, II, 28 - это ссылка на двадцать восьмой стих второй сцены третьего акта шекспировской пьесы. Можно представить эту ссылку и в форме "Гамлет" Ш, 2, 28; но в форме "Гамлет" 3, 2, XXVIII - нельзя.

Вставляя в текст таблицы и рисунки, карты и диаграммы, нумеруйте их хоть по-римски, хоть по-арабски, но только сохраняйте, пожалуйста, этот же принцип и в оглавлении. Отлично, если счет таблиц вы будете вести римскими цифрами, а счет диаграмм отдельно арабскими, это очень облегчит чтение вашего диплома.

VI. Оформление диплома

Вычитывайте текст за машинисткой! И не только для того, чтобы выправить описки и огрехи (особенно тщательно проверяйте имена собственные и иностранные слова). Вычитывайте также и для того, чтобы убедиться, что нумерация ссылок последовательна и что в библиографических сносках правильно указаны номера страниц. Обращайте внимание на следующее:

Нумерация страниц рукописи: все в порядке?

Перекрестные отсылки внутри текста: номера глав и страниц совпадают с вашей идеей?

Цитаты: открыты кавычки в начале, закрыты кавычки в конце? Правильно оформлены пропуски текста, поставлены многоточия, квадратные скобки? Абзацные отступы на своих местах? Все цитаты имеют отсылку?

Сноски: цифра каждой сноски в тексте соответствует ее порядковому номеру? Каждая сноска графически отделена от основного текста? Номера сносок а) не перескакивают и б) не повторяются?

Затекстовая библиография: алфавитный порядок выдержан? Никому вы не вставили имя вместо фамилии? В каждом пункте наличествуют данные, необходимые для опознания издания? Не вышло ли так, что некоторые издания описаны более подробно (с количеством страниц и с выходными данными издательской серии), а другие более скудно? Удалось ли вам отграничить отдельные издания от статей из периодики? Правильно ли описаны тома продолжающихся изданий? Поставили ли вы точку в конце каждого пункта?

VI.2. Затекстовая библиография

Оформление библиографии требует более долгого, более подробного, более серьезного разговора. Правда, мы останавливались на этой теме по крайней мере дважды.

В разделе III.2.3. нашей книги объяснялось, как надо делать библиографическое описание, а в разделах V.4.2 и V.4.3 было сказано, как оформлять ссылки на цитируемые работы и как увязывать внутритекстовую (или подстраничную) ссылку с затекстовой библиографией.

Остается добавить, что любая курсовая и дипломная работа обязательно должна иметь затекстовую библиографию, как бы ни были подробны и обстоятельны отдельные библиографические сноски. Читающего не заставляют лезть по страницам, отыскивая выходные данные цитируемых книг.

В некоторых дипломах и курсовых библиография составляет раздел необходимый, но служебный. Однако в других студенческих работах (скажем, в тех, которые посвящаются исследованию литературы определенного направления или всем, как изданным, так и неизданным сочинениям определенного автора) библиография вполне может оказаться самой важной частью работы. Не говоря уже о дипломах библиографических по определению, скажем "Фашизм в отражении исторической критики 1945-50 гг.", где библиография вообще представляет собой не исходную точку, а вывод.

Поэтому ограничимся только несколькими соображениями о том, как следует организовывать библиографию. Возьмем для примера диплом по Бертранию Расселу. Библиография будет делиться на Работы Бертрания Рассела и Работы о Бертрание Расселе (конечно, не исключен и вступительный теоретический раздел Работы по истории философии двадцатого века). Произведения Бертрания Рассела должны перечисляться в хронологическом порядке, а критические работы - по алфавиту; но только если тема не формулируется "Исследования творчества Бертрания Рассела в период 1950-1960 гг. в Англии", в каковом случае даже и библиографию по Расселу лучше строить по хронологическому принципу.

Если же будет избрана тема "Авентинская оппозиция 1924 г. Противоборство католиков приходу фашизма к власти в Италии", библиографию можно структурировать иначе. Отдельно - парламентские акты и постановления; отдельно - статьи в католической прессе; отдельно - материалы фашистской периодики; отдельно - пресса иных направлений; и, наконец, исторические труды по событиям 1924 года (а также раздел общих сочинений по истории Италии соответствующего периода).

Как легко заметить, структура списка меняется в зависимости от названия диплома. Надо суметь так организовать библиографию, чтобы в нее были введены различия между первичными и вторичными источниками, между строго научными исследованиями и журналистскими разглашательствами.

Подведем итоги, учитывая сказанное в этой и предыдущих главах. Цели библиографии следующие: а) придать опознаваемость цитируемому тексту; б) оптимизировать доступность цитируемого текста и в) заявить о своей причастности к набору специальных правил изучаемой научной дисциплины.

Причастность к научной традиции демонстрируется посредством двух приемов: во-первых, вы должны охватить как можно более полный круг научной литературы по теме, а во-вторых, должны точно следовать правилам библиографического описания, принятым в вашей области. Специальные нормы ваших дисциплин, разумеется, должны быть вам известны, и поэтому приведенные мной в этой книге стандартные правила нуждаются в коррекции. Исходите из изучаемой вами научной литературы.

Что же до первого приема, возникает законный вопрос: надо ли включать в библиографические списки лишь те книги, которые вы действительно прочитали, или можно перечислить всю литературу, которая относится к вопросу и в существовании которой вы уверены? Самый есте-

ственный ответ - это что в списки положено включать только реально проработанные труды по вопросу и что любой другой метод составления списка - жульничество. Однако и здесь нужно учитывать специфику исследуемых тем. Можно представить себе исследование, целью которого является обобщить всю сумму печатных сообщений по какому-то вопросу, причем совершенно ясно, что прочесть все эти публикации за пределами человеческих сил. Подобный список имеет право на жизнь, только пускай автор диплома откровенно скажет в самых первых строках, что он не прочитал насквозь каждый пункт библиографического перечня. Может быть, ему следует поставить звездочку против тех номеров списка, которые он честно прочитал. Подобный подход, впрочем, применим лишь к тем научным темам, по которым не издавалось полных библиографий.

По названию библиографии всегда понятно, насколько она серьезна. Список литературы может носить название "Список литературы", "Библиографические отсылки", "Выходные данные", "Использованная литература", "Общая библиография по такой-то теме". Из названия ясно, каким требованиям этот список обязательно должен удовлетворять, а чего от него требовать не надо. Нельзя давать заглавие "Список литературы по Второй мировой войне" тощему перечню из тридцати названий на вашем родном языке. Надпишите сверху "Использованная литература" и ступайте с богом.

Какой бы бедной ни была ваша библиография, постарайтесь все же придать ей хороший алфавитный порядок. На это есть свои правила. Разумеется, порядок этот в первую очередь касается фамилий. Аристократические приставки "де" и "фон", если они пишутся со строчной буквы, в фамилии не входят, но входят, если пишутся с прописной: "Д'Аннунцио", но "Соссюр, Фердинанд де"; Де Амичис, Дю Белле, Лафонтен, но Бетховен, Людвиг ван. Впрочем,

VI. Оформление диплома

главное - держать в памяти образцы, вычитанные в критической литературе по предмету. Часто, скажем, для древних авторов (до четырнадцатого века) основным выступает имя, а вовсе не то, что кажется фамилией, то есть то что на самом деле может означать либо отчество, либо место рождения/происхождения.

В общем, рекомендуется следующее построение стандартного библиографического списка:

Источники

Библиографии

Работы по главной теме или по главному автору (лучше если разделенные на две группы: книги и периодика)

Дополнительные материалы (интервью, документы, таблицы, иллюстрации и проч.)

VI.3. Приложения

Для некоторых видов дипломов приложение или приложения просто жизненно необходимы. Если в сочинении по филологии разбирается редкий текст, вами найденный и переписанный, приложение - первопубликация этого текста - самый оригинальный кусок вашей работы. Если в вашем дипломе часто цитируется какой-то интересный документ, то будь он даже опубликован, все-таки можно для удобства читателей воспроизвести его в приложении. Для диплома по правоведению, в котором разбирается некий закон или часть свода законов, хорошее приложение - текст этих постановлений, кроме случаев, когда речь идет о самых распространенных текстах, имеющих под рукой у всех.

Публикация в приложении какого-либо материала избавит вас от необходимости вставлять в текст длинные и нудные цитаты и позволит обходиться коротенькими отсылками.

В приложение следует отправлять таблицы, диаграммы, статистические сводки, за исключением самых сжатых, которые нормально смотрятся и в основном тексте.

В общем, отправляйте в приложение все то, что способно отяжелить текст и затруднить его чтение. Однако мало что так действует на нервы, как слишком частые отсылки к приложению, когда читающий вынужден метаться от страницы основного текста в конец рукописи, а затем обратно. Руководствуйтесь соображениями здравого смысла. Старайтесь придать вашему творению прозрачность и простоту. Лучше вставляйте в основной текст сжатые переписки, краткие цитаты, и пишите дальше, а тот, кто захочет проверить ваши выводы, может обратиться к документу приложения, благо он под рукой.

Если вам желательно развить какой-то тезис, однако тем самым вы рискуете отвлечься от основной мысли диплома, есть возможность вынести в приложение весь отрывок, посвященный побочному вопросу. Предположим, ваша дипломная работа посвящена "Поэтике" и "Риторике" Аристотеля (роли этих трактатов в развитии теорий искусства периода Возрождения), Работая, вы обнаруживаете, что в определенный момент к этим текстам обратилась "чикагская школа" (двадцатый век), предложив их современную трактовку. Если трактовка "чикагской школы" имеет какое-то отношение к теме "Аристотель и Возрождение", вы процитируете ее непосредственно в тексте диплома. Однако может статься, что эта тема обширнее и хорошо подходит для отдельной заметки в приложении, с тем чтобы показать, что не только Возрождение, но и двадцатый век обращались к Аристотелю за творческими импульсами. Точно также, сочиняя диплом по романскому языкознанию (на материале "Тристана") вы можете посвятить отдельный очерк теме Тристана в декадентской культуре от Вагнера до Томаса Манна. Эта тема не имеет прямого отношения к языкознанию, но если вы доказываете, что в

трактовке Вагнера имеются интересные лингвистические аспекты, либо, наоборот, что трактовка Вагнера вовсе не учитывает лингвистическое своеобразие материала, ваше приложение вполне уместно в составе филологического диплома.

Нередко в приложениях помещают резюме ненаписанных статей - заявки на будущие исследования. Я не большой поклонник подобных приложений к студенческим работам. Подобные публикации приличествуют, если на то пошло, зрелым ученым, которые могут позволить себе блистать эрудицией по всякому поводу. Но в качестве психологического подспорья такие приложения незаменимы. Бывает, что исследователю в ходе работы открываются параллельные или альтернативные пути и соблазн рассказать об этих прозрениях чересчур силен. Лучше уж пусть о них рассказывается в приложениях. Так будет удовлетворен творческий зуд и в то же время не повредится строгая логическая структура основного рассуждения.

V.1.4. Оглавление

В оглавлении должны присутствовать все главы, разделы, подразделы, пункты и подпункты, с той самой нумерацией, которая придана им в основном тексте. Этот совет, несомненно, тоже покажется вам излишним, но все-таки, прежде чем давать рукопись оппонентам, проверьте, пожалуйста, совпадают ли цифирки в оглавлении и в тексте.

Оглавление является той необходимой помощью, которую вы обязаны оказать как читателю, так и себе самому. Только оно дает возможность быстро отыскивать интересные темы.

Оглавление может размещаться как в начале работы, так и в ее конце. В Италии и во Франции обычно размеща-

ют оглавление в конце. В англоязычных странах и во многих немецких изданиях - в начале.

Мне кажется, что лучше, когда оглавление стоит в начале. Перевернув первые две страницы, читатель сразу видит его, а чтобы найти его в конце, от читателя требуется большее физическое усилие. Но прошу иметь в виду: если оглавление в начале, пусть оно действительно будет в начале. В некоторых англоязычных книгах оглавление верстают после вступительной статьи, а иногда после вступительной статьи, введения к первому изданию и предисловия ко второму изданию. С тем же успехом могли бы вставлять это оглавление в середину тома.

При издании книг может быть принято альтернативное решение: помещают в начало лишь краткое содержание (перечень основных глав или рубрик), а в конец - детальный предметный и именной указатель. Это делается в работах, где деление на главы подчеркнуто аналитическое. В дипломной работе такая тщательность излишня. Для диплома хватит хорошего аналитического оглавления, желательного размещенного в начале работы, сразу после титульного листа.

Оглавление должно воспроизводить принципы графического оформления основного текста: если 1.2. является подпунктом от 1., его заглавие должно быть втянуто вправо. В таблице 22 я предлагаю две модели оглавления. Помните, что главы, разделы и подразделы могут нумероваться и по иному принципу, с участием, наряду с арабскими, - римских цифр, букв алфавита и пр.

Таблица 22

ПРИМЕР ОГЛАВЛЕНИЯ, тип 1

МИККИ МАУС - ВСЕМИРНЫЙ ГЕРОЙ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Введение.	с.
1. РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА	
1.1. Проектная группа:	с.
1.1.1. Авторы идеи Микки.	с.
1.1.1.1. Уб Иверкс.	с.
1.1.1.2. Уолт Дисней.	с.
1.1.2. Режиссерская группа.	с.
1.1.3. Сценарная группа.	с.
1.2. Работа над фильмами:	с.
1.2.1. Художники-мультипликаторы	с.
1.2.2. Озвучивание.	с.
1.2.2.1. Уолт Дисней (с 1928 по 1947).	с.
1.2.2.2. Джим Макдональд (с 1947 по 1983).	с.
1.2.2.3. Уэйн Оллуайн (с 1983).	с.
1.3. Эволюция символа Микки.	с.
1.3.1. Период до 1939 г. (фигура в детских штанишках)	с.
1.3.2. Период с 1939 г. и далее (фигура во взрослом костюме).	с.
2. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МИККИ В КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ ЕВРОПЫ	
2.1. Перевод имен основных персонажей фильмов на европейские языки.	с.
2.1.1. Микки.	с.
2.1.2. Минни.	с.
2.1.3. Плутто.	с.
2.1.4. Гуфи.	с.
2.1.5. Дональд Дак.	с.
2.2. Использование тематики Микки Мауса ведущими европейскими радиостанциями.	с.
3. ИСТОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ МИККИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	
3.1. Роль образа Микки как символа США в годы Второй мировой войны.	с.
3.1.1. Дональд и Плутто - персонажи военной пропаганды.	с.
3.1.2. Микки и Минни: мотив «воюющего жениха»	с.
3.1.3. Высадка союзников в Нормандии (Д-день) и «Микки Маус» в качестве военного пароля	с.

4. ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА И КУЛЬТ МИККИ МАУСА	
4.1. Франклин Д. Рузвельт о Микки Маусе.	с.
4.2. Сергей Эйзенштейн о Микки Маусе.	с.
4.3. Бенито Муссолини о Микки Маусе.	с.
4.4. Энди Уорхол и его интерпретация образа Микки Мауса	с.
Выводы.	с.
Статистические таблицы: использование мотивов Микки Мауса в массовой культуре Европы.	с.
Приложение 1. Частота употребления мотива Микки Мауса в передачах БиБиСи 1950-1951 гг.	с.
Приложение 2. Приобретение прав на использование символики Микки Мауса текстильными предприятиями Европы в 1980-1981 гг.	с.
Литература по вопросу:	
Фильмография.	с.
Изданные сценарии.	с.
Использованные рукописи из архива киностудии «Уолт Дисней».	с.
Научная и критическая литература.	с.

ПРИМЕР ОГЛАВЛЕНИЯ, тип 2

МИККИ МАУС - ВСЕМИРНЫЙ ГЕРОЙ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Введение

1. РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА
2. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МИККИ В КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ ЕВРОПЫ
3. ИСТОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ МИККИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ
4. ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА И КУЛЬТ МИККИ МАУСА

Выводы

Это же оглавление может иметь нумерацию такого вида:

А. ПЕРВАЯ ГЛАВА

А.1. Первый раздел

А.11. Второй раздел

А.11.1. Первый пункт второго раздела

А.11.2. Второй пункт второго раздела

а также еще и такого вида:

I. ПЕРВАЯ ГЛАВА

I.1. Первый раздел

I.2. Второй раздел

I.2.1. Первый пункт второго раздела

I.2.2. Второй пункт второго раздела

Можете выбрать еще и другие критерии, лишь бы они давали возможность отобразить структуру работы с такой же ясностью и очевидностью.

Как вы видели, нет необходимости ставить точку в конце строчек оглавления. Что до номеров страниц, удобнее, если вы позаботитесь выровнять их не по левой, а по правой цифре:

- 7.
- 8.
- 9.
- 10.

Это же относится и к римской нумерации. Занудство? Я бы не сказал. Чистоплотность. Вы же поправляете галстук, когда он лезет на сторону; и даже самые расхристанные «неформалы» не ходят с птичьими какашками на пальто.

VI. ВЫВОДЫ

Завершим эту работу двумя главными выводами: 1) *писать диплом надо с удовольствием* и 2) *диплом как свиная туша — не дает отходов*.

Те неопытные, кто робели пред перспективой создания диплома, за который они не знали как и браться, и внимательно прочитали эту книгу, имеют законное право прийти в ужас. Сколько трудностей, сколько поучений, не управиться вовеки...

Ничего подобного! Ради полноты я исходил из предпосылки, будто читатель абсолютно девствен; но любой из вас, прочитав хоть сколько-то книжек, какие-то технические навыки в себя принял. Эта книга служит неким сборником, где описываются все навыки и доводятся до рационального уровня знания, которыми вы владеете подсознательно. И водитель машины, если начнет рефлексировать о собственных поступках, вдруг поймет, что должен являть собой фантастический механизм, способный в доли секунды принимать жизненно важные решения без малейшего права на ошибку. И все же машину все как-то водят, и процент населения, который гибнет в автокатастрофах, подтверждает тот факт, что большинство остается живыми.

Надо работать в охотку. Если выбрана тема, которая вам интересна, если вы в самом деле решили отвести на диплом какое-то время, пусть даже не очень большое (как вы помните, минимальный период, по нашим подсчетам, составляет полгода), вы заметите, что диплом может превратиться в увлекательнейшее конструирование, что-то вроде пари или игры в охотников за сокровищами.

Есть какой-то спортивный азарт в погоне за недоступными текстами, радость разгаданного кроссворда, когда отыскивается, после длительных умственных терзаний, ответ на некий вопрос, казавшийся безысходным.

Повторяю: диплом — это пари. Пари с самими собою. Начинается дело с загадки, которая не имеет ответа. Результат должен

быть обретен за конечное число ходов... Впрочем, есть и противоборец. Это ваш материал, который не желает делиться секретом. Вы должны «расколоть» его. Выследить, захватить, изучить. Вызвать то, что он скрывает. Сделать предложение, от которого не отказываются... А иногда диплом — это пазл: надо найти каждому фрагменту единственное место.

Если исходить из спортивного интереса, диплом получится хороший. Если же с первой минуты воспринимать его как ритуальное действие, не затрагивающее сути, — считайте, что партия проиграна. Чем тратить ваше время на такое (повторю, хотя мой совет подсуден) — купите себе диплом, украдите, не отравляйте жизнь себе и тем, кто обязан помогать вам и читать вас.

Если вы работали в свое удовольствие, вам захочется продолжить. Обычно в ходе написания диплома единственная мысль — когда же я от него избавлюсь? Мечтают только никогда его больше не видеть. Но после защиты, в тех случаях, разумеется, когда диплом делался на совесть, начинает чувствоваться какой-то деятельный зуд. Как-то хочется усовершенствовать те пункты, которые были недоработаны, углубить те наметки, которые возникали по ходу дела, но на которые не было ни времени, ни силы. Хочется дочитать недочитанные книги, дописать недописанные мысли. Это — знак, что работа над дипломом пробудила творческие пищеварительные процессы. Знак, что вы заразились исследовательской бациллой, как Чаплин в «Новых временах», продолжающий закручивать гайки после работы, выйдя с завода; предстоит побороться с собой, тормозя этот импульс.

Но когда затормозите, может быть, и обнаружится, что у вас научное призвание и что ваш диплом — не только способ обзавестись долгожданными «корочками», а университет не только ступень восхождения по общественной лестнице, и не только дань почтения родителям. Кстати, если исследовательский труд вас действительно так радует, это не обязательно означает прямой путь в аспирантуру, гонку за контрактами, конкурсы, невозможность сразу зарабатывать. Вы можете идти себе трудиться по специальности и отводить какое-то разумное время на решение интересу-

ющих вас проблем; для этого не обязательно сидеть на кафедре. Специалист, уважающий себя, по идее, всегда продолжает свой научный рост.

Какую бы роль в своей жизни вы ни отводили разысканиям, вы обнаружите, что добросовестный диплом полезен до малейшего хрящика. Во-первых, из него можно выкроить одну или несколько научных статей, а может быть, и книгу (обогадив и расширив, разумеется).

А остальные кусочки пойдут в стряпню: вы будете то и дело возвращаться за цитатами, перечитываете свои конспекты и сумеете извлечь из них дополнительные сведения, не вошедшие в окончательный текст работы. То, что было проходною сноской, может сделаться отдельной главой вашей докторской диссертации...

Диплом может пригодиться вам и через десять и через двадцать и через тридцать лет. Потому что первая любовь, она не ржавеет, как вы знаете.

Учебное издание

ЭКО Умберто

**КАК НАПИСАТЬ ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ.
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Учебно-методическое пособие

Издательство благодарит *Ермашова Д. В.*

Художник *Орлова-Петрушина М. О.*

Редактор *Сульчинская О. В.*

Корректор *Иванова Н. В.*

Компьютерная верстка

Билак О. М., Павловская А. В.

Подп. в печать 18.10.01. Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Объем 7,5 п. л.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4831.

ООО «Книжный дом «Университет»
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс: (095) 939-40-36, 939-40-51.
[Http://www.kdu.ru](http://www.kdu.ru). E-mail: kdu@kdu.ru.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ГИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.